Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

КАРЛЪ КАУТСКІЙ.

СОЦІАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦІЯ.

I. Соціальная реформа и соціальная революція.
II. На другой день послѣ соціальной революціи.

Переводъ съ нѣмецкаго Н. КАРПОВА.
Подъ редакціей **Н. ЛЕНИНА.**

Изданіе Лиги Русской Революціонной Соціальдемократіи.

ЖЕНЕВА
Типографія Лиги, Route Caroline, 27.
1903

I.

СОЦІАЛЬНАЯ РЕФОРМА И СОЦІАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦІЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящее сочиненіе обязано своимъ появленіемъ на свѣтъ иниціативѣ соціалистическаго кружка самообразованія въ Амстердамѣ, — кружка, состоящаго главнымъ образомъ изъ академиковъ, — который пригласилъ меня прочитать рефератъ въ Амстердамѣ и Дельфтѣ. Въ числѣ предложенныхъ мною темъ была и „соціальная революція“. Такъ какъ голландскіе товарищи въ обоихъ городахъ выбрали одну и ту же тему, мнѣ же не хотѣлось читать одно и то же два раза, то я и раздѣлилъ свое чтеніе на два, по внѣшности не зависящіе другъ отъ друга, но по своему внутреннему содержанію находящіеся въ тѣсной связи между собою, реферата — „Реформа и революція“ и „На другой день послѣ соціальной революціи“.

Оба реферата кружокъ пожелалъ потомъ издать. Противъ этого я ничего, разумѣется, имѣть не могъ; но уже въ интересахъ распространенія я предпочелъ выпустить ихъ въ свѣтъ въ Германіи, подъ фирмою нашей партіи, на что охотно согласились упомянутые голландскіе товарищи.

Настоящее сочиненіе не представляетъ изъ себя стенографической записи моихъ рефератовъ. Излагая ихъ на бумагѣ, я вставилъ много мыслей, которыя приходилось опускать при чтеніи, чтобы не затягивать его свыше мѣры. Но всетаки я не вышелъ изъ рамокъ реферата и не сдѣлалъ изъ него книги.

Цѣль моей работы настолько очевидна изъ самого ея содержанія, что никакихъ особыхъ разъясненій по этому поводу не требуется. Правда, для Голландіи она пріобрѣла еще нѣкоторое особое значеніе; незадолго до моихъ лекцій, — которыя читались 22 и 24 апрѣля текущаго года, — бывшій министръ Пирсонъ (Pierson) на публичномъ собраніи выставилъ и защищалъ положеніе, что пролетарская революція должна неизбѣжно, въ силу внутреннихъ причинъ, потерпѣть крушеніе. Мои рефераты явились прямымъ отвѣтомъ на это утвержденіе. Г. министръ былъ такъ любезенъ, что присутствовалъ даже на второмъ изъ моихъ рефератовъ; онъ усердно дѣлалъ себѣ замѣтки, но, къ сожалѣнію, не выступилъ противъ меня съ своими возраженіями.

1. Понятіе соціальной революціи.

Немного найдется понятій, которыя возбуждали бы такую массу споровъ, какъ понятіе революціи. Объясняется это отчасти тѣмъ, что ни одно понятіе не затрагиваетъ такъ сильно существующихъ интересовъ и предразсудковъ, какъ понятіе революціи, отчасти тѣмъ, что мало найдется понятій, допускающихъ столько различныхъ толкованій.

Явленія, вообще говоря, нельзя отграничивать одно отъ другого такъ рѣзко, какъ вещи, въ особенности же общественныя явленія, которыя отличаются крайней сложностью и усложняются тѣмъ болѣе, чѣмъ дальше идетъ общество по пути развитія, т. е., чѣмъ разнообразнѣе становятся формы совмѣстной дѣятельности людей. И къ числу самыхъ сложныхъ принадлежитъ такое явленіе, какъ соціальная революція, т. е., коренное измѣненіе унаслѣдованныхъ отъ прошлаго формъ совмѣстной дѣятельности людей.

Неудивительно, что это всѣми употребляемое слово употребляется въ различномъ смыслѣ не только разными людьми, но даже однимъ и тѣмъ же лицомъ въ разное время. Одни разумѣютъ подъ революціей баррикады, сожженіе замковъ, гильотины, сентябрьскія убійства, совокупность всевозможныхъ ужасовъ. Другіе обнаруживаютъ тенденцію отнять у этого слова всякій страшный смыслъ и разсматривать революцію, какъ рядъ крупныхъ, но незамѣтныхъ, мирныхъ преобразованій въ обществѣ, въ родѣ тѣхъ, которыя вызваны были открытіемъ Америки или изобрѣтеніемъ паровой машины. Между этими двумя крайностями существуютъ разнообразныя промежуточныя ступени.

Маркъ въ предисловіи къ „Критикѣ политической экономіи“ называетъ соціальной революціей болѣе или менѣе быстрый переворотъ во всей огромной юридической и политической надстройкѣ общества, являющійся результатомъ измѣненія его экономическаго фундамента.

Если держаться этого опредѣленія, то изъ понятія соціальной революціи сразу устраняется „измѣненіе экономическаго фундамента“ общества, вызванное, скажемъ, изобрѣтеніемъ паровой машины или открытіемъ Америки. Это измѣненіе есть причина революціи, а не самая революція.

Однако, я не хотѣлъ бы ограничиться этимъ опредѣленіемъ соціальной революціи. Ее можно понимать и въ болѣе узкомъ смыслѣ. Именно: можно не всякій переворотъ въ юридической и политической надстройкѣ общества считать революціею, — а лишь особую форму или особый способъ совершенія этого переворота.

Всякій соціалистъ стремится къ соціальной революціи въ широкомъ смыслѣ слова, и однако же есть соціалисты, которые отвергаютъ революцію и хотятъ достигнуть соціальнаго переворота только путемъ реформы. Соціальной революціи противопоставляютъ соціальную реформу. Именно въ этомъ состоитъ разногласіе, которое вызываетъ въ настоящее время споры въ нашихъ рядахъ. И я намѣренъ здѣсь говорить лишь о соціальной революціи въ этомъ узкомъ смыслѣ слова, — въ смыслѣ особаго способа совершенія соціальнаго переворота.

Противоположность между реформой и революціей заключается не въ томъ, что въ одномъ случаѣ примѣняется сила, а въ другомъ нѣтъ. Всякое юридическое и политическое мѣропріятіе есть мѣропріятіе насильственное, проводимое силою государства. Особенные виды примѣненія силы, — уличныя схватки и казни, — также не составляютъ существеннаго свойства революціи въ противоположность реформѣ. Они вызываются особенными обстоятельствами, не имѣютъ необходимой внутренней связи съ революціей и могутъ быть спутни-

ками также и реформистскихъ движеній. Когда депутаты третьяго сословія объявили себя національнымъ собраніемъ Франціи 17 іюня 1789 года, это былъ въ высшей степени революціонный актъ, хотя онъ и не сопровождался никакими насильственными дѣйствіями. Наоборотъ, въ той же Франціи въ 1774 и 1775 гг. были крупныя возстанія, преслѣдовавшія лишь такую, совсѣмъ не революціонную, цѣль, какъ установленіе таксы на хлѣбъ, которое должно было, будто бы, положить конецъ вздорожанію хлѣба!

Указавъ на уличныя схватки и казни, какъ на признаки революціи, мы тѣмъ самымъ подошли къ источнику, изъ котораго мы можемъ почерпнуть поучительныя данныя по вопросу о сущности революціи. Великій переворотъ, начавшійся во Франціи въ 1789 году, сдѣлался классическимъ типомъ всякой революціи. Именно этотъ переворотъ больше всего имѣютъ въ виду, когда говорятъ о революціи. На немъ всего лучше можемъ мы изучить сущность революціи и выяснить противоположность между революціей и реформой. Французской революціи предшествовалъ цѣлый рядъ попытокъ произвести реформы (самыя замѣчательныя изъ нихъ принадлежатъ Тюрго), — попытокъ, которыя во многихъ отношеніяхъ стремились къ тому самому, что было впослѣдствіи осуществлено революціей. Чѣмъ отличаются реформы Тюрго отъ соотвѣтствующихъ мѣропріятій революціи? Между тѣми и другими лежитъ завоеваніе политической власти новымъ классомъ. Въ этомъ именно и заключается существенное различіе между революціей и реформой. Мѣропріятія, имѣющія цѣлью привести юридическую и политическую надстройку общества въ соотвѣтствіе съ измѣнившимися экономическими условіями, являются реформами, если они исходятъ отъ тѣхъ же классовъ, которые и до тѣхъ поръ политически и экономически господствовали надъ обществомъ, — являются реформами даже въ томъ случаѣ, когда они не даются добровольно, а вынуждаются давленіемъ со стороны угнетенныхъ классовъ или силою обстоятельствъ. Наоборотъ, такого рода мѣропріятія суть дѣянія револю-

ціи, если они исходятъ отъ такого класса, который до сихъ поръ былъ политически и экономически угнетеннымъ классомъ, а теперь завоевалъ себѣ политическую власть и этой властью онъ въ своихъ собственныхъ интересахъ необходимо долженъ воспользоваться для того, чтобы болѣе или менѣе быстро передѣлать всю политическую и юридическую надстройку и создать новыя формы совмѣстной дѣятельности людей.

Итакъ, завоеваніе государственной власти угнетеннымъ до тѣхъ поръ классомъ, т. е. политическая революція, составляетъ существенный признакъ соціальной революціи въ тѣсномъ смыслѣ слова, въ противоположность соціальной реформѣ. Кто принципіально отвергаетъ политическую революцію, какъ средство соціальнаго переворота, или хочетъ свести этотъ переворотъ къ такимъ только мѣропріятіямъ, которыхъ можно добиться отъ господствующихъ классовъ, тотъ является соціаль-реформистомъ, — въ какомъ бы сильномъ противорѣчіи его общественный идеалъ ни находился съ существующей формой общественнаго устройства. Напротивъ, всякій, кто стремится къ тому, чтобы угнетенный до сихъ поръ классъ завоевалъ себѣ политическую власть, является революціонеромъ. Такой человѣкъ нисколько не перестаетъ быть революціонеромъ, когда хочетъ подготовить это завоеваніе и ускорить его посредствомъ соціальныхъ реформъ, которыя онъ старается вынудить у господствующихъ классовъ. Не стремленіе къ соціальнымъ реформамъ, а ограниченіе своей задачи соціальными реформами, — вотъ что отличаетъ соціаль-реформиста отъ соціаль-революціонера. Съ другой стороны, только тогда политическая революція становится революціей соціальной, когда она исходитъ отъ соціально угнетеннаго класса, когда этотъ классъ, старое общественное положеніе котораго находится въ непримиримомъ противорѣчіи съ его политическимъ господствомъ, оказывается поставленнымъ въ необходимость завершить свою политическую эмансипацію эмансипаціей соціальной. Распря среди господ-

ствующихъ классовъ, какія бы рѣзкія формы гражданской войны она ни принимала, не есть соціальная революція.

Только о соціальной революціи въ разъясненномъ здѣсь смыслѣ я и буду говорить въ дальнѣйшихъ главахъ.

---

2. Эволюція и революція.

Соціальная реформа можетъ быть вполнѣ примирима съ интересами господствующихъ классовъ. Ихъ господствующее положеніе въ обществѣ она во всякомъ случаѣ оставляетъ для даннаго момента неприкосновеннымъ и можетъ даже, при извѣстныхъ условіяхъ, укрѣплять его. Напротивъ, соціальная революція по самому существу своему непримирима съ интересами господствующихъ классовъ, такъ какъ она означаетъ при всякихъ условіяхъ уничтоженіе ихъ господствующаго положенія. Не удивительно, что господствующіе классы всегда поносили и клеймили революцію и, когда имъ начинало казаться, что ихъ положеніе колеблется, противопоставляли идеѣ соціальной революціи идею соціальной реформы, превознося эту послѣднюю до небесъ, — съ тѣмъ, конечно, чтобы сплошь да рядомъ не давать ей превратиться въ дѣйствительность на землѣ.

Аргументы противъ революціи брались всегда изъ господствовавшихъ въ данный моментъ формъ мышленія. Пока надъ мышленіемъ людей господствовало христіанство, революцію отвергали, какъ грѣховное возстаніе противъ богомъ поставленной власти. Въ новомъ завѣтѣ легко было найти доказательства въ пользу этого мнѣнія, такъ какъ новый завѣтъ возникъ въ эпоху римской имперіи, въ такой періодъ, когда казалось безнадежнымъ всякое возстаніе противъ господствовавшихъ властелиновъ, когда прекратилась всякая самостоятельная политическая жизнь. Въ свою очередь, революціонные классы отвѣчали на эти доказательства текстами изъ

ветхаго завѣта, въ которомъ живъ еще мѣстами духъ первобытной крестьянской демократіи.

Впослѣдствіи, когда теологическій способъ мышленія смѣнился юридическимъ, революцію стали опредѣлять, какъ насильственную ломку существующаго правопорядка; нарушать же право, — разсуждали противники революціи, — никто не имѣетъ права; слѣдовательно, право на революцію — абсурдъ, революція во всякомъ случаѣ является правонарушеніемъ. А представители стремившихся къ освобожденію классовъ противопоставляли существующему, юридически сложившемуся праву — то право, котораго они добивались, какъ вѣчное, разумное и естественное право, какъ неотъемлемое право человѣка; обратное же завоеваніе этого послѣдняго права — права, которое могло погибнуть, очевидно, лишь вслѣдствіе правонарушеній, — нельзя считать правонарушеніемъ, хотя бы оно совершилось и путемъ революціи.

Въ настоящее время теологическіе аргументы уже никого не сбиваютъ съ толку; всего менѣе могутъ они оказать вліяніе на революціонные слои народа. Но и ссылка на историческое право утратила свою силу. Революціонное происхожденіе современнаго права и современныхъ правительствъ слишкомъ свѣжо, чтобы въ защиту ихъ можно было апеллировать къ законности. Не только правительства Франціи, но и династіи Италіи, Испаніи, Болгаріи, Англіи, Голландіи — всѣ революціоннаго происхожденія; короли баварскій и вюртембергскій, великіе герцоги баденскій и гессенскій не только своими титулами, но и значительной частью своихъ областей обязаны революціонному выскочкѣ Наполеону; Гогенцоллерны утвердили свое теперешнее положеніе на развалинахъ троновъ, и даже Габсбурги преклонились передъ венгерской революціей; повѣшенный in effigie (заочно) въ 1852 году государственный преступникъ Андраши сдѣлался въ 1867 году императорскимъ министромъ, нисколько не измѣняя идеямъ національной венгерской революціи 1848 года.

Буржуазія сама принимала живѣйшее участіе во

всѣхъ этихъ ломкахъ историческаго права. Поэтому, разъ сдѣлавшись господствующимъ классомъ, она не могла уже осуждать революцію во имя этого права, хотя ея философы права и употребляли всѣ усилія, чтобы примирить между собою историческое и естественное право. Для заклейменія революціи буржуазія должна была искать болѣе дѣйствительныхъ аргументовъ, — и она нашла ихъ въ новомъ, выросшемъ вмѣстѣ съ нею способѣ мышленія, — въ естественно-научномъ. Пока буржуазія была революціонна, до тѣхъ поръ и въ естественной наукѣ (геологія и біологія) господствовали теоріи катастрофъ, въ основѣ которыхъ лежало представленіе, что развитіе природы идетъ внезапными, рѣзкими скачками. Когда буржуазная революція была вполнѣ завершена, на мѣсто теоріи катастрофъ выдвинулось ученіе о постепенномъ, незамѣтномъ развитіи, являющемся результатомъ накопленія безчисленнаго множества крохотныхъ шажковъ впередъ и приспособленій къ конкурренціонной борьбѣ. Революціонной буржуазіи очень близка была мысль о катастрофахъ не только въ обществѣ, но и въ природѣ; консервативной буржуазіи эта идея стала казаться неразумной и неестественной.

Я не хочу, конечно, сказать этимъ, будто при созданіи своихъ теорій въ каждый данный моментъ естествоиспытатели руководятся политическими и соціальными потребностями буржуазіи. Совсѣмъ нѣтъ. Тѣ самые люди, которые выступали приверженцами теоріи катастрофъ, по своимъ политическимъ взглядамъ являлись иногда завзятыми реакціонерами, а отнюдь не революціонерами. Но дѣло въ томъ, что всякій ученый невольно поддается способу мышленія того класса, среди котораго онъ живетъ, и всякій вноситъ кое-что изъ этого способа мышленія въ свои научныя воззрѣнія. Относительно Дарвина намъ положительно извѣстно, что его естественно-научныя гипотезы создались подъ сильнымъ вліяніемъ экономическихъ взглядовъ Т. Р. Мальтуса, этого рѣшительнаго противника революціи, Не случайность также, что теоріи эволюціи (Ляйель

Дарвинъ) возникали въ Англіи, — странѣ, гдѣ втеченіе послѣднихъ 250 лѣтъ замѣчаются только зачатки революціонныхъ движеній, развитіе которыхъ всегда заблаговременно умѣютъ остановить господствующіе классы.

Само собой разумѣется, что зависимость даннаго воззрѣнія отъ настроенія тѣхъ классовъ, среди которыхъ оно возникаетъ, не можетъ служить доказательствомъ вѣрности или невѣрности этого воззрѣнія. Но отъ ихъ настроенія очень можетъ зависѣть историческій успѣхъ даннаго воззрѣнія. Если новыя теоріи развитія были быстро и съ восторгомъ приняты широкими кругами народа, не имѣвшими абсолютно никакой возможности ихъ провѣрить, то объясняется это тѣмъ, что названныя теоріи соотвѣтствовали глубоко чувствовавшимся потребностямъ данныхъ слоевъ общества. Съ одной стороны, — и это обстоятельство дѣлало ихъ цѣнными даже въ глазахъ революціонныхъ слоевъ народа, — теоріи развитія гораздо радикальнѣе, чѣмъ старыя теоріи катастрофъ, устраняли всякую необходимость признанія сверхестественной силы, которая создаетъ мало по малу міръ отдѣльными актами творенія; съ другой стороны, — и этимъ онѣ всего больше нравились буржуазіи, — теоріи развитія всякую революцію, всякую катастрофу объявляли чѣмъ-то неестественнымъ, находящимся въ противорѣчіи съ законами природы, а слѣдовательно и неразумнымъ. Кто теперь хочетъ вести на научной почвѣ борьбу противъ революціи, тотъ дѣлаетъ это во имя естественно-научной теоріи эволюціи, которая говоритъ, что природа не знаетъ скачковъ, что никакое внезапное измѣненіе общественныхъ отношеній невозможно, что прогрессъ можетъ совершаться только путемъ суммированія мельчайшихъ измѣненій и улучшеній, называемыхъ въ области жизни общественной соціальными реформами. Революція, съ этой точки зрѣнія, представляется понятіемъ совершенно ненаучнымъ, по поводу котораго научно-образованные люди могутъ только пожать плечами.

На это можно было бы возразить, что общественныя явленія нельзя прямолинейно приравнивать къ явленіямъ природы. Правда, наше пониманіе однихъ безсознательно оказываетъ, какъ мы только что видѣли, вліяніе на наше пониманіе другихъ; но хорошаго-то въ этомъ мало, и мы не только не должны сознательно поощрять всякое прямолинейное перенесеніе законовъ одной области явленій на другую область, а, напротивъ, должны ограничивать его. Несомнѣнно, что всякій прогрессъ въ методахъ наблюденія и пониманія явленій въ одной области можетъ и будетъ способствовать усовершенствованію методовъ наблюденія и пониманія явленій въ другой области, но точно также несомнѣнно, что каждая изъ этихъ областей подчиняется своеобразнымъ законамъ, которые не имѣютъ силы для другой.

Приходится проводить уже рѣзкую грань между природой мертвою и природой живою; никому не придетъ въ голову на основаніи только внѣшняго сходства переносить законъ, имѣющій силу для одной изъ этихъ областей, на другую, напр., проблемы полового размноженія и наслѣдственной передачи разрѣшать просто путемъ примѣненія законовъ химическихъ соединеній. А между тѣмъ, такую же ошибку дѣлаютъ, когда законы природы прямо примѣняютъ къ обществу, — напр., когда, ссылаясь на борьбу за существованіе, объявляютъ конкурренцію естественной необходимостью, или когда изъ законовъ естественной эволюціи выводятъ неразумность или невозможность общественной революціи.

Но можно бы возразить и еще больше. Если въ естествознаніи похоронены навѣки старыя теоріи катастрофъ, то вѣдь и новыя теоріи, утверждающія, что эволюція можетъ совершаться только путемъ накопленія мельчайшихъ, незамѣтныхъ измѣненій, начинаютъ встрѣчать все болѣе и болѣе сильную оппозицію. Съ одной стороны, увеличивается тяготѣніе къ квіетистическимъ ученіямъ, къ консервативнымъ теоріямъ, которыя даже и эволюцію сводятъ до минимума; съ другой стороны, факты вынуждаютъ снова отводить въ обла-

сти развитія природы болѣе широкое мѣсто катастрофамъ. Это относится какъ къ Лайелевскимъ теоріямъ геологической эволюціи, такъ и къ Дарвиновскимъ теоріямъ органической эволюціи.

Совершается нѣкоторый синтезъ старыхъ теорій катастрофъ съ новыми теоріями эволюціи, сходный съ тѣмъ синтезомъ, который нашли онѣ въ марксизмѣ. Какъ марксизмъ различаетъ медленное экономическое развитіе и болѣе быстрый переворотъ юридической и политической надстройки, такъ и нѣкоторыя новѣйшія біологическія и геологическія теоріи, наряду съ медленнымъ накопленіемъ мелкихъ и мельчайшихъ измѣненій, признаютъ и рѣзкія, коренныя измѣненія формъ, катастрофы, являющіяся результатомъ первыхъ.

Замѣчательный примѣръ въ этомъ отношеніи представляютъ наблюденія, сообщенныя Де-Фрисомъ (de Vries) на послѣднемъ съѣздѣ естествоиспытателей въ Гамбургѣ. Онъ нашелъ, что виды растеній и животныхъ долго остаются неизмѣнными; одни въ концѣ-концовъ погибаютъ, когда сдѣлаются устарѣлыми и окажутся не приспособленными къ жизненнымъ условіямъ, измѣнившимся за это время; другіе виды счастливѣе, они, — какъ выражается самъ названный ученый, — внезапно „взрываются“, чтобы дать жизнь множеству новыхъ формъ, изъ которыхъ нѣкоторыя выживаютъ и размножаются, а остальныя, не соотвѣтствующія условіямъ жизни, погибаютъ.

Я не имѣю намѣренія дѣлать изъ этихъ новыхъ наблюденій выводы въ пользу революціи; это значило бы съ моей стороны впасть въ ту же самую ошибку, въ которую впадаютъ люди, выводящіе изъ теоріи эволюціи неразумность революціи. Но вышеупомянутыя наблюденія доказываютъ по меньшей мѣрѣ то, что естествоиспытатели сами расходятся между собою въ мнѣніяхъ по вопросу о роли катастрофъ въ развитіи земли и организмовъ, что, слѣдовательно, уже въ виду одного этого было бы неосмотрительно изъ той или другой ихъ гипотезы дѣлать прямолинейные выводы относительно роли революціи въ общественномъ развитіи.

Если бы, несмотря на все это, кто-либо сталъ дѣлать подобные выводы, то мы могли бы въ видѣ возраженія привести одинъ очень простой, общеизвѣстный примѣръ, осязательно показывающій, что и природа дѣлаетъ скачки: я имѣю въ виду актъ родовъ. Актъ родовъ есть скачекъ. Зародышъ, который составляетъ часть материнскаго организма, имѣетъ общее съ нимъ кровообращеніе, получаетъ отъ него питаніе, не дышетъ, — при родахъ сразу превращается въ самостоятельное человѣческое существо, съ собственнымъ кровообращеніемъ, существо, которое дышетъ и кричитъ, принимаетъ и выдѣляетъ черезъ кишечный каналъ собственную пищу.

Аналогія между родами и революціей не ограничивается одною лишь скачкообразностью процесса. Всматриваясь въ дѣло ближе, мы видимъ, что это скачкообразное превращеніе распространяется при родахъ только на функціи. Органы развиваются лишь медленно, и только на извѣстной ступени ихъ развитія становится возможнымъ тотъ скачокъ, который однимъ ударомъ заставляетъ ихъ функціонировать. Если скачокъ происходитъ раньше, чѣмъ достигнута эта ступень развитія, то въ результатѣ получается не начало новаго функціонированія органовъ, а прекращеніе всѣхъ функцій, смерть новаго существа. Съ другой стороны, какъ бы долго ни продолжалось медленное развитіе органовъ въ утробѣ матери, новыя функціи этихъ органовъ никогда не могли бы возникнуть безъ революціоннаго акта родовъ. На извѣстной ступени развитія органовъ зародыша этотъ революціонный актъ становится неизбѣжнымъ.

То же самое видимъ мы и въ обществѣ. И здѣсь революціи точно также являются результатомъ медленныхъ, постепенныхъ процессовъ развитія (эволюцій). И здѣсь медленно развиваются только общественные органы; — рѣзко, однимъ ударомъ, революціонно, могутъ быть измѣнены лишь функціи этихъ органовъ. Желѣзнодорожное дѣло развивается медленно, мало по малу. Но данную желѣзную дорогу можно разомъ пре-

вратить изъ предпріятія, функціонирующаго капиталистически, служащаго къ обогащенію извѣстнаго числа капиталистовъ, — въ предпріятіе, функціонирующее соціалистически, служащее исключительно общему благу. И какъ при родахъ революціонизируются заразъ всѣ функціи ребенка, — кровообращеніе, дыханіе, пищевареніе, — такъ и всѣ функціи желѣзной дороги должны быть революціонизированы одновременно, однимъ ударомъ, ибо всѣ онѣ связаны между собою тѣснѣйшимъ образомъ. Невозможно соціализировать эти функціи постепенно, одну за другою, напр., сегодня функціи машинистовъ и истопниковъ, черезъ нѣсколько лѣтъ функціи станціонныхъ сторожей, еще черезъ нѣсколько лѣтъ функціи кассировъ и бухгалтеровъ и т. д. Въ примѣненіи къ желѣзной дорогѣ это ясно какъ божій день; но не меньшую безсмыслицу, нежели постепенное соціализированіе различныхъ функцій желѣзной дороги, представляетъ собою и постепенное соціализированіе функцій какого-нибудь министерства въ централизованномъ государствѣ. Министерство также является единымъ организмомъ, органы котораго должны дѣйствовать вмѣстѣ, такъ что функціи одного изъ нихъ не могутъ измѣниться безъ измѣненія функцій всѣхъ остальныхъ органовъ. Идея постепеннаго завоеванія соціаль-демократіею отдѣльныхъ департаментовъ министерства не менѣе нелѣпа, чѣмъ попытка разложить актъ родовъ на нѣсколько отдѣльныхъ, — слѣдующихъ одинъ за другимъ, скажемъ, черезъ мѣсяцъ, — родовыхъ актовъ, превращать при каждомъ изъ этихъ актовъ какой-нибудь отдѣльный органъ изъ состоянія зародыша въ состояніе самостоятельнаго существа, и держать ребенка на пуповинѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не научится ходить и говорить.

Но, если желѣзныя дороги или министерство могутъ быть превращены изъ капиталистически функціонирующихъ учрежденій въ соціалистически функціонирующія, изъ органовъ капитала въ органы рабочаго класса не иначе, какъ однимъ ударомъ и во всѣхъ своихъ частяхъ заразъ, то сдѣлать это можно лишь на

извѣстной ступени развитія всѣхъ общественныхъ органовъ, — причемъ, конечно, для общества нельзя установить съ такой научной точностью, какъ установляется это для материнскаго организма, — когда именно достигнута требуемая степень зрѣлости.

Съ другой стороны, актъ рожденія означаетъ не окончаніе развитія человѣческихъ органовъ, а начало новой эпохи развитія. Ребенокъ вступаетъ теперь въ новыя условія существованія, при которыхъ образуются новые органы, а органы, уже имѣющіеся, совершенствуются далѣе, каждый въ своемъ особомъ направленіи. Во рту выростаютъ зубы, глаза научаются видѣть, руки — брать, ноги — ходить, ротъ — говорить и т. д. Точно такъ же и соціальная революція означаетъ не завершеніе соціальной эволюціи, а начало новаго развитія общества. Соціалистическая революція можетъ превратить фабрику изъ капиталистической собственности въ собственность общественную однимъ ударомъ. Но лишь постепенно, втеченіе медленно совершающагося процесса развитія можно было бы превратить фабрику изъ мѣста однообразнаго, отталкивающаго каторжнаго труда въ привлекательное мѣсто веселой работы жизнерадостныхъ людей. Точно также соціалистическая революція могла бы однимъ ударомъ обратить въ общественную собственность существующія нынѣ крупныя сельскохозяйственныя предпріятія. Но, гдѣ господствуетъ мелкое сельское хозяйство, тамъ должны бы были создаться органы общественнаго, соціалистическаго производства въ сельскомъ хозяйствѣ, а такіе органы могутъ явиться лишь результатомъ медленнаго развитія.

Какъ видитъ читатель, аналогію между актомъ родовъ и революціей можно провести очень далеко. Но, разумѣется, отсюда слѣдуетъ только то, что ссылками на природу никоимъ образомъ нельзя доказывать, будто соціальная революція представляетъ собою нѣчто по необходимости неразумное и неестественное. Какъ уже сказано, мы не имѣемъ никакого права на основаніи наблюденій надъ явленіями природы дѣлать прямоли-

нейные выводы относительно общественныхъ явленій. Мы не имѣемъ, стало быть, права идти дальше, и, на основаніи этой аналогіи между родами и революціей, заключать: какъ всякое животное должно разъ пережить катастрофу, чтобы подняться на высшую ступень развитія (актъ родовъ или, у птицъ, вылупливаніе изъ яйца), такъ и общество можетъ подняться на болѣе высокую ступень развитія только путемъ катастрофы.

---

3. Революціи въ древности и въ средніе вѣка.

Къ рѣшенію вопроса о томъ, является ли революція необходимостью, или нѣтъ, мы можемъ придти лишь путемъ изслѣдованія фактовъ, характеризующихъ ходъ общественнаго развитія, а не путемъ естественно-историческихъ аналогій. Но стоитъ только бросить взглядъ на этотъ ходъ развитія, чтобы убѣдиться, что соціальная революція въ болѣе узкомъ смыслѣ слова, принимаемомъ нами здѣсь, не есть необходимое послѣдствіе всякаго соціальнаго развитія. Развитіе общества происходило, и притомъ въ очень широкихъ размѣрахъ, еще до возникновенія классовыхъ противоположностей и политической власти; очевидно, однако же, что на этой стадіи эволюціи не могло быть и рѣчи о завоеваніи политической власти угнетеннымъ классомъ, а слѣдовательно и о соціальной революціи.

Но и послѣ того, какъ образовались классовыя противоположности и государственная власть, мы еще долго не видимъ ничего такого, что бы вполнѣ соотвѣтствовало нашему понятію соціальной революціи, — ни въ древности, ни въ средніе вѣка. Мы встрѣчаемъ, правда, очень часто ожесточенную классовую борьбу, гражданскія войны, политическія катастрофы, но мы не находимъ того, чтобы хоть какая нибудь изъ этихъ катастрофъ привела къ прочному и радикальному измѣненію въ отношеніяхъ собственности, а стало быть и къ образованію новой формы общества.

Причины этого нужно, по моему мнѣнію, искать въ слѣдующемъ. Въ древности, а также въ средніе вѣка, центръ тяжести экономической и политической жизни лежалъ въ общинѣ. Каждая община представляла собою самодовлѣющую, во всѣхъ существенныхъ отношеніяхъ, соціальную единицу, которая связана была лишь очень слабыми узами съ внѣшнимъ міромъ. Большія государства являлись только конгломератами общинъ, связанныхъ воедино какою-либо династіей или общиной, господствовавшей надъ остальными и эксплуатировавшей ихъ. Каждая община шла своимъ особымъ путемъ экономическаго развитія, опредѣлявшимся ея своеобразными мѣстными условіями, а соотвѣтственно этому въ каждой общинѣ велась своя особая классовая борьба. Слѣдовательно, политическія революціи этихъ эпохъ были прежде всего лишь коммунальными, общинными революціями; уже поэтому не было возможности произвести посредствомъ политической революціи переворотъ во всей общественной жизни болѣе или менѣе обширной области.

Чѣмъ меньше число индивидуумовъ, участвующихъ въ данномъ общественномъ движеніи, чѣмъ въ меньшей степени движеніе это является движеніемъ массовымъ, тѣмъ меньше выступаетъ въ немъ наружу всеобщее и закономѣрное, тѣмъ больше преобладаетъ въ немъ случайное и личное. Еще рѣзче должно было обнаруживаться это при разнообразіи классовой борьбы въ различныхъ общинахъ. А такъ какъ въ классовой борьбѣ не выступали массовыя явленія, такъ какъ закономѣрное и общее заслонялось случайнымъ и личнымъ, то не было почвы и для болѣе глубокаго пониманія общественныхъ причинъ и цѣлей классовыхъ движеній. Какъ ни грандіозна работа, выполненная греческой философіей, — понятіе научной политической экономіи оставалось ей совершенно чуждымъ. У Аристотеля находимъ мы лишь слабые зачатки политической экономіи; помимо того, греки и римля е оставили намъ въ экономической области только руководства къ практическому веденію хо-

зяйства, особенно сельскаго хозяйства, въ родѣ составленныхъ Ксенофонтомъ и Варрономъ.

А разъ глубокія общественныя причины положенія отдѣльныхъ классовъ общества оставались скрытыми и разъ онѣ заслонялись дѣятельностью отдѣльныхъ лицъ и мѣстными случайностями, то нѣтъ ничего удивительнаго, что и угнетенные классы, когда имъ удавалось завоевать политическую власть, пользовались ею прежде всего для устраненія отдѣльныхъ личностей и отдѣльныхъ мѣстныхъ учрежденій и не брались за основаніе новаго общественнаго порядка.

Но самой важной причиною, мѣшавшей развитію такого рода революціонныхъ стремленій, являлась медленность экономическаго развитія. Оно совершалось незамѣтно: крестьяне и ремесленники работали такъ, какъ привыкли они работать со временъ дѣдовъ и прадѣдовъ; старое и испытанное считалось наиболѣе подходящимъ и совершеннымъ. Даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда стремились къ новому, старались убѣдить себя и другихъ, что новшество означаетъ-де возвратъ къ позабытому старому. Усовершенствованія въ техникѣ не создавали потребности въ новыхъ формахъ собственности, такъ какъ они заключались лишь въ развитіи общественнаго раздѣленія труда, въ дѣленіи одного стараго промысла на нѣсколько новыхъ; но въ каждомъ изъ вновь образовавшихся промысловъ продукты производились тѣмъ же ремесленнымъ способомъ, какъ и прежде, средства производства были ничтожны, и ремесленная ловкость попрежнему сохраняла рѣшающее значеніе. Правда, рядомъ съ крестьянами и ремесленниками мы находимъ крупныя хозяйства,—а къ концу древней эпохи и крупныя промышленныя предпріятія,—но они ведутся при помощи труда рабовъ, которые стоятъ внѣ общины, какъ чужеземцы. Такого рода предпріятія были не болѣе какъ роскошью и не могли развернуть никакой особенной хозяйственной силы, — за исключеніемъ развѣ періодовъ большихъ войнъ, подрывавшихъ крестьянское хозяйство и удешевлявшихъ рабочую силу рабовъ. Высшей формы хозяйства и новаго соціальнаго идеала не

можетъ возникнуть изъ рабовладѣльческаго хозяйства.

Единственныя формы капитала, которыя развиваются въ древности и въ средніе вѣка, — это капиталъ ростовщическій и торговый. Тотъ и другой могутъ иногда вызывать быстрыя измѣненія въ экономической жизни. Но торговый капиталъ лишь ускорялъ распаденіе старыхъ промысловъ на множество новыхъ и развитіе крупнаго хозяйства, основаннаго на рабскомъ трудѣ; ростовщическій капиталъ вызывалъ только упадокъ существующихъ формъ производства, не создавая новыхъ. Борьба противъ ростовщическаго капитала и противъ крупнаго сельскаго хозяйства, основаннаго на рабскомъ трудѣ, приводитъ по временамъ къ политической борьбѣ, которая имѣетъ нѣкоторое сходство съ соціальными революціями нашего времени. Но цѣль этой политической борьбы заключается всегда лишь въ возстановленіи прежнихъ порядковъ, а не въ созданіи новаго общественнаго строя. Такъ это было въ эпоху Солона въ Аѳинахъ, когда были уничтожены долги, тяготѣвшіе надъ крестьянствомъ Аттики (seisachteia); такъ это было и во время тѣхъ движеній крестьянъ и пролетаріевъ въ Римѣ, во главѣ которыхъ стояли братья Гракхи.

Ко всѣмъ этимъ причинамъ, — медленность экономическаго развитія, недостатокъ глубокаго пониманія общественныхъ явленій, раздробленіе политической жизни между множествомъ разнородныхъ общинъ, — присоединялось въ классической древности, а во многихъ случаяхъ и въ средніе вѣка, еще то обстоятельство, что средства къ насильственному подавленію движеній угнетенныхъ классовъ были сравнительно незначительны. Бюрократіи не существовало, — по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ еще господствовала дѣятельная политическая жизнь, гдѣ классовая борьба велась самымъ энергичнымъ образомъ. Въ римскомъ государствѣ, напр., бюрократія развилась лишь въ императорскую эпоху. Отношеніе какъ между отдѣльными членами общины, такъ и между общинами отличались простотой и ясностью, и для пониманія ихъ не требовалось особыхъ спеціальныхъ знаній. Господствующіе классы легко мо-

гли поставлять изъ своей среды людей, необходимыхъ для управленія государствомъ, — тѣмъ болѣе, что господство тогда приносило съ собой и досугъ, который употреблялся для художественной, философской и политической дѣятельности. Господствующіе классы не только господствовали, — они и управляли вмѣстѣ съ тѣмъ.

Съ другой стороны, и народная масса не была совершенно беззащитна. Какъ разъ въ лучшія времена классической древности господствовала система милиціи, каждый гражданинъ государства былъ вооруженъ. При такихъ обстоятельствахъ достаточно было нерѣдко какого-нибудь незначительнаго измѣненія въ распредѣленіи силы между классами, чтобы государственная власть перешла въ руки новаго класса. Классовымъ противоположностямъ трудно было обостриться до такой степени, чтобы въ угнетенныхъ классахъ пустила глубокіе корни мысль о полномъ ниспроверженіи всего существующаго строя, чтобы въ средѣ угнетающихъ классовъ стало общимъ правиломъ упорное отстаиваніе всѣхъ ихъ привилегій. Это опять такн способствовало тому, что политическія революціи сводились въ большинствѣ случаевъ, какъ мы уже замѣтили, лишь къ уничтоженію отдѣльныхъ непорядковъ и къ устраненію отдѣльныхъ личностей; но, съ другой стороны, это способствовало также и тому, что такого рода революціи оказывалось нерѣдко возможнымъ предовратить при помощи компромиссовъ.

Изъ новѣйшихъ крупныхъ государствъ ближе всего стоитъ къ среднимъ вѣкамъ Англія, не въ экономическомъ отношеніи, а по своимъ политическимъ формамъ.

Здѣсь всего менѣе развиты бюрократія и милитаризмъ, злѣсь существуетъ еще аристократія, которая не только господствуетъ, но и управляетъ. Соотвѣтственно этому, Англія и является такимъ современнымъ крупнымъ государствомъ, въ которомъ стремленія угнетенныхъ классовъ ограничиваются по большей части уничтоженіемъ отдѣльныхъ непорядковъ, не направляясь противъ всего общественнаго строя въ цѣ-

ломъ, — такимъ государствомъ, въ которомъ практика предотвращенія революцій при помощи компромиссовъ получила наиболѣе широкое развитіе.

Если система милиціи, при которой каждый гражданинъ носитъ оружіе, не благопріятствовала крупнымъ соціальнымъ революціямъ, то тѣмъ болѣе способствовала она тому, что враждующіе классы даже при маловажныхъ случаяхъ выступали другъ противъ друга съ оружіемъ въ рукахъ. Въ древности и въ средніе вѣка нѣтъ недостатка въ кровавыхъ возстаніяхъ и гражданскихъ войнахъ. Ярость, съ какою велись эти войны, достигала часто необычайной степени, дѣло кончалось иногда изгнаніемъ и экспропріированіемъ, и даже истребленіемъ побѣжденныхъ. Кто видитъ въ насильственныхъ дѣйствіяхъ отличительный признакъ соціальной революціи, тотъ отыщетъ въ прошломъ множество такого рода революцій. Но кто усматриваетъ соціальную революцію лишь тамъ, гдѣ завоеваніе политической власти угнетеннымъ до сихъ поръ классомъ приводитъ къ радикальной передѣлкѣ всей юридической и политической надстройки общества, въ особенности къ перевороту въ отношеніяхъ собственности, — тотъ не найдетъ тамъ ни одной соціальной революціи. Соціальное развитіе идетъ тутъ медленно, толчками, не концентрируясь въ отдѣльныхъ крупныхъ катастрофахъ, а раздробляясь на множество мелкихъ катастрофъ, идетъ, повидимому, безсвязно, зачастую прерываясь, постоянно возобновляясь опять, большей частью помимо сознанія людей. Самая крупная общественная перемѣна разсматриваемаго нами времени, именно — исчезновеніе рабства въ Европѣ, совершается до такой степени незамѣтно, что современники даже не говорятъ объ этомъ процессѣ, и намъ теперь приходится возстановлять его при помощи гипотезъ.

4. Соціальная революція капиталистическаго періода.

Совершенно другой видъ получаетъ дѣло, когда начинаетъ развиваться капиталистическій способъ производства. Я не стану здѣсь объяснять механизмъ капиталистическаго способа производства и тѣ послѣдствія, къ которымъ онъ приводитъ: во первыхъ, это завело бы насъ слишкомъ далеко, а во вторыхъ, это значило бы повторять вещи всѣмъ извѣстныя. Достаточно подчеркнуть одно обстоятельство: капиталистическій способъ производства создаетъ современное государство, которое полагаетъ конецъ политической самостоятельности общинъ и областей, причемъ въ то же самое время исчезаетъ и экономическая ихъ самостоятельность. Каждая община и область дѣлается частью цѣлаго, утрачиваетъ свои особенныя права и свою самобытность; всѣ нивеллируются, всѣ подчиняются одинаковымъ законамъ, однимъ и тѣмъ же судамъ, одной и той же администраціи, всѣ несутъ одинаковые налоги. Поэтому новѣйшее государство по необходимости должно стремиться и къ тому, чтобы сдѣлаться государствомъ національнымъ, къ тому, чтобы къ другимъ видамъ равенства прибавить и одинаковость языка*).

Вліяніе государственной власти на общественную жизнь пріобрѣтаетъ теперь совершенно другой характеръ, чѣмъ въ древности и въ средніе вѣка. Всякое значительное политическое преобразованіе въ современномъ крупномъ государствѣ тотчасъ же оказываетъ самое глубокое вліяніе на громадное общественное цѣлое, воздѣйствуя на него одинаковымъ образомъ и одновременно. Слѣдовательно, завоеваніе политической власти угнетеннымъ классомъ уже по одному этому должно вести за собою совершенно другія соціальныя послѣдствія, чѣмъ прежде.

*) По-нѣмецки непереводимая игра словъ: Gleichheit значитъ и „равенство“ и „одинаковость“.

Прим. переводчика.

Къ этому нужно еще прибавить, что могущество современной государственной власти возросло до необычайной степени. Техническая революція, произведенная капитализмомъ, распространяется и на военную технику. Со временъ реформаціи оружіе и орудія войны становятся все совершеннѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и все дороже; они дѣлаются привилегіей государственной власти. Уже по одной этой причинѣ армія отдѣляется отъ народа, — даже тамъ, гдѣ существуетъ всеобщая воинская повинность, разъ она не дополняется народнымъ ополченіемъ, чего еще нѣтъ пока ни въ одномъ крупномъ государствѣ; и повсюду предводители арміи являются профессіональными солдатами, отдѣленными отъ народа, составляющими привилегированную касту.

Но и экономическія средства современнаго централизованнаго государства оказываются огромными, по сравненію съ средствами прежнихъ государствъ. Оно сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ богатство громадной области, техническія средства которой далеко оставляютъ позади даже техническія средства наиболѣе высокихъ культуръ древности.

И при этомъ въ распоряженіи современнаго государства имѣется централизованная бюрократія, какой не знало ни одно государство древности и среднихъ вѣковъ. Задачи современной государственной власти возросли до такой необычайной степени, что нѣтъ возможности справиться съ ними безъ широкаго раздѣленія труда, безъ профессіональнаго образованія, стоящаго на высокомъ уровнѣ. Между тѣмъ, капиталистическій способъ производства отнимаетъ у господствующихъ классовъ тотъ досугъ, какимъ они располагали прежде. Хотя они и не производятъ, а живутъ эксплуатаціей производящихъ классовъ, однако ихъ нельзя назвать праздными эксплуататорами. Благодаря конкурренціи, этой движущей силѣ современной экономической жизни, эксплуататоры принуждены безостановочно вести между собою самую изнурительную борьбу, которая угрожаетъ всѣмъ побѣжденнымъ полнымъ истребленіемъ.

У капиталистовъ нѣтъ, поэтому, ни времени, ни покоя, ни подготовки къ художественной и научной дѣятельности; они лишены даже возможности принимать постоянное участіе въ управленіи государствомъ. Какъ занятіе искусствомъ и наукою, такъ и управленіе государствомъ перестаетъ теперь быть дѣломъ господствующихъ классовъ, — оно передается капиталистами наемнымъ работникамъ, бюрократамъ. Классъ капиталистовъ господствуетъ, но не управляетъ. Онъ довольствуется тѣмъ, что господствуетъ надъ правительствомъ. Точно такъ же довольствовалось этимъ до него падающее феодальное дворянство, превращавшееся въ дворянство придворное. Но то, что у феодальнаго дворянства было результатомъ его упадка, отказа отъ его общественныхъ функцій, то у класса капиталистовъ вытекаетъ какъ разъ изъ его соціальныхъ задачъ, составляетъ одно изъ существенныхъ его свойствъ.

При помощи такой могущественной государственной власти, данный общественный классъ можетъ держаться еще долгое время, послѣ того какъ онъ сдѣлался уже ненужнымъ и даже вреднымъ. И чѣмъ могущественнѣе государственная власть, тѣмъ нахальнѣе будетъ опираться на нее господствующій классъ, тѣмъ упорнѣе будетъ онъ отстаивать свои привилегіи, тѣмъ менѣе будетъ онъ расположенъ идти на уступки. Но чѣмъ дольше поддерживается такимъ путемъ его господство, тѣмъ сильнѣе должны обостряться классовыя противоположности, тѣмъ болѣе рѣзкія формы долженъ принять политическій крахъ, когда онъ въ концѣ концовъ всетаки наступитъ, тѣмъ радикальнѣе должны быть соціальныя преобразованія, которыя явятся результатомъ этого краха, тѣмъ скорѣе завоеваніе политической власти угнетеннымъ классомъ должно превратиться въ соціальную революцію.

Но въ то же самое время и борющіеся классы все болѣе и болѣе начинаютъ понимать общественныя послѣдствія политической борьбы, которую они ведутъ. При капиталистическомъ способѣ производства темпъ экономическаго развитія ускорился до необычайной

степени. Экономическій переворотъ, начатый вѣкомъ открытій, былъ продолженъ введеніемъ машины въ промышленности. Съ той поры наши экономическія отношенія подвержены безостановочнымъ измѣненіямъ, не только въ смыслѣ быстраго уничтоженія стараго, но и въ смыслѣ быстраго созданія новаго. Понятіе стараго, унаслѣдованнаго отъ прошлаго, перестаетъ быть однозначущимъ съ понятіемъ испытаннаго, заслуживающаго почтенія, неприкосновеннаго. Оно становится однозначущимъ съ понятіемъ несовершеннаго и недостаточнаго, устарѣлаго. Изъ экономической жизни воззрѣніе это переносится въ искусство и науку, въ политику. Если прежде любили держаться за старое безъ провѣрки, то теперь любятъ отвергать старое безъ провѣрки, только потому, что оно старое, — и періодъ времени, достаточный для того, чтобы сдѣлать машину, учрежденіе, теорію, направленіе въ искусствѣ старыми, а слѣдовательно и устарѣвшими, становится все короче и короче. Если прежде трудились съ сознаніемъ, что созидаютъ нѣчто на вѣчныя времена, трудились со всей преданностью дѣлу, которая внушается подобнымъ сознаніемъ, то теперь трудятся ради мимолетнаго эффекта минуты, со всѣмъ легкомысліемъ, внушаемымъ этимъ сознаніемъ. И поэтому нынѣшніе продукты очень часто оказываются черезъ самое непродолжительное время негодными, устарѣлыми не только съ точки зрѣнія моды, но и на самомъ дѣлѣ.

Но все новое всегда раньше другого привлекаетъ вниманіе и подвергается особенно тщательному изслѣдованію. Обычное и обыденное считается понятнымъ, не требующимъ объясненій. О причинахъ солнечныхъ затмѣній люди начали размышлять, навѣрное, гораздо раньше, чѣмъ о причинѣ восхода и заката солнца. Такимъ образомъ, и стремленіе изслѣдовать законы общественныхъ явленій должно было быть очень слабымъ, пока эти явленія были чѣмъ-то старымъ, обычнымъ, понятнымъ, „естественнымъ“. Напротивъ, это стремленіе должно было сейчасъ же усилиться, какъ только стали обнаруживаться новыя, невиданныя явленія въ

общественной жизни. Не старое прадѣдовское феодальное хозяйство, а возникающее рядомъ съ нимъ новое капиталистическое впервые побудило въ XVII вѣкѣ обратиться къ научнымъ наблюденіямъ надъ экономическими явленіями.

Еще болѣе способствовало развитію экономической науки другое обстоятельство. Дѣло въ томъ, что капиталистическое производство есть производство массовое; типъ современнаго капиталистическаго государства есть крупное государство. Современная политическая экономія, какъ и современная политика, имѣетъ дѣло съ массовыми явленіями. А чѣмъ больше количество однородныхъ явленій, которыя мы наблюдаемъ, тѣмъ сильнѣе выступаетъ въ нихъ, — какъ уже сказано выше, — общее, закономѣрное, тѣмъ больше отодвигается назадъ индивидуальное и случайное, тѣмъ легче становится открыть законы ихъ движеній. Методическое массовое наблюденіе общественныхъ явленій, — статистика и наука объ обществѣ, исходнымъ пунктомъ которой служитъ политическая экономія, а завершеніемъ — матеріалистическое пониманіе исторіи, сдѣлались впервые возможными лишь при капиталистическомъ способѣ производства. Только теперь могутъ общественные классы достигать полнаго самосознанія по отношенію къ соціальному содержанію ихъ борьбы, только теперь получили они возможность ставить себѣ великія общественныя цѣли, являющіяся не произвольными мечтаніями и благочестивыми пожеланіями, которыя разбиваются о суровую дѣйствительность, а результатомъ научнаго пониманія экономически возможнаго и необходимаго. Правда, можетъ заблуждаться и это научное познаніе, нѣкоторые изъ его выводовъ могутъ оказаться иллюзіями. Но, какъ бы ни были велики подчасъ эти ошибки, онѣ не могутъ всетаки изгладить отличительный признакъ всякой истинной науки, именно — стремленіе къ соединенію всей совокупности явленій въ одно стройное, свободное отъ противорѣчій, цѣлое, — то-есть, по отношенію къ соціальной наукѣ, стремленіе понять все общество какъ единый цѣлост-

ный организмъ, въ которомъ нельзя произвольно измѣнять отдѣльныя части безъ связи со всѣми остальными. Отнынѣ теоретическая критика со стороны угнетенныхъ общественныхъ классовъ все болѣе и болѣе направляется не только противъ отдѣльныхъ лицъ и учрежденій, а противъ существующаго общества въ цѣломъ; и этотъ взглядъ на вещи вызываетъ во всякомъ угнетенномъ классѣ, завоевывающемъ политическую власть, стремленіе подвергнуть коренной перестройкѣ всѣ основы общественнаго зданія.

Капиталистическое общество, вышедшее изъ нѣдръ революціи 1789 года и дальнѣйшихъ, связанныхъ съ нею событій, было въ основныхъ своихъ чертахъ уже заранѣе теоретически конструировано французскими физіократами и ихъ англійскими послѣдователями.

Этими отличіями современнаго государства и современнаго общества отъ античныхъ и средневѣковыхъ государствъ и обществъ опредѣляется различіе въ формахъ ихъ развитія: тамъ развитіе совершается большей частью помимо сознанія людей, совершается раздробленно среди всѣхъ этихъ безпрерывныхъ мѣстныхъ и личныхъ раздоровъ, войнъ и возмущеній безчисленнаго множества мелкихъ общинъ, стоящихъ на самыхъ различныхъ ступеняхъ развитія; здѣсь — развитіе совершается все болѣе и болѣе сознательно, направляясь къ ясно понимаемой великой общественной цѣли, которая опредѣляется научно-критической работой и распространяется пропагандой. Политическія революціи становятся рѣже, но зато захватываютъ болѣе широкія области, приводятъ къ болѣе грандіознымъ соціальнымъ результатамъ.

Переходъ отъ античныхъ и средневѣковыхъ гражданскихъ войнъ къ современной революціи, къ соціальной революціи въ вышепоясненномъ смыслѣ составляетъ реформація, являющаяся наполовину еще средневѣковою, наполовину уже современною. Нѣсколько выше стоитъ англійская революція середины XVII вѣка. Наконецъ, великая французская революція представляетъ собою классическій типъ соціальной революціи; возста-

нія 1830 и 1848 гг. являются лишь слабыми отголосками ея.

Соціальная революція, въ томъ смыслѣ, какой мы придаемъ этому слову, есть исключительно свойственная капиталистическому обществу и капиталистическому государству стадія ихъ соціальнаго развитія. Эта стадія не могла имѣть мѣста въ докапиталистическую эпоху, такъ какъ до возникновенія капитализма политическія рамки были слишкомъ узки для этого, общественное сознаніе было слишкомъ неразвито. Она исчезнетъ вмѣстѣ съ капитализмомъ, такъ какъ этотъ послѣдній можетъ быть сметенъ только пролетаріатомъ, который, въ качествѣ самаго низшаго изъ всѣхъ классовъ, по необходимости долженъ воспользоваться своимъ господствомъ для того, чтобы уничтожить всякое классовое господство и вообще дѣленіе общества на классы, и тѣмъ самымъ устранить самое условіе возможности всякой соціальной революціи.

Но тутъ выдвигается въ высшей степени важный вопросъ, — вопросъ, который волнуетъ насъ нынѣ сильнѣйшимъ образомъ, такъ какъ отъ того или иного его разрѣшенія всего болѣе зависитъ направленіе нашей практической дѣятельности въ настоящее время. Миновало уже время соціальныхъ революцій, или же нѣтъ? Есть ли теперь налицо политическія условія того, чтобы переходъ отъ капитализма къ соціализму могъ совершиться безъ политической революціи, безъ завоеванія политической власти пролетаріатомъ, или же намъ надо еще ждать эпохи рѣшительной борьбы за обладаніе государственной властью, то есть — эпохи революціи? Принадлежитъ ли идея соціальной революціи къ числу тѣхъ устарѣлыхъ идей, за которыя стоятъ только слѣпые поклонники отжившихъ воззрѣній, да демагоги, спекулирующіе на одобреніе со стороны невѣжественныхъ массъ, но которыя должны быть отвергнуты всякимъ честнымъ и неотсталымъ человѣкомъ, безпристрастно наблюдающимъ факты современной общественной жизни?

Вотъ вопросъ. Вопросъ безъ сомнѣнія очень серь-

езный, отъ котораго нельзя отдѣлаться двумя-тремя фразами.

Мы нашли, что соціальная революція есть продуктъ особенныхъ историческихъ условій. Она предполагаетъ не только наличность сильно обострившихся классовыхъ противоположностей, но и наличность крупнаго національнаго государства, которое уничтожаетъ всѣ провинціальныя и коммунальныя особенныя права, которое зиждется на фундаментѣ капиталистическаго способа производства, разрушающаго равнымъ образомъ всякій партикуляризмъ; она предполагаетъ, далѣе, опирающуюся на бюрократію и милитаризмъ государственную власть, научную политическую экономію и быстрый темпъ экономическаго развитія.

Ни одинъ изъ этихъ факторовъ соціальной революціи не ослабѣлъ за послѣднія десятилѣтія, — каждый изъ нихъ, напротивъ, усилился. Никогда еще темпъ экономическаго развитія не отличался такой быстротою, какъ въ наше время. Научная политическая экономія прогрессируетъ по крайней мѣрѣ вширь, если не вглубь, — благодаря развитію газетнаго дѣла. Никогда еще экономическія знанія не распространялись такъ широко въ населеніи, какъ теперь, никогда еще господствующіе классы и народныя массы не имѣли такой легкой возможности уяснять себѣ болѣе отдаленныя послѣдствія своихъ стремленій и своей дѣятельности. Уже и это одно показываетъ, что грандіозный переходъ отъ капитализма къ соціализму мы не можемъ совершить незамѣтнымъ образомъ, что мы не можемъ медленно, помаленьку свести на нѣтъ господство эксплуатирующихъ классовъ, свести на нѣтъ такъ, чтобы они сами этого не замѣтили, чтобы они не стали обороняться, не пустили въ ходъ всѣ находящіяся въ ихъ распоряженіи средства и силы съ цѣлью сломить ростущую силу и вліяніе пролетаріата.

Но если пониманіе общественныхъ явленій и связи между ними никогда еще не было такъ широко распространено, какъ въ настоящее время, то вѣдь съ другой стороны, и государственная власть никогда еще не

была такъ сильна, какъ теперь; ея военныя, бюрократическія и экономическія средства никогда еще не достигали такого высокаго развитія. Отсюда слѣдуетъ, что пролетаріатъ, завоевывая государственную власть, пріобрѣтаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ силу, которая дастъ ему возможность немедленно приступить къ самой радикальной перестройкѣ общественнаго зданія; но отсюда слѣдуетъ также и то, что господствующіе нынѣ классы съ помощью этой власти могутъ отстаивать себя и обезпечивать за собою возможность грабить трудящіяся народныя массы еще долгое время послѣ того, какъ исчезла уже экономическая необходимость ихъ существованія. Чѣмъ больше, однакожъ, господствующіе классы опираются на государственную власть и злоупотребляютъ ею въ видахъ эксплуатаціи и угнетенія, тѣмъ больше должно возрастать въ пролетаріатѣ ожесточеніе противъ нихъ, тѣмъ сильнѣе должна становиться классовая ненависть, и тѣмъ могучѣе должно быть стремленіе завоевать государственную машину.

Намъ возражали, что подобный взглядъ на положеніе дѣлъ не считается съ новѣйшими явленіями общественной жизни, которыя ясно, будто бы, показываютъ, что ходъ развитія направляется въ другую сторону. Противоположность между пролетаріатомъ и буржуазіей, говорятъ, не увеличивается, а напротивъ, уменьшается, и во всякомъ современномъ государствѣ существуетъ достаточно демократическихъ учрежденій, которыя даютъ пролетаріату возможность пріобрѣсти если не всю власть, то по крайней мѣрѣ нѣкоторую власть и увеличивать ее мало по малу, постепенно, по частямъ, такъ что исчезаетъ всякая необходимость соціальной революціи.

Посмотримъ же, насколько основательны эти возраженія.

5. Смягченіе классовыхъ противоположностей.

Разсмотримъ сначала первое возраженіе, гласящее, что соціальная противоположность между буржуазіей и пролетаріатомъ все болѣе и болѣе сглаживается.

Я не буду здѣсь касаться вопроса о промышленныхъ кризисахъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ утверждали, будто промышленные кризисы ослабѣваютъ. Но съ тѣхъ поръ мнѣніе это было такъ внушительно опровергнуто фактами, извѣстными всѣмъ и каждому, что я не вижу надобности заниматься теперь еще разъ его разборомъ; да это и отвлекло бы насъ слишкомъ далеко въ сторону. Не стану я также возобновлять дебатовъ и о такъ называемой „теоріи обнищанія“, уже набившихъ всѣмъ оскомину, — дебатовъ, которые при нѣкоторой ловкости можно, если угодно, затягивать безъ конца, занимаясь не столько констатированіемъ опредѣленныхъ фактовъ, сколько различными толкованіями слова „нищета“. Мы, соціалисты, всѣ сходимся въ томъ, что капиталистическій способъ производства, тамъ гдѣ онъ предоставленъ самому себѣ, ведетъ къ увеличенію физической нищеты; но точно также согласны мы и въ томъ, что организація рабочаго класса и вмѣшательство государственной власти могутъ уже и въ современномъ обществѣ поставить предѣлы этой нищетѣ; согласны мы, наконецъ, и въ томъ, что эмансипація рабочаго класса надобно ожидать не отъ роста его приниженія, а отъ роста его силы.

Но совсѣмъ другое дѣло вопросъ объ увеличеніи противоположности между буржуазіей и пролетаріатомъ. Это прежде всего вопросъ о ростѣ эксплуатаціи.

Что эксплуатація увеличивается, это доказалъ уже нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ Марксъ, и сколько мнѣ извѣстно, никто еще не опровергъ его. Кто оспариваетъ фактъ роста эксплуатаціи, тому нужно доказать прежде всего, что „Капиталъ“ Маркса опровергнутъ.

Тутъ мнѣ возразятъ, конечно, что это только „сѣрая теорія“; истиннымъ же и доказаннымъ можно-де считать только то, что подтверждается осязательными

фактами; давайте намъ не экономическіе законы, а статистическія цифры. Добыть такого рода данныя не такъ-то легко, ибо никому еще не приходило въ голову собрать статистическія свѣдѣнія не только о суммахъ рабочихъ платъ, но и о суммахъ прибылей,—по той простой причинѣ, что несгораемый шкафъ съ кассой капиталиста является крѣпостью, которую даже самый трусливый и кроткій буржуа защищаетъ какъ левъ отъ всякаго поползновенія начальства ознакомиться съ его содержимымъ.

Существуютъ, впрочемъ, попытки статистически выразить относительный ростъ рабочихъ платъ и остальныхъ доходовъ. Приведемъ здѣсь одинъ изъ такихъ подсчетовъ, самый послѣдній, какой мы знаемъ. Онъ былъ сдѣланъ А. Л. Боули (Bowley), который въ мартѣ 1895 года читалъ въ Лондонѣ на эту тему докладъ въ статистическомъ обществѣ (докладъ этотъ напечатанъ въ журналѣ названнаго общества, за іюнь 1895 г., стр. 224—285). Мы беремъ изъ него слѣдующую таблицу:

Годъ.	Общая сумма годового дохода, состоящаго изъ заработ. платы.		Доходъ, состоящій не изъ заработной платы.			
			Подлежащій подоход. налогу.		Не подлежащій подоход. налогу	
	Въ милліонахъ фунтовъ стерлинговъ.	Въ процентахъ ко всему народному доходу.	Въ милліонахъ фунтовъ стерлинговъ.	Въ процентахъ ко всему народному доходу.	Въ милліонахъ фунтовъ стерлинговъ.	Въ процентахъ ко всему народному доходу.
1860 . . .	392	47	376	45 1/3	64	7 2/3
1866 . . .	464	45	485	47	81	8
1870 . . .	486	44 1/2	521	48	85	7 1/2
1874 . . .	609	45 1/4	635	47 1/4	100	7 1/2
1877 . . .	591	43	652	47 1/2	130	9 1/2
1880 . . .	567	42	652	48 1/2	126	9 1/2
1883 . . .	609	42 2/3	696	49	122	8 1/3
1886 . . .	605	42	715	49 1/2	125	8 1/2
1891 . . .	699	43 1/2	782	48 1/2	130	8

Противъ этого разсчета можно сдѣлать много возраженій. Онъ кажется мнѣ слишкомъ оптимистическимъ; онъ даетъ преувеличенное представленіе о возрастаніи суммы заработныхъ платъ.

При вычисленіи суммы заработныхъ платъ авторъ не принялъ во вниманіе безработицу; вдобавокъ, цѣлый рядъ важныхъ моментовъ онъ предполагалъ неизмѣнившимися въ тѣхъ случаяхъ, когда не могъ съ точностью установить измѣненій. Въ качествѣ статистика, онъ имѣлъ, разумѣется, право такъ поступать, но вышеупомянутые моменты какъ разъ принадлежатъ къ числу такихъ, которые всегда измѣняются болѣе и болѣе не въ пользу рабочаго класса: таково, напримѣръ, отношеніе между женскимъ и мужскимъ трудомъ, между трудомъ квалифицированнымъ (skilled) и неквалифицированнымъ.

Но самое главное заключается въ томъ, что при составленіи этой таблицы приняты въ разсчетъ лишь немногія отрасли труда, и именно такія, гдѣ, — за исключеніемъ сельскаго хозяйства, — рабочіе превосходно организованы въ профессіональные союзы, и что авторъ просто на просто предполагаетъ, будто общее положеніе всего рабочаго класса улучшилось, въ среднемъ выводѣ, совершенно такъ же, какъ и положеніе организованныхъ въ профессіональные союзы рабочихъ, составляющихъ даже въ Англіи никакъ не больше одной пятой части общаго числа рабочихъ. Не безынтересно разсмотрѣть колебанія заработныхъ платъ каждой изъ этихъ категорій рабочихъ. По сравненію съ заработной платой 1860 года (которая предполагается равной 100) высота заработ. платы равнялась:

Отрасли труда.	1860	1866	1870	1874	1877	1880	1883	1886	1891
Сельск. хозяйство	100	105	107	130	132	122	117	111	118
Строительн. пр.	100	116	116	126	128	125	125	126	128
Хлопчатоб. пром.	100	125	125	148	148	134	146	155	176
Шерстяная пром.	100	106	112	121	130	126	120	115	115
Желѣзодѣл. пром.	100	127	127	143	112	112	110	100	124
Машиностроеніе	100	108	110	124	123	120	127	126	126
Газопроводчики	100	115	120	125	128	128	130	130	149
Матросы	100	113	103	129	123	102	118	110	143
Горнорабочіе . .	100	?	100	150	115	100	115	100	150
Въ среднемъ	100	113	113	138	132	124	130	125	140

Какъ видитъ читатель, то возвышеніе заработныхъ платъ на 40 процентовъ, съ 1860 по 1891 г., которое Боули принимаетъ для всего рабочаго класса Англіи, не охватываетъ даже всѣхъ слоевъ рабочей аристократіи. За исключеніемъ рабочихъ хлопчатобумажной промышленности, которые не даромъ настроены въ Англіи консервативно и являются образцовыми „пай-мальчиками“ въ глазахъ всѣхъ мечтателей о „соціальномъ мирѣ“, — въ 1891 году заработная плата стояла выше средняго уровня только у газопроводчиковъ, матросовъ и горнорабочихъ. Газопроводчики, вѣроятно, обязаны такимъ возвышеніемъ заработной платы отчасти той политикѣ, которая привела въ большихъ городахъ къ нѣкоторому улучшенію участи рабочихъ, занятыхъ въ городскихъ учрежденіяхъ; на газопроводчикахъ вліяніе конкурренціи и эксплуатація со стороны частнаго капитала отзывается всего менѣе. Повышенію заработныхъ платъ въ 1891 году способствовало отчасти и внезапное выступленіе на сцену „новаго трэдъ-юніонизма“, который возбуждалъ вначалѣ такія блестящія надежды и который такъ скоро сошелъ на нѣтъ. Еще болѣе внезапнымъ и рѣзкимъ, чѣмъ у газопроводчиковъ, почти случайнымъ, представляется повышеніе въ 1891 году заработныхъ платъ у матросовъ и горнорабочихъ. У горнорабочихъ заработныя платы стояли въ 1886 году на такомъ же уровнѣ, какъ и въ 1860 г., а въ 1891 г. онѣ вдругъ поднялись на цѣлыхъ 50 процентовъ! Прочнымъ пріобрѣтеніемъ это отнюдь нельзя назвать. У строительныхъ же рабочихъ, въ хлопчатобумажной и желѣзной промышленности, увеличеніе заработныхъ платъ съ 1860 по 1891 г. далеко не достигаетъ средняго уровня. Такимъ образомъ, Боули заставляетъ насъ предположить, что заработныя платы всей неорганизованной рабочей массы Англіи поднялись съ 1860 по 1891 г. на 40 процентовъ, между тѣмъ какъ заработныя платы превосходно организованныхъ рабочихъ желѣзной промышленности увеличились за этотъ періодъ всего лишь на 25 процентовъ!

Но возьмемъ эту таблицу, какъ она есть. Что пока-

зываетъ она намъ? Даже и эта крайне оптимистическая таблица свидѣтельствуетъ о томъ, что заработная плата составляетъ все меньшую и меньшую долю національнаго дохода. Съ 1860 до 1874 г. она составляла 45 процентовъ его, а съ 1877 до 1891 г. — только 42⅔ процента. Положимъ, за неимѣніемъ болѣе точныхъ данныхъ, что сумма подлежащихъ подоходному налогу, состоящихъ не изъ рабочей платы, доходовъ равна массѣ прибавочной стоимости; въ такомъ случаѣ масса прибавочной стоимости была въ 1860 г. еще на 320 милл. марокъ меньше суммы заработныхъ платъ; напротивъ, въ 1891 году масса прибавочной стоимости уже сильно превышала сумму заработныхъ платъ, — не менѣе какъ на 1600 милл. марокъ.

Это указываетъ во всякомъ случаѣ на очень значительное увеличеніе эксплуатаціи. Судя по этимъ даннымъ, норма прибавочной стоимости, т. е. степень эксплуатаціи рабочаго, поднялась за означенный промежутокъ времени съ 96 до 112 процентовъ, ибо по цифрамъ Боули, по крайней мѣрѣ настолько возросла эксплуатація даже рабочихъ, организованныхъ въ трэдъ-юніоны. Эксплуатація массы неорганизованныхъ рабочихъ должна была увеличиться въ гораздо большей степени.

Мы не придаемъ слишкомъ большого значенія этимъ цифрамъ. Но поскольку онѣ доказываютъ что-нибудь, онѣ свидѣтельствуютъ лишь въ пользу, а отнюдь не противъ ученія о ростѣ эксплуатаціи рабочей силы, которое Марксъ обосновалъ иначе, путемъ изслѣдованія законовъ движенія капиталистическаго способа производства, — обосновалъ настолько прочно, что ученіе это до сихъ поръ остается неопровергнутымъ. Намъ, конечно, возразятъ на это: „Допустимъ, что эксплуатація усиливается. Но вѣдь и заработная плата тоже возрастаетъ, хотя и не въ такой мѣрѣ, какъ прибавочная стоимость. Какимъ же образомъ можетъ рабочій чувствовать увеличеніе эксплуатаціи, когда оно не выступаетъ открыто, а можетъ быть обнаружено лишь при помощи продолжительныхъ научныхъ изысканій? Вѣдь рабочія массы ни статистикой не занимаются, ни

о теоріяхъ стоимости и прибавочной стоимости не думаютъ!“

Это, пожалуй, и такъ. Но тѣмъ не менѣе есть одинъ путь, которымъ ростъ эксплуатаціи даетъ себя чувствовать рабочимъ. Въ той же мѣрѣ, въ какой увеличивается масса прибыли, поднимается и жизненный уровень буржуазіи. А общественные классы не отдѣлены другъ отъ друга китайской стѣной. Поднятіе жизненнаго уровня высшихъ классовъ проникаетъ мало по малу и къ низшимъ классамъ, пробуждаетъ и у нихъ новыя потребности и запросы, для удовлетворенія которыхъ недостаточно заработной платы, которая возрастаетъ медленнѣе, чѣмъ прибыль. Буржуазія кричитъ караулъ, жалуясь на исчезновеніе простоты, безпритязательности у низшихъ классовъ, на увеличеніе ихъ требовательности; но она забываетъ, что повышеніе требованій внизу является лишь отраженіемъ поднятія жизненнаго уровня наверху, что требовательность низшихъ слоевъ общества разжигается не чѣмъ инымъ, какъ примѣромъ высшихъ.

Что жизненный уровень буржуазіи повышается быстрѣе, чѣмъ жизненный уровень пролетаріата, это мы видимъ на каждомъ шагу. Жилища рабочихъ за послѣдніе 50 лѣтъ улучшились не очень значительно; напротивъ, жилище буржуа нашего времени представляется роскошнымъ по сравненію съ среднимъ буржуазнымъ жилищемъ 50 лѣтъ назадъ. Вагонъ III го класса начала XX-го вѣка по своей обстановкѣ отличается немногимъ отъ вагона III-го класса середины XIX-го вѣка. Но сравните первоклассный вагонъ середины XIX вѣка съ вагономъ новѣйшаго Luxuszug'а!*) Я не думаю, чтобы помѣщеніе для матросовъ на морскихъ судахъ было теперь много лучше, нежели 50 лѣтъ назадъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что роскошь, какою блистаетъ са-

*) Luxuszug — „роскошный поѣздъ“: такъ называютъ въ Германіи особенно быстрые поѣзда, имѣющіе вагоны только перваго класса, вагоны-рестораны и проч. Въ Россіи имъ соотвѣтствуютъ отчасти курьерскіе поѣзда.

Прим. переводчика.

лонъ новѣйшаго пассажирскаго парохода, представляла бы собою нѣчто неслыханное 50 лѣтъ тому назадъ даже на любой княжеской яхтѣ.

Такъ обстоитъ дѣло относительно роста эксплуатаціи пролетаріата. Но, спрашивается, не уравновѣшивается ли дѣйствіе этого экономическаго фактора увеличеніемъ политическаго сближенія классовъ? Развѣ рабочій не признается все болѣе и болѣе буржуазіей за равнаго ей въ политическомъ и соціальномъ отношеніи?

Не подлежитъ сомнѣнію, что политическое и соціальное значеніе пролетаріата быстро возрастаетъ.

Если въ экономическомъ отношеніи онъ поднимается не такъ быстро, какъ буржуазія, — вслѣдствіе чего неизбѣжно развивается въ немъ требовательность и недовольство, — то съ другой стороны, самымъ, быть можетъ, поразительнымъ явленіемъ за послѣднія 50 лѣтъ служитъ быстрый и безпрерывный подъемъ пролетаріата въ нравственномъ и умственномъ отношеніи.

Еще нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ пролетаріатъ стоялъ такъ низко, что попадались даже среди соціалистовъ дюли, которые ожидали отъ побѣды пролетаріата надъ буржуазіей самыхъ пагубныхъ послѣдствій для культуры. Такъ, Родбертусъ писалъ послѣ 1850 года: „Намъ угрожаетъ страшнѣйшая опасность, что центры цивилизаціи и богатства будутъ разрушены новымъ нашествіемъ варваровъ (Barbarensturm), идущимъ, на этотъ разъ, изъ нѣдръ самого общества.

Около того же времени Генрихъ Гейне заявлялъ, что коммунистамъ принадлежитъ будущее. „Это признаніе, что будущее принадлежитъ коммунистамъ, — пишетъ онъ, — дѣлалъ я съ чувствомъ тревоги и величайшаго страха, и, увы, это была совсѣмъ не маска! Въ самомъ дѣлѣ, не иначе, какъ съ ужасомъ и содроганіемъ думаю я о той эпохѣ, когда эти страшные иконоборцы сдѣлаются господами положенія; своими мозолистыми руками разобьютъ они въ дребезги всѣ мраморныя статуи красоты“, и т. д.

Какъ извѣстно, въ дѣйствительности вышло совсѣмъ не то. Не со стороны пролетаріата угрожаетъ теперь опасность современной цивилизаціи; напротивъ, коммунисты являются теперь самымъ надежнымъ оплотомъ искусства и науки, въ защиту которыхъ они уже не разъ выступали самымъ рѣшительнымъ образомъ.

Быстро начинаетъ, поэтому, исчезать и страхъ передъ коммунизмомъ, охватывавшій весь буржуазный міръ еще послѣ парижской коммуны, — страхъ, внушаемый мыслью, что одержавшій побѣду надъ буржуазіей пролетаріатъ станетъ хозяйничать въ царствѣ ея культуры на подобіе вандаловъ эпохи переселенія народовъ и на грудахъ развалинъ оснуетъ царство варварскаго аскетизма.

Отчасти именно исчезновеніемъ этого страха объясняется и тотъ фактъ, что въ средѣ буржуазной интеллигенціи замѣтно усиливаются симпатіи къ пролетаріату и къ соціализму.

Подобно пролетаріату, интеллигенція, какъ классъ, также составляетъ исключительную особенность капиталистическаго способа производства. Какъ я указывалъ уже выше, господствующіе классы при этомъ способѣ производства бываютъ до такой степени поглощены своими „дѣлами“, что у нихъ не остается ни досуга, ни интереса заниматься дѣлами государственнаго управленія или посвящать себя занятію искусствами и науками, какъ это дѣлала, напримѣръ, аристократія въ Аѳинахъ или духовенство въ лучшія эпохи католической церкви. Всю высшую духовную дѣятельность, составлявшую нѣкогда привилегію господствующихъ классовъ, предоставляютъ они теперь работникамъ, состоящимъ на жалованіи, и число этихъ профессіональныхъ ученыхъ, художниковъ, инженеровъ, чиновниковъ и пр. быстро возрастаетъ въ капиталистическомъ обществѣ.

Они образуютъ въ своей совокупности классъ такъ называемой „интеллигенціи“,—„новое„ среднее сословіе“: но отъ стараго средняго сословія они отличаются главнымъ образомъ отсутствіемъ особеннаго классового самосознанія. Отдѣльные слои интеллигенціи обладаютъ

особеннымъ сословнымъ самосознаніемъ. Очень часто они бываютъ проникнуты особенной сословной спѣсью; но интересы каждаго изъ этихъ слоевъ слишкомъ своеобразны, чтобы породить у нихъ всѣхъ общее классовое сознаніе. Интеллигентные работники примыкаютъ къ самымъ различнымъ классамъ и партіямъ; интеллигенція поставляетъ духовныхъ борцовъ для всякихъ классовъ и партій. Одни отстаиваютъ интересы господствующихъ классовъ, слугами которыхъ многіе изъ интеллигентовъ являются по своей профессіи. Другіе выступаютъ борцами за дѣло пролетаріата, признавая его своимъ собственнымъ дѣломъ. Большинство же оставалось до сихъ поръ въ рамкахъ мелкобуржуазнаго идейнаго горизонта; объясняется это не только тѣмъ, что большинство интеллигентовъ выходило изъ среды мелкой буржуазіи, но и тѣмъ, что соціальное положеніе ихъ, какъ „средняго сословія“, представляло собою сходное съ мелкобуржуазнымъ промежуточное положеніе между пролетаріатомъ и господствующими классами.

Вотъ эти-то слои интеллигенціи и проникаются теперь все болѣе и болѣе, — какъ я упомянулъ выше — симпатіями къ пролетаріату и соціализму. Не имѣя никакихъ опредѣленныхъ классовыхъ интересовъ и будучи, по своей профессіи, всего болѣе способнымъ воспринимать теоретическія воззрѣнія, они всего скорѣе могутъ склониться на сторону опредѣленныхъ партій подъ вліяніемъ научныхъ соображеній. Для нихъ должны были сдѣлаться ясными теоретическое банкротство буржуазной экономіи и теоретическое превосходство надъ нею соціализма. Притомъ, они все болѣе и болѣе начинаютъ чувствовать, что другіе общественные классы стремятся все болѣе и болѣе принижать искусство и науку. Нѣкоторыхъ, наконецъ, увлекаетъ неудержимый ростъ и усиленіе соціальдемократизма, особенно когда они сравниваютъ съ этимъ неудержимое паденіе либерализма. И вотъ, „рабочелюбіе“ и соціализмъ пріобрѣтаютъ популярность въ средѣ интеллигенціи; едва ли найдется теперь салонъ, гдѣ бы вы не наткнулись на одного или нѣсколькихъ „соціалистовъ“.

Если бы эти круги интеллигенціи совпадали съ буржуазіей, тогда, конечно, наше дѣло было бы выиграно, и никакой необходимости въ соціальной революціи не было бы. Съ этими слоями общества можно бы было, пожалуй, уладить отношенія довольно мирнымъ путемъ; медленному, потихоньку подвигающемуся впередъ развитію нечего опасаться насильственныхъ преградъ съ ихъ стороны.

Но, къ сожалѣнію, рабочелюбивая интеллигенція составляетъ лишь одну часть буржуазіи, и притомъ ту часть, которая, только пишетъ и говоритъ отъ имени буржуазіи, а вовсе не ту, которою направляется ея дѣятельность. А вѣдь о людяхъ, — а стало быть и о томъ или другомъ общественномъ классѣ, — нужно судить, какъ извѣстно, не по ихъ словамъ, а по ихъ дѣламъ.

Вдобавокъ, интеллигенція, выказывающая теперь симпатіи къ пролетаріату и соціализму, является какъ разъ такою частью буржуазіи, которая всего менѣе способна къ борьбѣ и всего менѣе хочетъ борьбы.

Въ прежнее время, когда соціализмъ клеймился въ массѣ даже интеллигентныхъ людей какъ преступленіе или какъ сумасбродство, буржуазные элементы могли примыкать къ соціалистическому движенію, только рѣшительно порвавши со всѣмъ буржуазнымъ міромъ. Тому, кто въ ту пору изъ буржуазныхъ круговъ пробивалъ себѣ дорогу къ соціализму, нужно было для этого несравненно больше энергіи, несравненно больше революціонной страстности и убѣжденія, нежели пролетарію. Поэтому въ соціалистическомъ движеніи той эпохи именно эти элементы принадлежали къ числу самыхъ радикальныхъ и революціонныхъ его дѣятелей.

Совсѣмъ не то мы видимъ теперь, когда соціализмъ получилъ доступъ въ салоны. Въ настоящее время не нужно никакой особенной энергіи, не требуется никакого разрыва съ буржуазнымъ обществомъ тому, кто хочетъ носить имя соціалиста. Не мудрено, что все большее и большее число этихъ соціалистовъ новѣйшей формаціи не можетъ отдѣлаться отъ традиціонныхъ

формъ мышленія и чувствованія, свойственныхъ ихъ классу.

Методы же борьбы, свойственные интеллигенціи, совсѣмъ другого рода, чѣмъ методы борьбы, свойственные пролетаріату. Богатству и силѣ оружія пролетаріатъ противопоставляетъ свою численность и сплоченность своихъ классовыхъ организацій. Интеллигенція ничтожна по своей численности и лишена всякой классовой организаціи. Единственный способъ борьбы ей доступный, — это убѣжденіе словомъ, устнымъ или печатнымъ, борьба при помощи „духовнаго оружія“, „нравственное превосходство“. Силою этихъ-то оружій хотѣли бы салонные соціалисты рѣшить и ту классовую борьбу, которую ведетъ пролетаріатъ. Они изъявляютъ полную готовность оказать пролетаріату моральную помощь, но подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы онъ отказался отъ примѣненія силы не только тогда, когда оно не можетъ привести къ желанной цѣли, — въ такихъ случаяхъ и сами пролетаріи отказываются отъ примѣненія силы, — но даже и тогда, когда оно обѣщаетъ успѣхъ. Они стараются, поэтому, дискредитировать идею революціи, представить рево юцію средствомъ негоднымъ, нецѣлесообразнымъ. Они стараются отдѣлить отъ революціоннаго пролетаріата соціаль-реформистское крыло, они клонятъ тѣмъ самымъ къ расколу и ослабленію пролетаріата.

Таковъ былъ до сихъ поръ единственный практическій результатъ начинающагося обращенія интеллигенціи къ соціализму.

Рядомъ съ новымъ „среднимъ сословіемъ“ продолжаетъ еще влачить свое существованіе старое „среднее сословіе“ — мелкая буржуазія. Это „среднее сословіе“ служило нѣкогда главной опорой революцій; жаждущее борьбы и способное къ борьбѣ, оно, — когда обстоятельства складывались для него благопріятно, — легко возмущалось противъ всякаго порабощенія и противъ всякой эксплуатаціи сверху, противъ господства бюрократіи и милитаризма, противъ привилегій феодаловъ и поповъ. Оно составляло главную боевую дружи-

ну буржуазной демократіи. Какъ нынѣ часть новаго „средняго сословія“, такъ и старое „среднее сословіе“ проникалось по временамъ большими симпатіями къ пролетаріату, дѣйствовало съ нимъ заодно, давало ему и само отъ него получало духовные импульсы и матеріальныя силы. Но, точно также, какъ и новое „среднее сословіе“, старое „среднее сословіе“ оказывалось всегда ненадежнымъ союзникомъ, именно благодаря своему промежуточному положенію между эксплуатируемыми и эксплуатирующими классами. Какъ замѣтилъ уже Марксъ, мелкій буржуа не является ни вполнѣ пролетаріемъ, ни вполнѣ буржуа, и чувствуетъ себя, смотря по обстоятельствамъ, то послѣднимъ, то первымъ.

Эта двойственность положенія приводитъ къ раздѣленію мелкой буржуазіи на двѣ части: одни изъ ея слоевъ отожествляютъ себя съ пролетаріатомъ, другіе — съ противниками пролетаріата.

Мелкое хозяйство осуждено на гибель, его крушеніе совершается неудержимо. Но гибель мелкаго хозяйства обнаруживается лишь медленно въ уменьшеніи числа мелкихъ предпріятій, быстро же проявляется она въ ихъ упадкѣ. Одни изъ владѣльцевъ мелкихъ предпріятій попадаютъ въ полную зависимость отъ крупнаго капитала, становятся просто домашними рабочими (кустарями), т. е. наемными рабочими, которые работаютъ на предпринимателя не на фабрикѣ, а у себя на дому. Другіе, въ особенности мелочные торговцы и трактирщики, сохраняютъ самостоятельность, но находятъ себѣ покупателей только среди рабочихъ, такъ что существованіе ихъ всецѣло зависитъ отъ благополучія и бѣдствія рабочаго населенія. Эти слои мелкой буржуазіи все болѣе и болѣе примыкаютъ къ борющемуся пролетаріату.

Совершенно иначе настроены тѣ слои мелкой буржуазіи, которые еще не попали въ полную зависимость отъ крупнаго капитала, но живутъ подъ вѣчнымъ страхомъ попасть въ эту зависимость или же совсѣмъ разориться, а равно и тѣ слои, которые ищутъ себѣ покупателей не среди пролетаріевъ. Они потеряли надежду

поправить свои дѣла собственными силами, они всего ожидаютъ сверху, отъ высшихъ классовъ и отъ государственной власти. А такъ какъ всякій прогрессъ является для нихъ грозной опасностью, то они относятся враждебно ко всякому прогрессу, въ какой бы то области ни было. Низкопоклонство (сервилизмъ) и тяготѣніе къ реакціи дѣлаютъ ихъ добровольными пособниками, и даже фанатическими защитниками монархіи, церкви и дворянства. Но при этомъ они остаются демократическими, такъ какъ только при демократическомъ строѣ могутъ они имѣть политическое вліяніе и такимъ путемъ получать поддержку со стороны государственной власти.

Отъ этого раскола мелкой буржуазіи на двое и зависитъ главнымъ образомъ упадокъ буржуазной демократіи. Одни слои мелкой буржуазіи примыкаютъ къ пролетарской соціальдемократіи, другіе — къ реакціонной демократіи, которая сверкаетъ самыми различными красками, выступаетъ какъ антисемитизмъ, націонализмъ, христіанская демократія, какъ часть консервативной партіи и партіи центра, — но всегда сохраняетъ одно и то же соціальное содержаніе.

Реакціонная демократія заимствовала много доводовъ и аргументовъ у соціальдемократической теоріи, и потому на первыхъ порахъ нѣкоторые полагали, что она представляетъ собою лишь одну изъ формъ перехода отъ либерализма къ соціальдемократіи. Но въ настоящее время неосновательность такого мнѣнія очевидна для всякаго. У соціальдемократіи нѣтъ врага болѣе ожесточеннаго, чѣмъ реакціонная демократія. Если соціальдемократія должна отстаивать всякій культурный прогрессъ, приноситъ ли онъ непосредственную выгоду съ точки зрѣнія классовыхъ интересовъ пролетаріата или нѣтъ, то реакціонная демократія по самому своему существу вынуждена возставать противъ всякаго культурнаго прогресса, хотя бы онъ непосредственно и не заключалъ въ себѣ ничего опаснаго для мелкой буржуазіи. Если соціальдемократія является самой прогрессивной партіей, то реакціонная демократія

представляетъ собою партію самую ретроградную, такъ какъ у нея къ ненависти другихъ реакціонныхъ партій противъ прогресса присоединяется еще безшабашность грубѣйшаго невѣжества во всемъ, что лежитъ за предѣлами самого ограниченнаго кругозора. Къ этому нужно еще прибавить, что въ качествѣ эксплуататоровъ мелкіе буржуа влачатъ свое существованіе только благодаря тому, что безчеловѣчно эксплуатируютъ самую слабую и наименѣе способную къ сопротивленію рабочую силу, — женщинъ и дѣтей. Поэтомъ, они, конечно, сталкиваются прежде всего враждебно съ соціальдемократіей, которая старается посредствомъ организаціи рабочихъ и путемъ ограничительныхъ законовъ положить предѣлъ такому расхищенію человѣческихъ жизней.

Такимъ образомъ, мелкая буржуазія, поскольку она не пристаетъ къ соціальдемократіи, изъ союзника рабочихъ, изъ посредника между пролетаріатомъ и высшими классами, дѣлается злѣйшимъ врагомъ пролетаріата. Вмѣсто смягченія классовыхъ противоположностей, мы видимъ здѣсь самое рѣзкое, какое только можно себѣ представить, обостреніе ихъ, и притомъ обостреніе, прогрессирующее очень быстро, ибо оно начало ясно обнаруживаться всего лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Сказанное относительно мелкой буржуазіи приложимо, съ незначительными измѣненіями, и къ крестьянству. Крестьянство также распадается на два лагеря: — на крестьянъ пролетарскаго типа (карликовое*) крестьянство) и на крестьянъ имущихъ (хозяйственныхъ). Наша задача состоитъ въ томъ, чтобы ускорять этотъ процессъ разслоенія, просвѣщая пролетарскіе элементы крестьянства относительно ихъ интересовъ, совпадающихъ съ интересами пролетаріата, и такимъ образомъ пріобщая ихъ къ соціальдемократическому движенію. Мы будемъ задерживать этотъ про-

*) Т. е. владѣющее ничтожными клочками земли, „карликовыми хозяйствами“.

Прим. переводчика.

цессъ, если станемъ игнорировать его и обращаться ко всему сельскому населенію безъ различія классовъ. Реакціонная демократія въ деревнѣ столь же враждебна намъ по самому своему существу, какъ и реакціонная демократія въ городахъ, хотя она не всегда ясно сознаетъ эту противоположность. Тѣ изъ нѣмецкихъ соціальдемократовъ, которые полагали, что „крестьянскіе союзы“ (Bauern ünde) представляютъ собою лишь переходную стадію, ведущую крестьянина отъ старыхъ партій, въ особенности отъ партіи центра, къ соціальдемократіи, впадали совершенно въ такую же ошибку, какъ и тѣ, которые приписывали подобное значеніе антисемитизму въ городахъ. Средній и крупный крестьянинъ уже потому ненавидитъ соціальдемократію, что она борется за сокращеніе рабочаго времени и за повышеніе заработной платы наемнымъ рабочимъ, способствуя, такимъ образомъ, въ значительной степени бѣгству сельскихъ рабочихъ въ города, столь невыгодному для этихъ крестьянъ.

Соціальныя противоположности между классомъ имущихъ и пролетаріатомъ обостряются и въ деревнѣ.

Еще въ большей степени, чѣмъ къ противоположности между крестьяниномъ и наемнымъ рабочимъ, приложимо это къ противоположности между крупнымъ землевладѣльцемъ и наемнымъ рабочимъ.

Въ крупномъ сельскомъ хозяйствѣ наемный рабочій играетъ гораздо болѣе важную роль, нежели въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Для крупнаго хозяйства и высокія цѣны на жизненные припасы имѣютъ несравненно большее значеніе, чѣмъ для крестьянина, который значительную часть своихъ продуктовъ потребляетъ самъ. Конечно, противоположность между производителемъ и потребителемъ жизненныхъ припасовъ представляетъ собою не противоположность между рабочимъ и его эксплуататоромъ, а противоположность между деревней и городомъ. Но въ городѣ пролетаріи являются теперь самымъ многочисленнымъ, самымъ способнымъ къ борьбѣ и наиболѣе готовымъ бороться классомъ населенія, а потому продавецъ жизненныхъ припасовъ и здѣсь на-

талкивается опять таки на пролетарія, какъ самаго энергичнаго своего врага.

Не удивительно, что въ настоящее время крупный землевладѣлецъ смотритъ на промышленнаго рабочаго совсѣмъ не такими глазами, какъ прежде. Прежде онъ относился совершенно равнодушно къ борьбѣ между промышленными капиталистами и ихъ рабочими; нерѣдко онъ слѣдилъ за этой борьбой съ нескрываемымъ злорадствомъ по отношенію къ капиталисту, даже иной разъ съ симпатіей къ пролетаріямъ. Не пролетарій стоялъ тогда у него на дорогѣ, а капиталистъ, — капиталистъ, который требовалъ покровительственныхъ пошлинъ тамъ, гдѣ крупному землевладѣльцу нужна была свобода торговли, и наоборотъ; капиталистъ, который усматривалъ въ земельной рентѣ вычетъ изъ прибыли и старался вырвать изъ рукъ крупныхъ землевладѣльцевъ монополію на высшія мѣста въ арміи и бюрократіи.

Все это измѣнилось теперь; времена рабочелюбивыхъ тори и юнкеровъ — Дизраэли, Родбертусовъ, Фогельзанговъ — давнымъ давно миновали. Подобно мелкой буржуазіи и среднему и крупному крестьянству крупный землевладѣлецъ также все болѣе и болѣе проникается нынѣ враждой къ пролетаріату.

Ну, а классъ капиталистовъ? Это — самый могущественный, самый вліятельный классъ въ наше время. Не проникается ли, по крайней мѣрѣ, онъ все больше и больше рабочелюбіемъ, подобно интеллигенціи?

Къ сожалѣнію, долженъ сказать, что и тутъ ничего подобнаго я не замѣчаю.

Конечно, измѣняется и классъ капиталистовъ, — не можетъ же онъ оставаться вѣчно однимъ и тѣмъ же. Но, спрашивается, каковы важнѣйшія изъ тѣхъ измѣненій, которыя онъ пережилъ за послѣднія десятилѣтія?

Съ одной стороны, мы находимъ ослабленіе, а иногда даже и полное уничтоженіе конкурренціи между капиталистами одной и той же отрасли промышленности въ одной и той же странѣ, благодаря распространенію предпринимательскихъ союзовъ, картелей и трэстовъ;

съ другой стороны, мы находимъ обостреніе международной конкурренціи, вызванное выступленіемъ на сцену новыхъ капиталистическихъ великихъ державъ, въ особенности Германіи и Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки.

Предпринимательскіе союзы устраняютъ конкурренцію между предпринимателями не только по отношенію къ покупателямъ ихъ продуктовъ, но и по отношенію къ ихъ рабочимъ. Вмѣсто множества соперничающихъ между собою покупщиковъ ихъ рабочей силы, пролетаріямъ приходится теперь имѣть дѣло съ однимъ единственнымъ покупщикомъ. До какой степени увеличивается могущество такого рода покупщика, до какой степени, слѣдовательно, обостряется и противоположность между нимъ и рабочими, — понятно и безъ объясненій.

По даннымъ послѣдней переписи въ Соединенныхъ Штатахъ, съ 1890 до 1900 г. заработныя платы рабочихъ въ американской промышленности абсолютно уменьшились. Разъ этотъ фактъ вѣренъ, то мы, навѣрное, не впадемъ въ ошибку, если припишемъ такой результатъ распространенію картелей и трэстовъ.

Далѣе, въ томъ же направленіи дѣйствовало и обостреніе иностранной конкурренціи. Здѣсь опять таки остались въ проигрышѣ, вмѣстѣ съ потребителями, рабочіе. Наряду съ повышеніемъ цѣнъ на товары путемъ введенія охранительныхъ пошлинъ, — которыя въ свою очередь способствуютъ образованію предпринимательскихъ союзовъ, — капиталисты въ борьбѣ съ иностранной конкурренціей, прибѣгаютъ къ усиленію эксплуатаціи рабочихъ. Отсюда обостреніе борьбы капиталистовъ противъ боевыхъ политическихъ и профессіональныхъ организацій рабочаго класса, которыя стоятъ у нихъ на пути къ этой цѣли.

Стало быть, и тутъ—не смягченіе классовыхъ противоположностей, а ихъ обостреніе.

Къ этому присоединяется, въ качествѣ третьяго момента, прогрессирующее сліяніе промышленнаго капитала съ денежнымъ, съ финансовой аристократіей. Промышленный капиталистъ есть предприниматель, кото-

рый имѣетъ извѣстное предпріятіе, въ сферѣ производства — принимая это слово въ самомъ широкомъ смыслѣ (включая и транспортъ), — эксплуатируетъ занятыхъ въ немъ наемныхъ рабочихъ и извлекаетъ изъ нихъ свою прибыль. Напротивъ, денежный капиталистъ, это — тотъ же старинный ростовщикъ, только преобразованный на современный ладъ; онъ извлекаетъ свой доходъ изъ денегъ, которыя даетъ взаймы за проценты, даетъ не только нуждающимся частнымъ лицамъ, какъ было прежде, но и капиталистамъ-предпринимателямъ, общинамъ, государствамъ и т. д.

Между промышленникомъ и денежнымъ капиталистомъ существуетъ рѣзкая противоположность, сходная съ тою, какую мы видимъ между промышленнымъ капиталистомъ и землевладѣльцемъ. Подобно земельной рентѣ (арендной, наемной платѣ), процентъ на даваемый взаймы капиталъ представляетъ собою вычетъ изъ предпринимательской прибыли. Слѣдовательно, интересы того и другого вида капитала сталкиваются въ этомъ пунктѣ. Но между ними существуетъ антагонизмъ и въ политической сферѣ. Какъ крупный землевладѣлецъ стоитъ теперь за „сильную“, и особенно охотно за монархическую, государственную власть, потому что, — поскольку изъ его рядовъ составляется придворная знать, — онъ можетъ оказывать личное вліяніе на монарха, а стало быть и на государственную власть; — какъ, далѣе, онъ является горячимъ защитникомъ милитаризма, открывающаго для его дѣтей офицерскую карьеру, къ которой оказывается менѣе пригодною молодежь буржуазная; — какъ, поэтому, онъ всегда ратуетъ за насильственную политику, внутреннюю и внѣшнюю, — такъ и финансовая аристократія выступаетъ сторонницей милитаризма, и „твердой“ боевой политики во внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлахъ. Денежнымъ тузамъ нечего бояться „сильной“, т. е. отъ народа и отъ парламента не зависящей, государственной власти, такъ какъ они держатъ эту власть въ своихъ рукахъ, въ качествѣ кредиторовъ, а зачастую и благодаря личнымъ вліяніямъ при дворѣ. Милитаризмъ, войны, государственные долги — во всемъ

этомъ они тоже заинтересованы и въ качествѣ кредиторовъ государства, и въ качествѣ поставщиковъ его, такъ какъ сфера ихъ вліянія и ихъ грабительства, ихъ могущество и ихъ богатство расширяются и растутъ, благодаря всему этому.

Совсѣмъ другое дѣло — промышленный капиталъ. Милитаризмъ, войны, государственные долги означаютъ увеличеніе налоговъ, которые въ значительной долѣ падаютъ и на него, или ведутъ, по крайней мѣрѣ, къ повышенію издержекъ производства. Война означаетъ, кромѣ того, заминку въ производствѣ и сбытѣ товаровъ, разстройство въ дѣлахъ, а нерѣдко и разореніе. Если денежный тузъ склоненъ къ риску, расточительности и политикѣ насилія, то промышленный предприниматель отличается робостью, бережливостью и миролюбіемъ. „Сильная государственная власть“ внушаетъ ему опасенія, тѣмъ болѣе, что онъ не можетъ оказывать непосредственнаго давленія на нее. Не „сильное“ правительство, а сильный парламентъ, — вотъ что соотвѣтствуетъ его интересамъ. Въ противоположность крупному земледвладѣльцу и финансовой аристократіи, онъ имѣетъ, поэтому, тяготѣніе къ либерализму. Половинчатость, свойственная либерализму, вытекаетъ изъ его собственной половинчатости. Если, съ одной стороны, земельная рента, процентъ, налоги уменьшаютъ его прибыль, то, съ другой стороны, борющійся за свое освобожденіе пролетаріатъ грозитъ стереть съ лица земли всю систему хозяйства изъ-за прибыли. Однако, и по отношенію къ пролетаріату, въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ не угрожаетъ ему слишкомъ большой опасностью, промышленный предприниматель предпочитаетъ насильственному подавленію мирные методы борьбы, вродѣ политики „раздѣляй и властвуй“, вродѣ устройства разнаго рода благотворительныхъ учрежденій съ цѣлью подкупить рабочаго и привязать его къ себѣ и т. п. Тамъ, гдѣ пролетаріатъ не проводитъ еще никакой самостоятельной политики, — промышленный капиталъ особенно охотно пользуется имъ, какъ слѣпымъ орудіемъ, какъ „голосующей скотиной“ (Stimmvieh), чтобы увеличивать

свою собственную политическую власть. Мелкобуржуазному соціализму противоположность между промышленнымъ капиталомъ и пролетаріатомъ представляется менѣе важною, чѣмъ противоположность между предпринимательской прибылью — съ одной стороны, земельной рентой и процентомъ — съ другой. На уничтоженіе земельной ренты и процента онъ смотритъ какъ на рѣшеніе соціальнаго вопроса.

Но противоположность между финансовой аристократіей и промышленной буржуазіей все болѣе и болѣе сглаживается, такъ какъ съ ростомъ концентраціи капитала финансовая аристократія все болѣе и болѣе подчиняетъ себѣ промышленность. Однимъ изъ важныхъ орудій этого подчиненія является прогрессирующее вытѣсненіе единоличныхъ предпринимателей акціонерными обществами. Благодушные оптимисты видятъ въ акціонерныхъ компаніяхъ средство „демократизировать“ капиталъ и такимъ образомъ потихоньку, безъ революціи, незамѣтно превратить капиталъ въ собственность народа. Въ дѣйствительности же, акціонерныя компаніи ведутъ къ тому, что всѣ принадлежащія среднимъ и низшимъ классамъ деньги, не нужныя имъ для удовлетворенія текущихъ потребностей, превращаются въ денежный капиталъ и, какъ таковой, попадаютъ въ распоряженіе крупныхъ денежныхъ капиталистовъ, которые пользуются ими для покупки промышленныхъ предпріятій у частныхъ предпринимателей, — т. е. онѣ помогаютъ финансовой аристократіи сосредоточивать промышленность въ рукахъ кучки денежныхъ капиталистовъ. Безъ акціонерныхъ обществъ, крупные финансовые тузы могли бы овладѣвать лишь тѣми промышленными предпріятіями, какія они въ состояніи купить на собственныя деньги. Благодаря же акціонернымъ обществамъ они получаютъ возможность подчинять своему вліянію, — а потомъ уже тѣмъ легче пріобрѣтать и въ собственность, — множество промышленныхъ предпріятій, для покупки которыхъ они не располагаютъ необходимыми денежными средствами. Возьмите, напримѣръ, это сказочное могущество фирмы Пирпонтъ Морганъ и К°: втеченіе всего

лишь нѣсколькихъ лѣтъ она сосредоточила въ однѣхъ рукахъ множество желѣзныхъ дорогъ, рудниковъ, большую часть желѣзодѣлательныхъ заводовъ Соединенныхъ Штатовъ, а теперь успѣла уже монополизировать и важнѣйшія океанскія пароходныя линіи; — безъ акціонерной системы такое стремительное завоеваніе господства надъ промышленностью и средствами сообщенія важнѣйшихъ культурныхъ странъ было бы прямо невозможно.

По даннымъ Лондонскаго „Экономиста“, пять человѣкъ: Дж. Д. Рокфеллеръ, Э. Г. Гарриманъ, Дж. Пирпонтъ Морганъ, В. Р. Вандербильтъ и Г. Д. Гульдъ, имѣютъ всѣ вмѣстѣ болѣе 3.000 милліоновъ марокъ. Распоряжаются же они всѣ вмѣстѣ капиталомъ болѣе чѣмъ въ 30.000 милліоновъ марокъ, между тѣмъ какъ весь капиталъ, вложенный въ банки, желѣзныя дороги и промышленныя компаніи Соединенныхъ Штатовъ, достигаетъ 70 000 милліоновъ марокъ. Стало быть, благодаря развитію акціонернаго дѣла, въ распоряженіи названныхъ пяти лицъ находится почти половина этого капитала, отъ котораго въ свою очередь зависитъ вся экономическая жизнь Сѣверо-Американскаго Союза.

Кризисъ, который не преминетъ разразиться въ Америкѣ, и въ этотъ разъ, какъ всегда, приведетъ къ экспропріаціи мелкихъ акціонеровъ и къ увеличенію и упроченію имущества крупныхъ.

Но чѣмъ больше денежный капиталъ овладѣваетъ промышленностью, тѣмъ болѣе и промышленный капиталъ воспринимаетъ методы денежнаго капитала. Въ глазахъ единоличнаго предпринимателя, живущаго рядомъ со своими рабочими, эти послѣдніе остаются все-таки людьми, къ благополучію и несчастью которыхъ онъ не можетъ относиться совершенно равнодушно, если онъ еще не совсѣмъ зачерствѣлъ. Для владѣльца акцій существуетъ только дивидендъ, рабочіе являются для него простыми цифрами въ ариѳметической задачѣ, но въ такой задачѣ, въ рѣшеніи которой онъ заинтересованъ въ высшей степени, ибо оно можетъ принести ему увеличеніе благосостоянія, усиленіе могущества, или же уменьшеніе благосостоянія и силы и соціальную дегра-

дацію. Тутъ ужъ исчезаетъ послѣдняя тѣнь человѣческаго отношенія къ рабочимъ, которое еще могло проскальзывать у частнаго предпринимателя.

Денежный капиталъ представляетъ собою такой видъ капитала, который обнаруживаетъ наибольшую склонность къ паспильственнымъ дѣйствіямъ; — который всего легче создаетъ, путемъ соединенія, монополіи и такимъ образомъ пріобрѣтаетъ безграничную власть надъ рабочимъ классомъ; — который всего болѣе отчужденъ отъ рабочаго. И вотъ этотъ-то видъ капитала вытѣсняетъ капиталы частныхъ промышленниковъ и все болѣе и болѣе овладѣваетъ всѣмъ капиталистическимъ производствомъ.

Естественно-необходимымъ результатомъ всего этого и здѣсь является — обостреніе соціальной противоположности.

„Ну, а Англія?“ — возразятъ намъ — „Развѣ не находимъ мы тамъ прогрессирующаго ослабленія классовыхъ противоположностей? И не говорилъ ли уже Марксъ, что Англія есть классическая страна капиталистическаго способа производства и что, въ качествѣ таковой, она показываетъ намъ картину нашего собственнаго будущаго? Не является ли, слѣдовательно, нынѣшнее состояніе Англіи такимъ, къ которому приближаемся все болѣе и мы?“

На Англію постоянно указываютъ намъ поклонники „соціальнаго мира“; и замѣчательно, что люди, которые всего громче упрекаютъ насъ, „ортодоксальныхъ“ марксистовъ, въ упорномъ отстаиваніи каждаго положенія Маркса, думаютъ окончательно посрамить насъ именно ссылкой на слова Маркса въ „Капиталѣ“.

Въ дѣйствительности, обстоятельства сильно измѣнились съ тѣхъ поръ, какъ былъ написанъ „Капиталъ“. Англія перестала быть классической страной капитализма. Она все болѣе и болѣе отстаетъ въ своемъ развитіи, ее все болѣе и болѣе опережаютъ другія націи, въ особенности Германія и Америка, и теперь отношеніе между нею и этими націями начинаетъ принимать обратный видъ. Англія перестаетъ показывать намъ

картину нашего будущаго, — напротивъ, наши порядки начинаютъ показывать Англіи картину ея собственнаго будущаго въ сферѣ капиталистическаго способа производства. Вотъ къ какому выводу изслѣдованіе фактическихъ отношеній приводитъ тѣхъ „ортодоксальныхъ“ марксистовъ, которые не преклоняются слѣпо передъ Марксомъ, а примѣняютъ его методъ, чтобы понять настоящее.

Англія была классической почвой капитализма, на которой впервые достигъ господства промышленный капиталъ. Онъ достигъ господства благодаря своему экономическому превосходству не только надъ другими классами Англіи, но и надъ остальными странами. Въ силу этого промышленный капиталъ Англіи могъ всего свободнѣе развить тѣ свойства, на которыя я указывалъ выше, характеризуя промышленный капиталъ вообще. Онъ отказывался отъ насильственныхъ пріемовъ въ борьбѣ съ рабочимъ классомъ и заботился главнымъ образомъ о томъ, чтобы „мирно“ разъединять рабочихъ, давая политическія привилегіи болѣе сильнымъ, организованнымъ слоямъ пролетаріата, стараясь купить и развратить его вождей посредствомъ дружескаго, предупредительнаго отношенія къ нимъ, — что ему и удавалось слишкомъ часто. Онъ отказывался вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ всякой насильственной политики во внѣшнихъ дѣлахъ, миръ и свобода торговли сдѣлались его лозунгомъ; онъ мирно уживался съ бурами и въ концѣ концовъ началъ дѣлать даже видъ, будто намѣренъ загладить вѣковую несправедливость Англіи по отношенію къ Ирландіи и даровать ирландцамъ гомруль (home rule — самоуправленіе).

Между тѣмъ, иностранная конкурренція усилилась до того, что во многихъ случаяхъ стала принимать угрожающіе размѣры. Подъ давленіемъ ея, англійскіе капиталисты начинаютъ стремиться къ тому, чтобы устранить всѣ препятствія, мѣшающія усиленію эксплуатаціи рабочихъ внутри страны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ тому, чтобы обезпечить за собой насильственными мѣрами внѣшніе рынки. Рука объ руку съ этимъ уси-

ливается и становится преобладающей роль финансовыхъ тузовъ въ процессѣ производства. Съ этого времени Англія принимаетъ совершенно другой видъ. „Духъ времени, — констатировали недавно супруги Вэббъ въ журналѣ Socia'e Praxis (20 марта 1902 года), — обратился втеченіе послѣдняго десятилѣтія противъ „корпоративной самопомощи“ въ отношеніяхъ между работодателями и рабочими, развитіе которой характерно для предшествовавшаго поколѣнія. Фактъ тотъ, что общественное мнѣніе состоятельныхъ классовъ и представителей свободныхъ профессій настроено по отношенію къ профессіональнымъ рабочимъ союзамъ и къ стачкамъ болѣе враждебно, чѣмъ это было лѣтъ тридцать тому назадъ“.

И вотъ, вслѣдствіе такой перемѣны, суды начинаютъ самымъ чувствительнымъ образомъ стѣснять дѣятельность трэдъ-юніоновъ. Вмѣсто свободы торговли начинаютъ вводиться пошлины, удорожающія жизненные припасы. Опять выступаетъ на сцену завоевательная колоніальная политика, а вмѣстѣ съ тѣмъ возобновляются и исключительные законы противъ Ирландіи. Недостаетъ еще только организаціи арміи на прусскій манеръ, — и тогда Англія будетъ шествовать всецѣло по стопамъ Германіи съ ея политикой по отношенію къ полякамъ, съ ея торговой, съ ея соціальной, съ ея иностранной политикой, съ ея политикой въ дѣлѣ военнаго устройства.

Не ясно ли отсюда, что теперь мы можемъ на примѣрѣ Германіи (а также и Америки) изучать будущность Англіи, что господствующіе въ Англіи порядки перестали представлять собою картину нашего будущаго? Сгадія „смягченія классовыхъ противоположностей“ и водворенія „соціальнаго мира“ не распространилась за предѣлы Англіи, да и въ Англіи она отошла уже въ область преданій. Гладстонъ былъ самымъ выдающимся представителемъ политики уступокъ въ видахъ смягченія соціальныхъ противоположностей, — политики, которая соотвѣтствовала характеру міровоззрѣнія англійскаго промышленнаго капитала,

экономически господствовавшаго надъ другими классами Англіи и надъ другими странами. Самымъ выдающимся представителемъ новой политики борющагося насильственными средствами за свое господство денежнаго капитала является Чемберлэнъ. Странная иронія исторіи! У насъ въ Германіи гладстоновскую стадію стали особенно шумно превозносить, видя въ ней картину нашего будущаго и вѣковѣчное пріобрѣтеніе Англіи, — какъ разъ въ то время, когда гладстоновское наслѣдство разсыпалось въ прахъ и героемъ англійскаго народа дѣлался Чемберлэнъ.

Каюсь, и я возлагалъ нѣкогда большія надежды на Англію. Я не ожидалъ, правда, что гладстоновская стадія распространится когда нибудь и на Германію, но я надѣялся, все же, что въ Англіи, благодаря ея своеобразнымъ условіямъ, переходъ отъ капитализма къ соціализму можетъ совершиться не путемъ соціальной революціи, а мирнымъ путемъ послѣдовательныхъ уступокъ пролетаріату со стороны господствующихъ классовъ. Опытъ послѣднихъ лѣтъ разрушилъ мои надежды даже и по отношенію къ Англіи. Англійская внутренняя политика начинаетъ теперь складываться по образцу ея нѣмецкаго конкуррента. Остается пожелать, чтобы по тому же образцу складывалось ея воздѣйствіе и на англійскій пролетаріатъ!

Мы видимъ теперь, насколько основательно мнѣніе, будто классовыя противоположности все болѣе и болѣе сглаживаются, будто между пролетаріатомъ и буржуазіей происходитъ сближеніе. Нельзя сказать, правда, чтобы мнѣніе это было взято съ вѣтра,—нѣтъ, оно опирается на опредѣленные факты; но ошибочность его заключается въ томъ, что этого рода фактамъ, имѣющимъ силу для одной небольшой области, придается общее значеніе. Нѣкоторые слои интеллигенціи приравниваются ко всей буржуазіи въ цѣломъ, а спеціальная, отошедшая уже въ область прошлаго, соціальная тенденція Англіи выдается за всеобщую, все болѣе и болѣе усиливающуюся тенденцію всего капиталистическаго способа производства.

6. Демократія.

Но не обезпечиваетъ ли демократія постепеннаго, незамѣтнаго перехода отъ капитализма къ соціализму, безъ того насильственнаго разрыва съ существующимъ, какимъ является завоеваніе политической власти пролетаріатомъ?

Существуетъ цѣлый рядъ политиковъ, которые утверждаютъ, что только при деспотическомъ господствѣ того или иного класса революція оказывается необходимою, въ демократическомъ же государствѣ она совершенно излишня. А такую степень демократичности государственнаго строя, какая необходима для того, чтобы сдѣлать возможнымъ мирное развитіе безъ всякихъ революцій, мы находимъ теперь уже во всѣхъ культурныхъ странахъ. Повсюду есть возможность устраивать потребительныя общества, которыя, расширяя свою дѣятельность, берутся и за самостоятельное производство продуктовъ и такимъ образомъ медленно, но неуклонно вытѣсняютъ капиталистическое производство изъ одной области за другою. Повсюду есть возможность организовывать профессіональные рабочіе союзы, которые все болѣе и болѣе ограничиваютъ могущество капиталиста въ сферѣ его предпріятія, на мѣсто абсолютизма вводятъ на фабрикѣ конституціонализмъ и такимъ путемъ подготовляютъ мало-по-малу переходъ къ республиканскому устройству фабрики. Почти повсюду соціаль-демократія можетъ проникать въ органы мѣстнаго самоуправленія, вліять на веденіе общественныхъ работъ въ интересахъ рабочаго класса, расширять кругъ задачъ муниципальныхъ управленій, ограничивать посредствомъ постояннаго расширенія сферы общиннаго производства сферу производства частнаго. Наконецъ, соціаль-демократія проникаетъ въ парламенты, пріобрѣтаетъ тамъ все больше и больше вліянія, проводитъ одну соціальную реформу за другою, ограничиваетъ могущество капиталистовъ посредствомъ законовъ объ охранѣ рабочихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, добиваясь огосу-

дарствленія крупныхъ монополій, все болѣе и болѣе расширяетъ сферу государственнаго производства. Такимъ образомъ, благодаря функціонированію демократическихъ учрежденій на почвѣ существующаго строя, — капиталистическое общество постепенно, безъ всякихъ потрясеній, и перерастаетъ въ соціалистическое; революціонное завоеваніе политической власти становится ненужнымъ, стремленіе къ нему прямо вреднымъ, такъ какъ оно можетъ повести только къ разстройству правильнаго теченія этого медленно, но неуклонно совершающагося процесса.

Такъ разсуждаютъ противники революціоннаго развитія.

Они рисуютъ намъ увлекательную идиллію. И опять таки нельзя сказать, чтобы они не имѣли рѣшительно никакой фактической почвы подъ ногами. Факты, на которые опираются они, дѣйствительно существуютъ. но выводы, которые дѣлаются ими изъ этихъ фактовъ, представляютъ изъ себя и тутъ лишь половину правды. Немножечко діалектическаго мышленія помогло бы имъ разглядѣть всю правду.

Въ самомъ дѣлѣ, идиллія эта можетъ имѣть смыслъ лишь въ томъ случаѣ, если мы предположимъ, что растетъ и усиливается только одна сторона, пролетаріатъ, другая же сторона, буржуазія, стоитъ неподвижно на прежнемъ мѣстѣ. Тогда, разумѣется, пролетаріатъ неизбѣжно долженъ помаленьку, и безъ революціи, перерости буржуазію и незамѣтнымъ образомъ экспропріировать ее.

Но дѣло получаетъ совсѣмъ иной видъ, если мы примемъ во вниманіе и другую сторону, если мы будемъ помнить, что вѣдь и буржуазія тоже усиливается, что каждый шагъ впередъ, дѣлаемый пролетаріатомъ, побуждаетъ ее развивать новыя силы, придумывать и пускать въ ходъ новые методы отпора и угнетенія. Тогда тотъ процессъ, который при одностороннемъ взглядѣ на вещи кажется постепеннымъ и мирнымъ переходомъ къ соціализму, предстанетъ предъ нами какъ организація все большихъ и большихъ массъ борю-

щихся, какъ выработка и примѣненіе все болѣе и болѣе сильныхъ средствъ борьбы, какъ безпрерывное расширеніе арены борьбы; вмѣсто постепеннаго замиранія классовой борьбы вслѣдствіе поглощенія капиталистическаго общества соціалистическимъ, мы увидимъ постоянное возобновленіе этой борьбы въ болѣе и болѣе широкихъ размѣрахъ, мы увидимъ углубленіе послѣдствій каждой побѣды и каждаго пораженія.

Начнемъ съ самаго невиннаго учрежденія, съ кооперацій, изъ которыхъ практическое значеніе имѣютъ теперь только потребительныя общества. Вслѣдствіе ихъ мирнаго характера они пользуются большимъ почетомъ у всѣхъ противниковъ революціоннаго развитія. Не подлежитъ сомнѣнію, что кооперативы могутъ принести рабочему классу цѣлый рядъ важныхъ выгодъ, но смѣшно ожидать отъ нихъ хотя бы только частичной экспропріаціи капитала. Если кого и экспропріируютъ они теперь, такъ только классъ мелкихъ лавочниковъ, только нѣкоторые слои ремесленниковъ, которые еще держались до сихъ поръ, какъ, напр., булочники. Поэтому то именно крупные капиталисты нигдѣ и не возстаютъ противъ потребительныхъ товариществъ, которыя должны будто бы ихъ вытѣснить. Нѣтъ, нападаетъ съ яростью на потребительныя товарищества только мелкая буржуазія, и притомъ именно тѣ слои ея, которые держатся покупателями изъ среды рабочихъ, которые, поэтому, всего скорѣе можно было бы привлечь на сторону соціаль-демократіи. Слѣдовательно, если, съ одной стороны, потребительныя товарищества рабочихъ доставляютъ матеріальныя выгоды нѣкоторымъ слоямъ пролетаріата, то, съ другой стороны, они отталкиваютъ отъ пролетарскаго движенія нѣкоторые всего ближе стоящіе къ пролетаріату слои мелкой буржуазіи. Средство, предназначенное къ тому, чтобы мирнымъ образомъ сводить на нѣтъ капитализмъ и классовую борьбу, становится новымъ яблокомъ раздора въ классовой борьбѣ, становится средствомъ, которое разжигаетъ новую классовую ненависть. И притомъ власть капитала остается совер-

шенно незатронутой. Потребительныя общества до сихъ поръ вели съ успѣхомъ борьбу лишь противъ мелкихъ лавочниковъ. Борьба съ крупными магазинами имъ еще только предстоитъ, и она будетъ уже далеко не такъ легка.

Совершенно уже лишено смысла мнѣніе, что дивиденды потребительныхъ обществъ, если ихъ не выдавать членамъ, а употреблять на образованіе фонда, могутъ возрастать быстрѣе, нежели происходитъ накопленіе капитала, и что такимъ образомъ ростъ дивидендовъ можетъ обогнать накопленіе капитала и мало-по малу ограничить сферу капиталистическаго хозяйства.

Потребительныя общества только въ тѣхъ случаяхъ могутъ пріобрѣсти извѣстное значеніе для эмансипаціи пролетаріата, когда пролетаріатъ ведетъ энергичную классовую борьбу, когда они являются средствомъ къ увеличенію силы и могущества борющихся рабочихъ. Притомъ, потребительныя общества находятся въ полнѣйшей зависимости отъ состоянія законодательства и отъ отношенія къ нимъ государственной власти. Слѣдовательно, пока пролетаріатъ не завоевалъ политической власти, потребительныя общества будутъ имѣть для его классовой борьбы всегда лишь очень ограниченное значеніе.

Несравненно больше значенія, чѣмъ потребительныя товарищества, имѣютъ для пролетаріата профессіональные рабочіе союзы. Но это значеніе имѣютъ они въ качествѣ именно боевыхъ организацій, а отнюдь не въ качествѣ организацій „соціальнаго мира“. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда рабочіе союзы заключаютъ договоры съ единоличными или организованными предпринимателями, они могутъ добиваться заключенія и исполненія этихъ договоровъ только благодаря своей способности вести борьбу.

Но, какъ ни важны, какъ ни необходимы даже для борющагося пролетаріата рабочіе союзы, — имъ все-таки повсюду приходится рано или поздно считаться съ возникающими въ противовѣсъ имъ организаціями,

— съ предпринимательскими союзами, которые, развиваясь въ высшую форму картелей или трэстовъ, очень легко пріобрѣтаютъ такую силу, что бороться съ ними становится не въ моготу и рабочимъ союзамъ.

Далѣе, рабочимъ союзамъ угрожаютъ не только предпринимательскіе союзы, а и государственная власть. Намъ, нѣмцамъ, знакомо это явленіе слишкомъ хорошо. Да и въ демократической Англіи рабочіе союзы еще не вполнѣ застрахованы отъ всѣхъ опасностей: объ этомъ свидѣтельствуютъ всѣмъ извѣстныя недавнія судебныя рѣшенія, которыя угрожаютъ парализовать совершенно ихъ дѣятельность.

Въ упомянутой уже статьѣ супруговъ Вэббъ, въ „Sociale Praxis“, — статьѣ, которая вообще бросаетъ своеобразный свѣтъ на будущность рабочихъ союзовъ, — содержатся и на этотъ счетъ интересныя доказательства. Авторы отмѣчаютъ, какъ неравномѣрно развиваются рабочіе союзы въ Англіи. „Вообще говоря, сильные сдѣлались еще сильнѣе, между тѣмъ какъ тѣ, которые уже и прежде были слабы, стали теперь еще слабѣе, чѣмъ раньше“. Развиваются союзы углекоповъ, рабочихъ хлопчатобумажной, строительной, желѣзной промышленности. Падаютъ союзы сельскохозяйственныхъ рабочихъ, моряковъ, рабочихъ, занятыхъ производствомъ одежды, и чернорабочихъ. Но далѣе, самому существованію рабочихъ союзовъ угрожаетъ опасность со стороны имущихъ классовъ, которые все болѣе и болѣе проникаются враждою къ нимъ. Англійскіе законы даютъ полную возможность сживать со свѣта неудобныя, съ точки зрѣнія властей, организаціи, и опасность, что эти законы будутъ теперь направлять противъ рабочихъ союзовъ, „увеличилась, стремленія въ этомъ направленіи усилились вмѣстѣ съ усиленіемъ того нерасположенія къ трэдъюніонизму и къ стачкамъ, которое судьи и присяжные раздѣляютъ со всей массой высшихъ и среднихъ классовъ“. Существующіе законы могутъ „выдать рабочаго предпринимателю связаннаго по рукамъ и по ногамъ“, такъ что супруги Вэббъ предвидятъ возможность наступленія та-

кихъ порядковъ, когда „коллективный договоръ съ неизбѣжно сопровождающимъ его явленіемъ — коллективнымъ отказомъ отъ работы и остановкою промышленности, сдѣлается, благодаря судейскимъ толкованіямъ закона, невозможнымъ или, по крайней мѣрѣ, чрезчуръ дорогимъ и затруднительнымъ".

При этомъ нужно еще имѣть въ виду, что до сихъ поръ рабочіе союзы были для капиталистовъ, самое большее, лишь неудобными; о дѣйствительномъ стѣсненіи ими капиталистической эксплуатаціи говорить не приходится. Можете ссбѣ представить, поэтому, какъ бы стала поступать государственная власть даже въ Англіи, этомъ Эльдорадо трэдъ-юніонизма, если бы рабочимъ союзамъ удалось на самомъ дѣлѣ чувствительно обуздать своеволіе капитала!

Точно также и такъ наз. муниципальный соціализмъ, — даже тамъ, гдѣ господствуетъ всеобщее избирательное право при коммунальныхъ выборахъ — находитъ себѣ предѣлъ въ данномъ государственномъ и общественномъ строѣ. Община всегда остается связанною общими экономическими и политическими условіями; своими силами она не можетъ выйти за эти предѣлы. Правда, въ единичныхъ общинахъ съ развитой промышленностью пролетаріи могутъ забрать въ свои руки общинное управленіе гораздо раньше, чѣмъ они пріобрѣтутъ достаточно силы, чтобы завоевать государственную власть; они могутъ такимъ путемъ достигнуть хотя бы того, чтобы общинное управленіе не носило прямо враждебнаго пролетаріату характера, и провести отдѣльныя реформы, которыхъ нельзя было бы ожидать отъ буржуазнаго управленія. Но всѣ эти муниципалитеты скоро наталкиваются на непреодолимыя преграды, создаваемыя не только государственной властью, но и ихъ собственнымъ экономическимъ безсиліемъ. Въ большинствѣ случаевъ соціаль-демократами завоевываются раньше всего общины бѣдныя, населенныя почти исключительно пролетаріями. Откуда взять такимъ общинамъ средства для проведенія болѣе или менѣе крупныхъ реформъ? Въ обложеніи жителей общины нало-

гами общинное управленіе стѣснено по большей части общегосударственными законами, да и тамъ, гдѣ этого нѣтъ, оно не можетъ при обложеніи состоятельныхъ и богатыхъ жителей преступать извѣстной границы, не выживая изъ общины именно такихъ ея членовъ, съ которыхъ только и можно что-нибудь взять. И вотъ для проведенія каждой болѣе или менѣе крупной реформы приходится иногда вводить новые налоги, которые возбуждаютъ неудовольствіе не только среди высшихъ классовъ, но и въ широкихъ кругахъ населенія. Многія общины, которыя были завоеваны соціалистами или близко къ нимъ стоящими реформаторскими партіями, опять ускользнули изъ ихъ рукъ, именно изъ-за вопроса о налогахъ, несмотря на то, что общинное хозяйство велось ими образцово. Такъ было однажды въ Лондонѣ, такъ было недавно въ Рубэ.

Ну, а политическая дѣятельность? — возразятъ намъ. — Для нея то вѣдь не существуетъ никакихъ подобныхъ преградъ! И развѣ не видимъ мы безпрерывнаго прогресса въ законодательствѣ по охранѣ рабочихъ, развѣ не приноситъ намъ каждая парламентская сессія все новыхъ и новыхъ ограниченій капитализма? Не увеличивается ли съ каждыми выборами число нашихъ представителей въ парламентѣ? И развѣ, благодаря этому, не возростаетъ — медленно, но неуклонно и неудержимо — наша сила въ государствѣ, наше вліяніе на правительство? Развѣ не усиливается вмѣстѣ съ тѣмъ и зависимость капитала отъ пролетаріата?

Безспорно, число законовъ, ограждающихъ рабочаго, годъ отъ году увеличивается. Однако, присмотрѣвшись къ дѣлу ближе, мы увидимъ, что въ послѣднія десятилѣтія большинство такихъ законовъ не усиливаютъ охраны труда тамъ, гдѣ она уже введена, а только распространяютъ дѣйствіе существующихъ правилъ по охранѣ труда на новыя области, — на служащихъ въ торговыхъ заведеніяхъ и въ трактирахъ, на дѣтей внѣ фабрикъ, на домашнихъ рабочихъ (кустарей), на матросовъ и т. д., — да и это распространеніе въ большинствѣ случаевъ очень нерѣшительное и весьма сом-

нительнаго свойства. Если же принять въ соображеніе, съ какой необычайной быстротою капиталистическій способъ производства расширяетъ область своего господства, какъ быстро охватываетъ онъ промыселъ за промысломъ, страну за страною, то окажется, что распространеніе законодательства по охранѣ рабочихъ идетъ гораздо болѣе медленнымъ темпомъ, что оно нигдѣ не обгоняетъ расширенія капитализма, а лишь еле-еле ковыляетъ за нимъ. И въ то время какъ расширеніе капитализма идетъ все болѣе и болѣе быстрымъ темпомъ, — распространеніе законодательства по охранѣ труда все болѣе и болѣе замедляется.

Далѣе. Если законодательство по охранѣ труда развивается вширь недостаточно быстро, то развитія его вглубь и совсѣмъ почти не замѣтно. Въ 1847 году въ Англіи, подъ давленіемъ чартистскаго движенія и быстраго обнищанія рабочихъ текстильной промышленности, былъ завоеванъ десятичасовой рабочій день для женщинъ и подростковъ, а фактически для всѣхъ рабочихъ, занятыхъ въ текстильной промышленности. И съ тѣхъ поръ — въ какой странѣ ушли мы дальше десятичасового рабочаго дня?

Вторая республика во Франціи установила въ 1848 году для всѣхъ рабочихъ въ Парижѣ десятичасовой, въ остальной Франціи — одиннадцатичасовой рабочій день. Когда Мильеранъ провелъ недавно въ палатѣ законопроэктъ о десятичасовомъ рабочемъ днѣ (провелъ на бумагѣ, со множествомъ ухудшающихъ законъ оговорокъ) для тѣхъ промышленныхъ заведеній, въ которыхъ работаютъ женщины и дѣти вмѣстѣ съ мужчинами (слѣдовательно, не для всѣхъ промышленныхъ заведеній), то подобная мѣра была превознесена до небесъ, какъ достойное удивленія дѣло, которое способенъ былъ, дескать, совершить только соціалистическій министръ. И однакоже соціалистическій министръ своимъ закономъ далъ рабочимъ гораздо меньше, чѣмъ дало имъ полвѣка назадъ англійское буржуазное законодательство, ибо десятичасовой рабочій день онъ установилъ и для дѣтей, для которыхъ въ Англіи уже

въ 1844 году продолжительность рабочаго дня была ограничена 6½ часами.

Уже Женевскій конгрессъ Интернаціонала требовалъ въ 1866 г. восьмичасового рабочаго дня, какъ предварительнаго условія всякой плодотворной соціальной реформы. А 36 лѣтъ спустя, на послѣднемъ конгрессѣ французскихъ соціалистовъ въ Турѣ, одинъ изъ делегатовъ возсталъ противъ того, чтобы восьмичасовой рабочій день вошелъ въ число нашихъ ближайшихъ требованій. Онъ отъ делегатъ признавалъ желательнымъ требовать только „мѣропріятій, пролагающихъ путь къ установленію восьмичасового рабочаго дня“. И этого господина не подняли на смѣхъ, — онъ даже выставилъ свою кандидатуру на послѣднихъ выборахъ въ Парижѣ!

Какъ видите, единственное, что въ соціальной реформѣ дѣлаетъ быстрые успѣхи, это — скромность соціаль-реформистовъ.

Но какъ же возможно подобное явленіе наряду съ увеличеніемъ числа соціалистическихъ депутатовъ въ парламентахъ? Эта странная вещь объясняется очень просто, — стоитъ лишь, не ограничиваясь указаніемъ на фактъ увеличенія числа депутатовъ соціалистическихъ партій, взглянуть и на оборотную сторону медали. Число соціалистическихъ депутатовъ въ парламентахъ, дѣйствительно, увеличивается, но въ то же самое время падаетъ буржуазная демократія. Упадокъ этотъ очень часто обнаруживается внѣшнимъ образомъ въ уменьшеніи числа голосовъ, подаваемыхъ за нее на выборахъ; постоянно же онъ проявляется во внутреннемъ разложеніи буржуазной демократіи. Она становится все трусливѣе и безхарактернѣе; противъ реакціи она умѣетъ обороняться только однимъ способомъ — изъявляя съ своей стороны готовность тоже слѣдовать реакціонной политикѣ; и она дѣйствительно слѣдуетъ реакціонной политикѣ, когда ей удается получить въ свои руки „кормило правленія“. Таковъ практикуемый нынѣ либералами способъ завоеванія политической власти.

Когда Бисмаркъ сталъ замѣчать, что его режимъ колеблется, онъ удлинилъ законодательный періодъ германскаго рейхстага съ трехъ до пяти лѣтъ. Это была отчаянная, реакціонная мѣра, которая вызвала цѣлую бурю негодованія. А вотъ во Франціи такъ послѣднее радикальное „министерство республиканской защиты“, съ соціалистическимъ министромъ Мильераномъ въ его составѣ, потребовало передъ самыми выборами удлиненія законодательныхъ періодовъ съ 4 до 6 лѣтъ, и дѣйствительно получило санкцію этой мѣры отъ республиканскаго большинства! Не воспротивься сенатъ, эта ультра-реакціонная мѣра не преминула бы сдѣлаться закономъ.

Но мало того, что исчезаетъ буржуазный либерализмъ съ такой же быстротой, съ какой возрастаетъ соціаль-демократія; — въ то самое время, какъ въ парламентахъ увеличивается вліяніе соціаль-демократіи, уменьшается вліяніе самихъ парламентовъ. Оба эти процесса совершаются одновременно, но они не находятся ни въ какой прямой связи другъ съ другомъ. Наоборотъ, тѣ парламенты, въ которыхъ нѣтъ соціаль-демократическихъ депутатовъ, каковы саксонская или прусская палата, утрачиваютъ свое вліяніе и свою творческую силу еще скорѣе, чѣмъ другіе.

Упадокъ парламентаризма обусловливается самыми различными причинами. Но важнѣйшихъ изъ нихъ мы не можемъ искать въ недостаткахъ парламентской техники, — недостаткахъ, которые можно было бы устранить посредствомъ измѣненія регламента или расширенія сферы компетенціи парламента. Нѣтъ, коренныя причины этого явленія кроются въ характерѣ тѣхъ классовъ, которые посредствомъ парламентовъ оказываютъ рѣшающее вліяніе на правительство.

Для успѣха парламентаризма необходимы два условія: во-первыхъ, сильное, сплоченное большинство; во-вторыхъ, великая соціальная цѣль, къ которой энергически стремится это большинство и къ которой оно побуждаетъ идти и правительство. Оба эти условія были на лицо въ цвѣтущую эпоху парламентаризма. Пока ка-

питализмъ представлялъ будущность націи, до тѣхъ поръ за его свободное развитіе стояли всѣ слои народа, вліятельно представленные въ парламентахъ и прежде всего масса интеллигенціи; но и большинство мелкой буржуазіи, и даже рабочихъ, шло тогда за буржуазными вождями.

Такимъ образомъ возникъ либерализмъ, какъ сплоченная партія съ великими цѣлями. Борьба либерализма за парламентъ и въ парламентѣ и придавала этому послѣднему его былое значеніе.

Но съ тѣхъ поръ началась та эволюція, которую я охарактеризовалъ выше. Она толкаетъ пролетаріатъ, вырабатывающій свое особое классовое самосознаніе, а также часть интеллигенціи, мелкой буржуазіи и мелкаго крестьянства въ соціалистическій лагерь; она дѣлаетъ остальную часть мелкой буржуазіи и крестьянства совершенно реакціонною, между тѣмъ какъ наиболѣе сильные элементы промышленной буржуазіи соединяются съ финансовой аристократіей, которая никогда не придавала большого значенія парламентаризму, — хотя она отлично умѣетъ справляться и съ нимъ (примѣръ — Панама).

И вотъ, либеральная партія распадается на составляющіе ее элементы, причемъ изъ господствующихъ классовъ не образуется уже никакой другой крупной парламентской партіи, съ однороднымъ характеромъ, которая бы могла занять ея мѣсто. Чѣмъ реакціоннѣе становятся имущіе классы, тѣмъ въ меньшей степени составляютъ они однородную массу, тѣмъ больше распадаются они на отдѣльныя мелкія партіи, тѣмъ труднѣе становится составить однородное парламентское большинство. Все чаще и чаще оказывается невозможнымъ составить его иначе, какъ путемъ соединенія самыхъ разнообразныхъ направленій на данный только моментъ, т. е. путемъ образованія коалицій, которыя зиждутся на самомъ непрочномъ базисѣ, ибо ихъ скрѣпляетъ не тѣсная внутренняя связь, а исключительно разсчетъ внѣшней цѣлесообразности. Эти коалиціи заранѣе осуждены на безплодіе, такъ какъ элементы, ихъ

составляющіе, до такой степени разнородны, что они могутъ оставаться въ союзѣ только при условіи отказа каждаго изъ нихъ отъ рѣшительныхъ дѣйствій въ его особомъ направленіи. Только при странномъ непониманіи сущности этихъ коалицій, которыя являются продуктами упадка парламентаризма и означаютъ его соціальное и политическое безсиліе, можно разсматривать участіе въ нихъ, какъ средство медленнаго, постепеннаго пріобрѣтенія политической власти пролетаріатомъ.

Но соціальная эволюція приводитъ не только къ распаденію крупныхъ, однородныхъ парламентскихъ партій на множество разнородныхъ, даже противоположныхъ фракцій, — она приводитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и къ тому, что парламентскія большинства оказываются очень часто болѣе реакціонными, болѣе враждебно настроенными по отношенію къ пролетаріату, нежели правительства. Хотя правительства и являются лишь приказчиками господствующихъ классовъ, однако они лучше своихъ хозяевъ знаютъ политическія и соціальныя отношенія въ ихъ совокупности, и хотя государственная бюрократія является лишь покорнымъ слугою правительства, но она живетъ всетаки своею особой жизнью, имѣетъ свои собственныя тенденціи, которыя оказываютъ въ свою очередь воздѣйствіе и на правительство. Бюрократія же рекрутируется изъ среды интеллигенціи, въ которой, какъ мы видѣли, пониманіе значенія пролетаріата, хотя и робко, но дѣлаетъ все большіе и большіе успѣхи.

Все это приводитъ къ тому, что нерѣдко правительства, при всей своей реакціонности и при всей своей враждѣ къ рабочимъ, не обнаруживаютъ на практикѣ такой дикой свирѣпости, какъ стоящіе за ними господствующіе классы съ ихъ хвостомъ изъ мелкой буржуазіи и крестьянства. Парламенты, служившіе прежде средствомъ толкать правительства впередъ по пути прогресса, все болѣе и болѣе становятся теперь средствомъ сводить на нѣтъ даже тѣ слабыя попытки реформъ, которыя, подъ давленіемъ обстоятельствъ, вынуждены дѣ-

латъ иногда правительства. По мѣрѣ того, какъ господствующіе нынѣ при помощи парламентаризма классы дѣлаются ненужными и даже вредными, утрачиваетъ свое значеніе и парламентская машина.

Если же, съ другой стороны, заботы о привлеченіи на свою сторону массъ избирателей-пролетаріевъ и побуждаютъ иногда тотъ или другой парламентъ поиграть въ рабочелюбіе и демократію, постараться перещеголять въ этомъ отношеніи правительство, то это послѣднее всегда находитъ достаточно средствъ обойтись и безъ парламента.

Въ Соединенныхъ Штатахъ борьба противъ рабочихъ союзовъ ведется не столько парламентами, сколько судами. Въ Англіи теперешній походъ противъ рабочихъ союзовъ поднятъ рѣшеніями лордовъ, а не законодательствомъ зависящей отъ избирателей палаты общинъ. Что въ Германіи духъ похороненнаго законопроекта о „разрушительныхъ“ стремленіяхъ (Umsturzvorlage) началъ оживать въ судахъ, — это на своей шкурѣ испытали нѣмецкіе рабочіе!

Такимъ образомъ, свѣча горитъ съ обоихъ концовъ. Какъ господствующія партіи, такъ и правительство все болѣе и болѣе осуждаютъ парламентъ на безплодіе. Парламентаризмъ все болѣе и болѣе становится неспособнымъ проводить рѣшительную политику въ какомъ бы то ни было направленіи. Онъ все болѣе и болѣе дряхлѣетъ и можетъ возродиться къ новой жизни только тогда, когда его завоюетъ вмѣстѣ со всей государственной властью полный дѣвственныхъ силъ пролетаріатъ и заставитъ его служить своимъ цѣлямъ. Однимъ словомъ, парламентаризмъ, отнюдь не дѣлая революцію невозможною или хотя бы даже только ненужною, самъ, напротивъ того, нуждается въ революціи, чтобы снова стать жизнеспособнымъ.

Пусть не перетолковываютъ моихъ словъ въ томъ смыслѣ, будто я считаю демократію ненужною, будто я думаю, что кооперації, трэдъ-юніоны, проникновеніе соціаль-демократіи въ общинныя управленія и въ парламенты, борьба въ этихъ учрежденіяхъ за отдѣльныя

реформы, — что все это не имѣетъ никакой цѣны. Нѣтъ ничего ошибочнѣе подобнаго предположенія. Совсѣмъ напротивъ, все это имѣетъ огромное значеніе для пролетаріата, — будучи только совершенно негоднымъ въ качествѣ средства предотвратить революцію, т. е. завоеваніе политической власти пролетаріатомъ.

Демократія уже потому имѣетъ величайшее значеніе, что она дѣлаетъ возможными высшія формы революціонной борьбы. Революціонная борьба перестаетъ уже быть тѣмъ, чѣмъ она была въ 1789 или даже въ 1848 гг., — борьбою неорганизованныхъ массъ, безъ всякаго политическаго воспитанія, безъ всякаго знакомства съ относительной силой борющихся факторовъ, безъ глубокаго пониманія цѣлей борьбы и средствъ къ ихъ достиженію, — борьбою массъ, которыя могъ увлечь и сбить съ пути всякій слухъ, всякая случайность. Революціонная борьба становится борьбою организованныхъ, сознательныхъ массъ, подвигающихся впередъ настойчиво и обдуманно, — массъ, которыхъ не увлечетъ любой порывъ, которыхъ не доведетъ до взрыва любое безобразіе, но которыхъ за то и не обезкуражитъ никакая неудача.

Съ другой стороны, избирательная борьба даетъ возможность производить подсчетъ своимъ сторонникамъ и врагамъ, составлять ясное представленіе объ относительной силѣ классовъ и партій, объ ихъ развитіи и паденіи; она удерживаетъ, такимъ образомъ, отъ опрометчивыхъ шаговъ и предохраняетъ отъ пораженій; она даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность и противнику замѣтить шаткость нѣкоторыхъ изъ своихъ позицій и отказаться отъ нихъ добровольно, когда ихъ сохраненіе не составляетъ для него вопроса жизни. Борьба становится такимъ образомъ менѣе жестокой, уноситъ меньше жертвъ, оказывается въ меньшей степени зависящей отъ слѣпыхъ случайностей.

Но не надобно преуменьшать значенія и тѣхъ практическихъ завоеваній, которыя мы можемъ дѣлать благодаря демократіи, пользуясь даваемыми ею вольностями и правами. Завоеванія эти слишкомъ ничтожны

для того, чтоы ограничить господство капитализма и дать возможность ему незамѣтнымъ образомъ перерости въ соціализмъ. Но самая незначительная реформа, самая маленькая организація можетъ пріобрѣсть огромное значеніе для физическаго и духовнаго возрожденія пролетаріата: безъ нихъ, отданный на произволъ капитализма, постоянно угрожающаго ему обнищаніемъ и полнымъ паденіемъ, пролетаріатъ давно бы и дошелъ до такого состоянія. Затѣмъ, дѣятельность представителей рабочаго класса въ парламентахъ и работа пролетарскихъ организацій необходимы не только для предохраненія пролетаріата отъ обнищанія, а и для все большаго и большаго практическаго ознакомленія его съ задачами и средствами какъ государственнаго и мѣстнаго управленія, такъ и крупныхъ хозяйственныхъ предпріятій, — то есть для достиженія имъ такой степени духовной зрѣлости, чтобы онъ могъ впослѣдствіи замѣнить буржуазію въ качествѣ господствующаго класса.

Такимъ образомъ, демократія необходима, какъ средство подготовить пролетаріатъ къ соціальной революціи, но она не въ состояніи предотвратить этой революціи. Демократія для пролетаріата — то же, что воздухъ и свѣтъ для организма; безъ нея онъ не можетъ развернуть свои силы. Но изъ-за роста одного класса не надобно забывать объ одновременно совершающемся ростѣ другого, враждебнаго класса. Демократія отнюдь не задерживаетъ развитія капитала, и его организація, его политическое и экономическое могущество увеличиваются одновремено съ ростомъ силы пролетаріата. Растутъ потребительныя товарищества рабочихъ, но одновременно съ ними растетъ еще быстрѣе накопленіе капитала; растутъ рабочіе союзы, но одновременно съ ними растетъ еще быстрѣе концентрація капитала и организація его въ гигантскія монополіи. Растетъ (отмѣчаю еще одинъ пунктъ, на которомъ я здѣсь не останавливался) соціалистическая пресса, но вмѣстѣ съ нею растетъ безпартійная, безъидейная печать, разслабляющая и отравляющая широкіе круги народа. Уве-

личивается рабочая плата, но еще быстрѣе увеличивается масса прибыли. Растетъ число соціалистическихъ депутатовъ въ парламентахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе падаетъ значеніе и дѣятельность этихъ учрежденій, и въ то же самое время какъ парламентское большинство, такъ и правительства попадаютъ во все большую и большую зависимость отъ могущественной финансовой аристократіи.

Такъ развиваются наряду съ силами и средствами пролетаріата силы и средства капитала, и финаломъ этого развитія можетъ быть только великая рѣшительная борьба между тѣмъ и другимъ, — борьба, которая не можетъ окончиться, пока не одержитъ побѣды пролетаріатъ.

Ибо классъ капиталистовъ сталъ ненужнымъ, пролетаріатъ же сдѣлался, напротивъ, самымъ необходимымъ классомъ общества. Классъ капиталистовъ не можетъ уничтожить или истребить пролетаріата. Послѣ каждаго пораженія, пролетаріатъ необходимо долженъ подняться снова, — съ каждымъ разомъ еще болѣе грозный, чѣмъ прежде; а первой крупной побѣдой надъ капиталомъ, которая передастъ ему въ руки политическую власть, пролетаріатъ не можетъ воспользоваться ни для чего иного, кромѣ какъ для уничтоженія капиталистическихъ отношеній. Пока этого не произошло, до тѣхъ поръ не будетъ и не можетъ быть конца борьбѣ между тѣмъ и другимъ классомъ. „Соціальный миръ“ на почвѣ капиталистическаго способа производства есть утопія, которая выросла изъ очень реальныхъ потребностей интеллигенціи, но которая не имѣетъ подъ собой никакой реальной почвы въ дѣйствительности. Не меньшую утопію представляетъ собою и идея о „незамѣтномъ перерастаніи капитализма въ соціализмъ“. Мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія предполагать, что капитализмъ кончится иначе, чѣмъ онъ начался. Ни экономическое, ни политическое развитіе не даютъ никакихъ указаній на то, чтобы эра революцій, составляющая отличительную черту капиталистическаго способа производства, уже закончилась. Со-

ціальныя реформы и усиленіе пролетарскихъ организацій не могутъ предотвратить революцій, — онѣ могутъ въ лучшемъ случаѣ повести лишь къ тому, что классовая борьба противъ капитала превратится у болѣе развитыхъ слоевъ борющагося пролетаріата изъ борьбы за элементарныя условія существованія въ борьбу за власть.

---

7. Формы и оружіе соціальной революціи.

Но каковы же, спрашивается, будутъ формы, въ которыя отольется рѣшительная борьба между господствующими классами и пролетаріатомъ? Когда должны мы ожидать этой борьбы? Какимъ оружіемъ будетъ располагать для нея пролетаріатъ?

Трудно дать опредѣленные отвѣты на эти вопросы. Мы можемъ напередъ опредѣлить до извѣстной степени направленіе развитія, но не его формы, не его темпъ. При изслѣдованіи направленія развитія дѣло идетъ объ относительно простыхъ законахъ; тутъ можно оставить въ сторонѣ все подавляющее разнообразіе тѣхъ явленій, которыя мы не можемъ познать какъ явленія закономѣрныя, необходимыя, и которыя, поэтому, представляются для насъ случайными. Но именно эти послѣднія явленія и играютъ большую роль при опредѣленіи формъ и темпа движенія. Такъ, напримѣръ, во всѣхъ современныхъ культурныхъ странахъ направленіе капиталистическаго развитія въ теченіе послѣдняго столѣтія было одинаково, формы же и темпъ его въ каждой изъ нихъ были весьма различны. Географическія особенности, расовыя свойства, доброжелательство или недоброжелательство сосѣдей, благопріятная или неблагопріятная дѣятельность великихъ людей, — все это и еще многое другое оказывало свое вліяніе. Многіе изъ этихъ факторовъ вообще не удавалось никогда распознать заранѣе; но и тѣ изъ нихъ, которые могутъ быть познаны, воздѣйствуютъ въ такомъ множествѣ другъ на друга, что результатъ всегда

отличался крайней сложностью, и опредѣлить этотъ результатъ заранѣе, при данномъ состояніи знаній, оказывалось невозможнымъ Поэтому-то даже такіе люди, какъ Марксъ и Энгельсъ, далеко превосходившіе всѣхъ своихъ современниковъ и по основательному и всестороннему знакомству съ соціальными отношеніями нашихъ культурныхъ странъ и по цѣлостному и плодотворному методу изслѣдованія, — съ одной стороны могли на многія десятилѣтія впередъ опредѣлить направленіе экономическаго развитія съ такой вѣрностью, что ихъ выводы получили блестящее подтвержденіе въ ходѣ событій, а, съ другой стороны, могли иногда впадать въ значительныя ошибки относительно темпа и формъ развитія въ теченіе ближайшихъ мѣсяцевъ.

Я думаю, только одно можно теперь съ увѣренностью сказать относительно грядущей революціи: она будетъ совсѣмъ не похожа на прежнія революціи. Одна изъ величайшихъ ошибокъ, въ которую часто впадаютъ и революціонеры и ихъ противники, это представлять себѣ грядущую революцію по образцу прежнихъ революцій; а такъ какъ нѣтъ ничего легче, какъ показать, что такого рода революціи уже невозможны, то отсюда само собою напрашивается выводъ, что понятіе соціальной революціи надо будто бы вообще признать устарѣвшимъ. Въ первый разъ во всемірной исторіи предстоитъ намъ революціонная борьба, при которой могутъ быть использованы демократическія формы, борьба организацій, образовавшихся на основѣ демократическихъ вольностей, противъ силъ, какихъ еще не видывалъ міръ, и прежде всего противъ предпринимательскихъ союзовъ, предъ которыми преклоняются даже монархи, и могущество которыхъ еще укрѣпляютъ бюрократія и армія, эти выработанныя абсолютизмомъ орудія силы современнаго крупнаго государства.

Далѣе, одна изъ особенностей теперешняго положенія дѣлъ заключается, какъ упомянуто выше, въ томъ, что въ настоящее время самое упорное сопротивленіе мы встрѣчаемъ обыкновенно уже не со стороны правительствъ. При абсолютизмѣ, противъ котораго напра-

влены были прежнія революціи, правительство подавляло все и вся; классовыя противоположности не могли развернуться открыто; правительство препятствовало свободно защищать свои интересы не только эксплуатируемымъ классамъ, но и эксплуатирующимъ. На сторонѣ правительства стояла лишь одна часть эксплуатирующихъ классовъ; другая же, очень значительная, часть эксплуататоровъ, въ особенности промышленныхъ капиталистовъ, находилась въ лагерѣ оппозиціи, точно такъ же, какъ вся совокупность трудящихся классовъ,— не только пролетаріатъ, но и мелкая буржуазія и крестьянство, за исключеніемъ нѣкоторыхъ отсталыхъ мѣстностей. Такимъ образомъ, правительство стояло изолированно среди народа, не имѣло поддержки въ широкихъ слояхъ населенія и было само главной силой, угнетавшей и грабившей народъ. Чтобы свергнуть такое правительство, достаточно бывало, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, внезапнаго государственнаго переворота.

При демократіи свободнѣе развивать свои организаціи могутъ не только эксплуатируемые, но и эксплуатирующіе классы; и они по необходимости должны это дѣлать, чтобы защищаться противъ своихъ растущихъ враговъ. Не только сила эксплуатируемыхъ классовъ, но и силы эксплуатирующихъ — значительнѣе, чѣмъ при абсолютизмѣ; они пользуются находящимися въ ихъ распоряженіи средствами борьбы болѣе безпощадно и болѣе свирѣпо, нежели само правительство, которое стоитъ уже теперь не надъ ними, а подъ ними.

Революціоннымъ слоямъ населенія приходится, слѣдовательно, имѣть дѣло уже не съ однимъ только правительствомъ, а и съ могущественными организаціями эксплуататоровъ. И эти революціонные слои не являются, какъ было при прежнихъ революціяхъ, представителями огромнаго большинства народа противъ горсти эксплуататоровъ, — они являются теперь, въ сущности, представителями лишь одного класса, именно пролетаріата, противъ котораго стоятъ не только всѣ экс-

плуатирующіе классы, но и большинство мелкихъ буржуа и крестьянъ, и большая часть интеллигенціи.

Только частичка интеллигенціи, и тѣ изъ мелкихъ крестьянъ и мелкихъ буржуа, которые фактически являются наемными рабочими или же всецѣло зависятъ отъ покупателей изъ рабочихъ, — пристаютъ къ пролетаріату. Но это — союзники подчасъ очень ненадежные (unsichere Kantonisten), всѣ они съ трудомъ поддаются организаціи, этому главному источнику силы и орудію силы пролетаріата.

Если, такимъ образомъ, прежнія революціи были возмущеніями народныхъ массъ противъ правительства, то грядущая революція,—исключая, быть можетъ, Россію, — должна бы носить характеръ скорѣе борьбы одной части народа противъ другой; въ этомъ, но и только въ этомъ, она должна бы меньше подходить къ типу французской революціи и больше къ типу реформаціи. Я сказалъ бы даже, пожалуй, что грядущая резолюція будетъ въ меньшей степени походить на внезапное возмущеніе противъ властей и въ большей степени на продолжительную гражданскую войну, — если бы съ этимъ послѣднимъ словомъ не соединялось представленія о настоящихъ войнахъ и побоищахъ. Мы не имѣемъ никакихъ основаній предполагать, чтобы вооруженныя возстанія, битвы на баррикадахъ и тому подобные военные эпизоды могли еще и теперь играть рѣшающую роль, — доказательства этого положенія приводились уже такъ часто, что мнѣ нѣтъ надобности еще останавливаться на нихъ. Для ниспроверженія милитаризма нельзя уже разсчитывать на то, чтобы войско было побѣждено возставшимъ народомъ; надо, чтобы само войско оказалось ненадежнымъ.

Столь же мало, какъ и отъ вооруженныхъ возстаній, можемъ мы ожидать крушенія существующаго строя и отъ финансовыхъ затрудненій. Въ этомъ отношеніи нынѣшнее положеніе дѣлъ тоже совсѣмъ уже не то, что было въ 1789 и 1848 гг. Въ то время капитализмъ былъ еще слабъ, накопленіе капитала незначи-

тельно, капиталовъ было мало и ихъ трудно было доставать. Вдобавокъ, капиталъ относился къ абсолютизму отчасти враждебно, отчасти же, по меньшей мѣрѣ, недовѣрчиво, — ибо правительства еще не зависѣли тогда отъ капитала, въ особенности отъ промышленнаго капитала, и иногда даже (хотя въ большинствѣ случаевъ и невольно) сильно стѣсняли его развитіе. Благодаря разлагающемуся феодализму всѣ источники богатства страны отказывались дѣйствовать, такъ что правительства все меньше и меньше могли выколачивать денегъ изъ народа, все чаще и чаще вынуждены бывали прибѣгать къ займамъ. Это должно было вести къ финансовому краху или же къ необходимости дѣлать уступки передовымъ классамъ, причемъ какъ эти уступки, такъ и финансовый крахъ приводили къ крушенію политическаго строя.

Совсѣмъ не то мы видимъ теперь. Капитализмъ ведетъ не къ недопроизводству, какъ феодализмъ, а, наоборотъ, къ перепроизводству, — онъ задыхается отъ своей собственной тучности. Ощущается не недостатокъ въ капиталахъ, а избытокъ капиталовъ, — капиталы ищутъ выгоднаго помѣщенія, не отступая при этомъ даже передъ рискомъ. Правительства находятся въ полнѣйшей зависимости отъ класса капиталистовъ, и классъ капиталистовъ имѣетъ всѣ основанія охранять и поддерживать правительство. Увеличеніе государственныхъ долговъ можетъ, при такихъ обстоятельствахъ, дѣлаться факторомъ революціоннымъ лишь постольку, поскольку оно ведетъ къ усиленію налогового бремени, а слѣдовательно, и къ возмущенію низшихъ классовъ, но оно едва ли можетъ привести, — опять таки за исключеніемъ, быть можетъ, Россіи, — къ прямому финансовому краху или хотя бы только къ серьезнымъ финансовымъ затрудненіямъ для правительства. Ожидать революціи отъ финансовыхъ затрудненій столь же мало основаній, какъ и отъ вооруженнаго возстанія.

Специфически свойственнымъ пролетаріату средствомъ давленія и борьбы является организованный отказъ отъ работы, — стачка. Чѣмъ больше развивает-

ся капиталистическій способъ производства и чѣмъ больше концентрируется капиталъ, тѣмъ болѣе гигантскіе размѣры принимаютъ стачки. И чѣмъ больше капиталистическій способъ производства вытѣсняетъ мелкобуржуазное хозяйство, тѣмъ болѣе зависнетъ все общество отъ безостановочнаго хода капиталистическаго производства, тѣмъ скорѣе становится общенароднымъ бѣдствіемъ, пріобрѣтаетъ значеніе политическаго событія всякая серьезная пертурбація въ производствѣ, какую вызываетъ забастовка большихъ массъ рабочихъ. Поэтому, на извѣстной высотѣ экономическаго развитія естественно возникаетъ мысль — воспользоваться стачкой и какъ средствомъ политической борьбы. Такую роль стачка не разъ уже играла во Франціи и Бельгіи, и примѣненіе этого средства оказывалось иногда вполнѣ успѣшнымъ. По моему мнѣнію, въ великой революціонной борьбѣ будущаго стачкѣ суждено играть большую роль.

Такого мнѣнія я держусь уже съ давнихъ поръ. Уже въ своихъ статьяхъ о новой программѣ германской соціальдемократической партіи 1891 г. („Neue Zeit“ 1890-91, №.50, стр. 757) я указывалъ на возможность того, что „при извѣстныхъ условіяхъ, когда наступаетъ рѣшительный моментъ, когда рабочія массы сильнѣйшимъ образомъ возбуждены грандіозными событіями, массовыя забастовки могутъ привести къ крупнымъ политическимъ результатамъ“.

Говоря это, я совсѣмъ, конечно, не думаю защищать идею всеобщей стачки въ томъ смыслѣ, въ какомъ говорятъ о ней анархисты и французскіе трэдъюніонисты. По ихъ мнѣнію, всеобщая стачка должна замѣнить собою политическую, и въ особенности парламентскую, дѣятельность пролетаріата и сдѣлаться средствомъ ниспровергнуть существующій общественный строй съ одного маху.

Это — абсурдъ. Всеобщая стачка въ смыслѣ прекращенія работы всѣми рабочими страны по данному сигналу, предполагаетъ съ ихъ стороны такое единодушіе и такую организованность, которыхъ едва ли когда

можно будетъ достигнуть въ современномъ обществѣ. А если бы удалось достигнуть такого единодушія и такой организованности, то это была бы такая непобѣдимая сила, что рабочимъ не зачѣмъ было бы и прибѣгать къ всеобщей стачкѣ. Далѣе, подобная стачка разомъ сдѣлала бы невозможнымъ не только существованіе теперешняго общества, но и существованіе людей вообще, и притомъ существованіе пролетаріевъ еще скорѣе, чѣмъ существованіе капиталистовъ, — слѣдовательно, она неминуемо потерпѣла бы крахъ въ тотъ самый моментъ, какъ только она начала бы оказывать свое революціонное дѣйствіе.

Стачка, какъ средство политической борьбы едва ли когда либо приметъ форму забастовки всѣхъ рабочихъ страны, и ужъ навѣрное не дойдетъ до этого въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Задача такой стачки никоимъ образомъ не можетъ состоять въ томъ, чтобы замѣнить всѣ остальныя средства политической борьбы пролетаріата, а только въ томъ, чтобы дополнить и усилить ихъ. Приближаются времена, когда изолированная, неполитическая стачка будетъ столь же безнадежна противъ подавляющей силы союзовъ предпринимателей, какъ и изолированная парламентская дѣятельность рабочихъ партій противъ гнета зависящей отъ капиталистовъ государственной власти. Все болѣе и болѣе будетъ необходимо, чтобы оба эти средства борьбы дополняли другъ друга и изъ ихъ совмѣстнаго дѣйствія почерпались новыя силы.

Со всякимъ новымъ оружіемъ нужно еще научиться обращаться, и политическою стачкой точно также надо сперва научиться пользоваться. Она не только не представляетъ собой панацеи отъ всѣхъ золъ, какъ трезвонятъ о ней анархисты, но, вопреки ихъ мнѣнію, она не является и средствомъ, достигающимъ цѣли при всякихъ обстоятельствахъ. Здѣсь не мѣсто вдаваться въ изслѣдованіе условій, при которыхъ примѣнима политическая стачка; только по поводу недавнихъ событій въ Бельгіи хотѣлось бы мнѣ сдѣлать одно замѣчаніе. Они показали, до какой степени властно тре-

буетъ политическая стачка своего собственнаго метода, не соединимаго по произволу съ другими методами, вродѣ, напримѣръ, метода союзовъ съ либералами. Я не отвергаю подобныхъ союзовъ при всѣхъ и всякихъ обстоятельствахъ. Было бы глупо съ нашей стороны, если бы мы не стали пользоваться несогласіями и расколами среди нашихъ противниковъ. Но не надобно ожидать отъ либераловъ большаго, чѣмъ они въ состояніи дать. Въ области парламентской борьбы за то или иное мѣропріятіе, противоположность между либералами и другими буржуазными противниками пролетаріа а можетъ иногда быть больше, нежели противоположность между либералами и соціалистами. Въ подобныхъ случаяхъ можетъ быть вполнѣ умѣстнымъ идти съ ними рука объ руку. Но внѣпарламентской борьбы за требованія революціоннаго характера нельзя вести при помощи либераловъ. Подкрѣплять силы пролетаріата въ подобнаго рода борьбѣ посредствомъ союза съ либералами, — значитъ притуплять одно изъ оружій, которыми борешься, другимъ. Политическая стачка есть чисто пролетарское средство борьбы, примѣнимое лишь въ такой борьбѣ, которую пролетаріатъ ведетъ одинъ, то есть примѣнимое главнымъ образомъ тогда, когда борьба ведется противъ всего буржуазнаго общества. Въ этомъ смыслѣ политическая стачка является, можетъ быть, самымъ революціоннымъ оружіемъ пролетаріата.

Наряду съ нимъ могутъ развиться еще другія средства и методы борьбы, о которыхъ мы теперь даже и не мечтаемъ. Разница между изученіемъ методовъ и органовъ соціальной борьбы и изученіемъ ея направленія состоитъ именно въ томъ, что послѣднее можетъ быть установлено теоретически заранѣе, тогда какъ первые вырабатываются практиками: теоретики лишь впослѣдствіи, заднимъ числомъ, наблюдаютъ ихъ и изслѣдуютъ ихъ значеніе для дальнѣйшаго развитія. Рабочіе союзы, стачки, акціонерныя общества, трэсты и. т. д. возникли на почвѣ практики, а не теоріи. Въ этой области намъ, можетъ быть, предстоитъ еще не мало сюрпризовъ.

Средствомъ, способнымъ ускорить политическое развитіе и передать политическую власть въ руки пролетаріата, можетъ быть и война. Война уже неоднократно оказывалась факторомъ въ высшей степени революціоннымъ. Бываютъ такія историческія положенія, когда революція необходима для дальнѣйшаго прогресса общества, но революціонные классы слишкомъ слабы, чтобы ниспровергнуть господствующія власти. Необходимость революціи не надобно представлять себѣ въ такомъ смыслѣ, что революціонные классы всегда вовремя достигаютъ и той силы, которая нужна для ея совершенія. Міръ устроенъ, къ сожалѣнію, не такъ-то цѣлесообразно. Бываютъ положенія, когда безусловно необходимо, чтобы господствующій классъ былъ замѣненъ другимъ классомъ, и всетаки первый продолжаетъ держать послѣдній въ угнетеніи. Если подобное состояніе продержится слишкомъ долго, то все общество приходитъ въ упадокъ и распадается. Но при такомъ положеніи дѣлъ очень часто война выполняетъ ту задачу, которая оказалась не по плечу революціонному классу. Совершаетъ она это двоякимъ путемъ. Во-первыхъ, войны нельзя вести безъ напряженія всѣхъ силъ народа. Если въ націи существуетъ глубокій разладъ, тогда война принуждаетъ господствующій классъ сдѣлать революціонному классу уступки, заинтересовать его въ государственныхъ дѣлахъ и такимъ образомъ дать ему власть, который онъ не получилъ бы безъ войны.

Далѣе, если господствующій классъ не способенъ на такую жертву, или если дѣлать уступки уже поздно, тогда война легко можетъ привести къ пораженію извнѣ, которое потомъ влечетъ за собою и крахъ внутри. Режимъ, главнѣйшей опорой котораго является армія, война ниспровергаетъ, разбивая армію.

Такимъ образомъ, война оказывалась нерѣдко хотя и звѣрски-грубымъ и разрушительнымъ, но тѣмъ не менѣе дѣйствительнымъ средствомъ прогресса при такихъ обстоятельствахъ, когда всѣ другія средства оказывались недѣйствительными.

Напримѣръ, нѣмецкая буржуазія была слишкомъ обезсилена перемѣщеніемъ экономическаго центра тяжести Европы на приморскія страны Атлантическаго океана и тридцатилѣтней войной съ ея послѣдствіями, — чтобы ниспровергнуть феодальный абсолютизмъ собственными силами. Она отдѣлалась отъ него благодаря наполеоновскимъ войнамъ, а потомъ войнамъ бисмарковской эры. Духовное завѣщаніе 1848 года было вообще выполнено войнами контръ-революціонныхъ силъ, какъ на это указывалось уже неоднократно.

Въ настоящее время мы переживаемъ такой же періодъ внутреннихъ и внѣшнихъ политическихъ осложненій, какъ и въ 50-хъ и въ 60-хъ годахъ. Горючаго матеріала опять накопилось масса. Все грандіознѣе становятся проблемы внутренней и внѣшней политики, ожидающія разрѣшенія; но ни одинъ изъ господствующихъ классовъ, ни одна изъ господствующихъ партій не осмѣливается приступить серьезно къ ихъ рѣшенію, такъ какъ рѣшеніе невозможно безъ глубокихъ потрясеній, а этого-то они и боятся, отлично зная, какъ огромны силы пролетаріата, которыя грозитъ высвободить изъ путъ всякое болѣе или менѣе глубокое потрясеніе.

Выше я указывалъ на застой во внутренней политической жизни, находящій себѣ самое яркое выраженіе въ прогрессирующемъ паденіи парламентаризма. Но рука объ руку съ этимъ застоемъ внутри, идетъ и застой въ иностранной политикѣ Европы. Боятся всякой энергичной политики, которая могла бы привести къ международному конфликту, — боятся не изъ этическаго убѣжденія во вредѣ войны, а изъ страха предъ революціей, которою могла бы окончиться война. Поэтому вся государственная мудрость нашихъ правителей, не только во внутреннихъ, но и во внѣшнихъ дѣлахъ, заключается въ томъ, чтобы откладывать въ дальній ящикъ всякій вопросъ, чтобы накоплять массу неразрѣшенныхъ проблемъ. Благодаря этому все еще продолжаетъ существовать цѣлый рядъ такихъ государствъ, которыя уже полвѣка тому назадъ осудило на смерть болѣе энергичное, революціонное поколѣніе, —

напримѣръ, Турція и Австрія; а съ другой стороны, по той же самой причинѣ у буржуазіи совершенно пропалъ интересъ къ независимому польскому національному государству.

Но всѣ эти очаги кризиса не потухли, они каждый разъ могутъ воспламениться вновь, подобно Лысой Горѣ (Mont Pelée) на Мартиникѣ, и вызвать опустошительныя войны. Само экономическое развитіе создаетъ новые очаги и новыя причины кризисовъ, новыя плоскости тренія и новые поводы къ военнымъ столкновеніямъ, ибо оно пробуждаетъ въ господствующихъ классахъ жадное стремленіе къ монополизированію рынковъ, къ захвату заокеанскихъ областей и выдвигаетъ на первый планъ вмѣсто мирно настроеннаго промышленнаго капиталиста склоннаго къ политикѣ насилій финансоваго туза.

Единственная гарантія мира заключается теперь въ страхѣ передъ революціоннымъ пролетаріатомъ. Событія покажутъ, долго ли этотъ страхъ въ состояніи будетъ перевѣшивать накопляющіеся поводы къ конфликтамъ. Принятомъ надо принять во вниманіе, что существуетъ цѣлый рядъ державъ, которымъ еще не приходится бояться самостоятельнаго, революціоннаго пролетаріата, и нѣкоторыя изъ нихъ находятся всецѣло подъ властью беззастѣнчивой и грубой клики финансовыхъ тузовъ. Державы эти, до сихъ поръ не игравшія важной роли въ международномъ концертѣ или отличавшіяся миролюбіемъ, все болѣе и болѣе начинаютъ выступать теперь въ роли международныхъ забіякъ (нарушителей мира). Таковы прежде всего Соединенные Штаты, потомъ Англія и Японія. Россія фигурировала прежде на первомъ планѣ въ числѣ международныхъ забіякъ; въ настоящій моментъ ея геройскій пролетаріатъ заставилъ ее присмирѣть до поры до времени. Но затѣмъ, кромѣ заносчивости ничѣмъ не сдерживаемаго внутри страны правительства, которому не приходится бояться никакого революціоннаго класса, стоящаго у него за спиной, войну можетъ вызвать и отчаяніе теряющаго подъ ногами почву правительства,

какъ это было въ 1870 году при Наполеонѣ III, и какъ это будетъ, можетъ быть, при Николаѣ II. Наибольшая опасность международному миру угрожаетъ теперь со стороны именно этихъ державъ, со стороны треній между ними, а не между, напримѣръ, Германіей и Франціей или Австріей и Италіей. Вообще намъ необходимо считаться съ возможностью войны въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, а, слѣдовательно, съ возможностью такихъ политическихъ потрясеній, которыя или прямо закончатся пролетарскими возстаніями, или, по крайней мѣрѣ, расчистятъ дорогу для таковыхъ.

Оговорюсь, во избѣжаніе недоразумѣній, что я разсуждаю въ этомъ вопросѣ какъ изслѣдователь, отнюдь не выступая съ пророчествами и еще менѣе — съ своими пожеланіями. Я изслѣдую, что можетъ быть, я не предсказываю, что будетъ, и уже совсѣмъ не призываю я здѣсь чего либо такого, что должно-бы быть. Если я говорю здѣсь о войнѣ, какъ о средствѣ, могущемъ вызвать революцію, то это отнюдь не значитъ, будто я желаю войны. Ужасы ея такъ велики, что развѣ только фанатики милитаризма могутъ найти въ себѣ настолько печальнаго мужества, чтобы хладнокровно требовать войны. Мало того, если бы даже революція была не средствомъ, ведущимъ къ опредѣленной цѣли, а конечной цѣлью, достиженіе которой желательно цѣною какихъ угодно, хотя бы и самыхъ кровавыхъ, жертвъ, — то и тогда нельзя было бы желать войны, какъ средство вызвать революцію. Дѣло въ томъ, что война является самымъ нераціональнымъ средствомъ для достиженія этой цѣли. Она приноситъ съ собою такія страшныя опустошенія, предъявляетъ такія огромныя требованія къ государству, что вытекающая изъ войны революція сильнѣйшимъ образомъ обременяется такими задачами, которыя ей не свойственны и которыя поглощаютъ на время почти всѣ ея средства и силы. Кромѣ того, революція, являющаяся результатомъ войны, служитъ признакомъ слабости революціоннаго класса, а нерѣдко и причиною дальнѣйшаго обезсиленія его, обезсиленія какъ вслѣдствіе тѣхъ жертвъ, которыми она

сопровождается, такъ и вслѣдствіе той моральной и интеллектуальной деградаціи, которая въ большинствѣ случаевъ слѣдуетъ за войною. Получается, слѣдовательно, громадное увеличеніе задачъ революціоннаго режима и одновременно съ тѣмъ ослабленіе его силъ. Оттого-то революція, вызванная войною, скорѣе терпитъ крушеніе, или утрачиваетъ преждевременно свою жизненную энергію. Посмотрите, какъ рѣзко отличается буржуазная революція во Франціи, гдѣ она была послѣдствіемъ возстанія народа, отъ буржуазной революціи въ Германіи, гдѣ она была, такъ сказать, ввезена въ страну рядомъ войнъ! А изъ возстанія парижскаго пролетаріата пролетарское дѣло извлекло бы несравненно больше пользы, если бы это возстаніе не было вызвано преждевременной войною 1870—71 гг., а произошло бы позднѣе, въ такой моментъ, когда парижане получили бы достаточно силы, чтобы и безъ войны выгнать вонъ Луи Наполеона съ его бандой. Итакъ, мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія желать, чтобы наше движеніе впередъ было искусственно ускорено войною.

Но не въ нашихъ желаніяхъ дѣло. Правда, люди сами дѣлаютъ свою исторію, но они не выбираютъ по своему усмотрѣнію ни тѣхъ задачъ, которыя имъ приходится разрѣшать, ни условій, среди которыхъ они живутъ, ни средствъ, съ помощью которыхъ они разрѣшаютъ эти задачи. Если бы все зависѣло отъ нашихъ желаній, — кто изъ насъ не отдалъ бы предпочтенія мирному пути передъ насильственнымъ, который, быть можетъ, окажется не по плечу нашимъ личнымъ силамъ, который, быть можетъ, даже поглотитъ насъ. Но наша задача — не высказывать благочестивыя пожеланія, не требовать отъ міра, чтобы онъ подчинялся имъ, а познавать данныя задачи, обстоятельства и средства для того, чтобы раціонально пользоваться послѣднимп для разрѣшенія первыхъ.

Изслѣдованіе фактовъ — вотъ основа раціональной политики. Если я держусь убѣжденія, что мы идемъ навстрѣчу революціонной эпохѣ, о моментѣ наступленія которой ничего, разумѣется, сказать нельзя, то къ

этому убѣжденію я пришелъ путемъ изслѣдованія фактическихъ условій, а не на основаніи своихъ желаній. Я ничего такъ сильно не желаю, какъ чтобы я оказался неправымъ, чтобы оказались правыми тѣ, кто полагаетъ, что самыя главныя трудности эпохи перехода отъ капитализма къ соціализму лежатъ уже позади насъ, что мы уже пріобрѣли теперь всѣ существенныя основанія для мирнаго перехода къ соціализму. Къ сожалѣнію, я не вижу никакой возможности принять этотъ взглядъ. Самое великое и самое трудное — борьба за политическую власть—еще предстоитъ намъ; и рѣшеніе будетъ дано только долгой и упорной борьбой, которая потребуетъ отъ насъ самаго крайняго напряженія всѣхъ нашихъ силъ.

Нельзя причинить пролетаріату большаго зла, какъ совѣтуя ему теперь уже начать разоружаться, чтобы помочь буржуазіи, якобы идущей навстрѣчу его желаніямъ. При теперешнемъ положеніи дѣлъ это значитъ ни больше, ни меньше какъ выдать пролетаріатъ съ головою буржуазіи, поставить его въ духовную и политическую зависимость отъ нея, обезсилить и унизить его, сдѣлать его неспособнымъ разрѣшить великія историческія задачи, стоящія предъ нимъ.

Что это не преувеличеніе, — доказательствомъ тому служитъ судьба англійскаго пролетаріата. Нигдѣ пролетаріатъ не отличается такой многочисленностью, нигдѣ его экономическія ор анизаціи не достигли такого высокаго развитія, нигдѣ не пользуется онъ такой широкой политической свободою, какъ въ Англіи, — и въ то же время нигдѣ пролетаріатъ не страдаетъ такимъ политическимъ безсиліемъ. Англійскій пролетаріатъ не только утратилъ всякую самостоятельность въ сферѣ высшей политики, — онъ не умѣетъ теперь даже отстаивать свои „ближайшіе интересы.

Сошлемся здѣсь опять на не разъ уже цитированную статью супруговъ Вэббъ, — писателей, которыхъ никому не придетъ въ голову заподозрить въ революціонаризмѣ. „Въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ,—этого періода промышленнаго подъема“,—читаемъ мы въ на-

званной статьѣ, — „участіе англійскаго рабочаго въ „рабочей политикѣ“ постепенно уменьшалось. Законъ о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ и конструктивный*) соціализмъ во вкусѣ фабіанскаго общества, которыми такъ ревностно занимались рабочіе союзы въ періодъ времени съ 1890 по 1893 гг., перестали мало по малу интересовать ихъ. Число рабочихъ депутатовъ въ Палатѣ Общинъ не увеличилось.“

Даже тѣ гнусные удары, съ которыми въ самое послѣднее время обрушились на англійскій пролетаріатъ его враги, не могутъ встряхнуть его. Онъ безмолвствуетъ, когда насильственно разрушаютъ его трэдъ-юніоны, когда удорожаютъ его хлѣбъ. Въ качествѣ политическаго фактора, англійскіе рабочіе стоятъ теперь ниже, чѣмъ рабочіе экономически самаго отсталаго, политически самаго несвободнаго изъ европейскихъ государствъ — Россіи. Живое революціонное сознаніе, — вотъ что даетъ послѣднимъ ихъ великую практическую силу; отреченіе отъ революціи, нежеланіе идти дальше интересовъ минуты, такъ называемая „реальная политика“, — вотъ что дѣлаетъ первыхъ пулемъ въ дѣйствительной политикѣ.

Но кромѣ утраты политической силы эта „реальная политика“ ведетъ за собой моральную и интеллектуальную деградацію.

Я говорилъ выше о моральномъ возрожденіи пролетаріевъ, которые изъ варваровъ современнаго общества сдѣлались самымъ крупнымъ факторомъ поддержанія и дальнѣйшаго развитія нашей культуры. Но пролетаріи поднялись такъ высоко только тамъ, гдѣ они продолжали оставаться въ самомъ рѣзкомъ антагонизмѣ съ буржуазіей, гдѣ стремленіе къ завоеванію политической власти поддерживало въ нихъ живое сознаніе того, что они призваны поднять на высшую сту-

*) Конструктивный — буквально: строительный, созидательный. Подъ конструктивнымъ соціализмомъ разумѣются тѣ мелкія соціальныя реформы, изъ которыхъ медленно, постепенно и самъ собою долженъ создаться соціализмъ, по мнѣнію фабіанцевъ.
Прим. переводчика.

пень вмѣстѣ съ собою и все общество. И тутъ Англія опять показываетъ намъ, къ чему приходитъ тотъ рабочій классъ, который отрекается отъ революціи и занимается лишь „реальной политикой“, который плюетъ на свои идеалы и отвергаетъ всякую цѣль борьбы, не отливающуюся въ форму фунтовъ и шиллинговъ. Даже изъ буржуазныхъ устъ слышатся жалобы на моральный и духовный упадокъ высшихъ слоевъ англійскаго рабочаго класса, раздѣляющихъ въ этомъ отношеніи судьбу буржуазіи. Эти рабочіе теперь представляютъ изъ себя, пожалуй, не что иное, какъ маленькихъ буржуа, которые отъ другихъ буржуа отличаются лишь нѣсколько большей некультурностью, и высшій идеалъ которыхъ заключается въ томъ, чтобы по обезьяньи передразнивать своихъ господъ, перенимать ихъ лицемѣрную респектабельность, ихъ преклоненіе передъ богатствомъ, какъ бы ни было нажито это послѣднее, ихъ пошлое времяпрепровожденіе. Эмансипація рабочаго класса кажется имъ глупой мечтой; а вотъ игра въ мячъ, боксъ, скачки, пари занимаютъ ихъ больше всего на свѣтѣ, поглощаютъ все ихъ свободное время, всѣ силы души, всѣ матеріальныя средства.

Напрасно стараются посредствомъ моральныхъ проповѣдей внушить англійскимъ рабочимъ болѣе высокое жизнепониманіе и возбудить въ нихъ интересъ къ болѣе благороднымъ стремленіямъ. Этика пролетаріата проистекаетъ изъ его революціоннаго рвенія, изъ него почерпаетъ пролетаріатъ свою мощь, имъ онъ облагораживается. Идея революціи, — вотъ что вызвало тотъ изумительный подъемъ пролетаріата изъ его глубочайшаго приниженія, который представляетъ собой самый грандіозный результатъ второй половины XIX вѣка.

Этотъ революціонный идеализмъ мы и должны прежде всего сохранить; а тогда — пусть будетъ, что будетъ, — мы сумѣемъ перенести самыя суровыя испытанія, выполнить самую трудную работу и оказаться на высотѣ великихъ историческихъ задачъ, ожидающихъ отъ насъ разрѣшенія.

II.

НА ДРУГОЙ ДЕНЬ ПОСЛѢ СОЦІАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

1. Опредѣленіе задачи.

Прежде чѣмъ обратиться къ самому предмету моего изложенія, я долженъ предварительно снять съ себя тяжкое подозрѣніе, которое можетъ возникнуть у многихъ при видѣ заглавія моей работы: „На другой день послѣ соціальной революціи!“ Не доказываетъ ли это, что мы, „ортодоксальные“ марксисты, — въ сущности, лишь переодѣтые бланкисты, которые полагаютъ, что въ одинъ прекрасный день они смогутъ сразу захватить въ свои руки соціальную диктатуру? И не возвращаюсь ли я къ старому утопическому взгляду на вещи, когда начинаю въ настоящее время сочинять правила для такого момента, о которомъ намъ неизвѣстно, когда и при какихъ условіяхъ онъ наступитъ?

Если бы заглавіе настоящей брошюры имѣло дѣйствительно такой смыслъ, тогда, разумѣется, у читателя были бы вѣскія основанія приступать къ ней съ величайшимъ недовѣріемъ. Спѣшу, поэтому, замѣтить, что революцію я разсматриваю, какъ историческій процессъ, который можетъ длиться болѣе или менѣе продолжительное время, и тяжелая борьба можетъ растянуться на цѣлые десятки лѣтъ. Съ другой стороны, я убѣжденъ въ томъ, что не наше дѣло — ломать себѣ голову надъ рецептами для кухмистерской будущаго. Чтобы показать, до какой степени я проникнутъ этимъ убѣжденіемъ, приведу одинъ примѣръ.

Когда германская соціальдемократія обсуждала болѣе десяти лѣтъ тому назадъ новую партійную программу, было предложено внести въ нее требованіе такихъ мѣропріятій, которыя должны послужить средствомъ для перехода отъ капиталистическаго способа производства къ соціалистическому. Тогда я былъ въ числѣ тѣхъ, которые выступили противъ внесенія въ

программу подобныхъ требованій, такъ какъ я считалъ неправильнымъ предписывать партіи уже теперь опредѣленный образъ дѣйствій на случай такого событія, котораго мы себѣ не представляемъ, лишь смутно предчувствуя его, и которое будетъ заключать въ себѣ очень много неожиданнаго для насъ.

Но совсѣмъ иначе отношусь я къ попыткамъ логически развить послѣдствія нашихъ стремленій и изслѣдовать тѣ проблемы, которыя должны выдвинуться предъ нами послѣ завоеванія политической власти пролетаріатомъ. Я смотрю на это какъ на полезную работу мысли, способствующую выработкѣ болѣе ясныхъ и устойчивыхъ политическихъ взглядовъ. Такая работа имѣетъ значеніе и съ точки зрѣнія пропаганды, такъ какъ, съ одной стороны, наши противники утверждаютъ, что наша побѣда поставила бы насъ лицомъ къ лицу съ неразрѣшимыми задачами, а съ другой стороны, и въ рядахъ нашей собственной партіи нашлись люди, которые изображаютъ въ самомъ мрачномъ видѣ послѣдствія нашей побѣды: день побѣды, говорятъ они, будетъ для насъ вмѣстѣ съ тѣмъ и днемъ пораженія. Весьма важно поэтому разсмотрѣть, вѣрно ли это и въ какой степени вѣрно.

Однако, для того, чтобы при такой отвлеченной работѣ придти къ опредѣленнымъ результатамъ, а не потеряться въ безбрежномъ морѣ фантазій, необходимо изслѣдовать выдвигающіяся проблемы въ простѣйшей ихъ формѣ, въ какой онѣ никогда не предстанутъ предъ нами въ дѣйствительности, и оставить въ сторонѣ всѣ осложняющія дѣло обстоятельства. Къ такому пріему постоянно прибѣгаютъ въ наукѣ, отнюдь не забывая при этомъ, что въ дѣйствительности дѣло обстоитъ не такъ просто и идетъ не такъ гладко, какъ въ абстракціи. Я сказалъ уже, что соціальная революція есть процессъ, тянущійся цѣлые годы; но если мы хотимъ представить ее въ простѣйшемъ видѣ, то мы должны исходить изъ предположенія, что въ одинъ прекрасный день въ руки пролетаріата перейдетъ сразу вся политическая власть безъ всякаго ограниченія, и что при поль-

зованіи ею пролетаріатъ будетъ руководиться единственно своими классовыми интересами и примѣнять ее самымъ раціональнымъ образомъ. Первое предположеніе, навѣрное, никогда не осуществится; послѣднее — также не во всѣхъ случаяхъ безъ исключенія. Для этого самъ пролетаріатъ не отличается достаточной сплоченностью, не представляетъ изъ себя въ достаточной степени однородной массы. Пролетаріатъ распадается, какъ извѣстно, на различные слои, — различные по ходу ихъ развитія, по ихъ традиціямъ, по степени ихъ духовнаго и экономическаго развитія. Весьма вѣроятно также, что вмѣстѣ съ пролетаріатомъ у власти окажутся еще другіе слои общества, близко къ нему стоящіе въ соціальномъ отношеніи, — извѣстныя части мелкой буржуазіи или мелкаго крестьянства, міросозерцаніе которыхъ не совпадаетъ вполнѣ съ пролетарскимъ міросозерцаніемъ; въ результатѣ этого могутъ получиться самыя разнообразныя тренія и отклоненія отъ правильнаго пути; мы не всегда будемъ въ состояніи сдѣлать то, чего бы мы хотѣли, и не всегда будемъ хотѣть того, чего бы намъ слѣдовало хотѣть. Всѣ такого рода моменты, нарушающіе правильный ходъ процесса, намъ необходимо здѣсь оставить въ сторонѣ.

Далѣе, и при изслѣдованіи процесса въ простѣйшей его формѣ мы должны исходить лишь изъ того, что намъ уже извѣстно; мы не можемъ брать за основу картину тѣхъ порядковъ, которые должны, по нашему мнѣнію, развиться въ будущемъ, потому что это завлекло бы насъ въ область безпочвенныхъ фантазій. Но въ то же время очевидно само собой, что мы не достигнемъ господства при теперешнихъ порядкахъ. Революція сама предполагаетъ продолжительную и глубокозахватывающую борьбу, которая успѣетъ уже измѣнить нашу теперешнюю политическую и соціальную структуру. Слѣдовательно, послѣ завоеванія политической власти пролетаріатомъ выдвинутся такія проблемы, о которыхъ мы теперь не имѣемъ никакого представленія, а, съ другой стороны, многое изъ того, что занимаетъ насъ теперь, будетъ разрѣшено еще до того времени. Но вмѣстѣ съ

тѣмъ явятся и такія средства для разрѣшенія различныхъ проблемъ, о которыхъ мы не имѣемъ теперь еще никакого понятія.

Какъ физикъ изслѣдуетъ законы паденія въ безвоздушномъ пространствѣ, а не въ движущемся воздухѣ, такъ и мы изслѣдуемъ здѣсь положеніе пролетаріата послѣ его побѣды,—предполагая такія условія, которыя никогда не осуществятся въ чистомъ видѣ, а именно: что пролетаріатъ завтра же сразу достигнетъ безраздѣльнаго господства, и что для осуществленія своихъ задачъ онъ будетъ располагать лишь тѣми средствами, какія существуютъ нынѣ. Такое изслѣдованіе можетъ, насъ привести къ результатамъ, которые будутъ отличаться отъ дѣйствительнаго хода дѣлъ въ будущемъ такъ же, какъ законы паденія отличаются отъ дѣйствительнаго паденія разныхъ тѣлъ. Но, несмотря на эти отклоненія, законы паденія существуютъ въ дѣйствительности и управляютъ паденіемъ каждаго отдѣльнаго тѣла, такъ что понять это паденіе можно только понявши эти законы.

Равнымъ образомъ, для побѣдоноснаго пролетаріата дѣйствительно существуютъ тѣ препятствія и тѣ виды на будущее, которые мы открываемъ своимъ изслѣдованіемъ (конечно, при условіи, что это послѣднее будетъ вестись методологически правильно); и эти обстоятельства будутъ играть рѣшающую роль въ борьбѣ, предшествующей соціальной революціи, и въ борьбѣ, составляющей таковую, — хотя бы въ дѣйствительности дѣло и получило нѣсколько иной видъ, чѣмъ предполагаемый нами. Только такимъ путемъ и можно вообще придти къ какимъ-либо опредѣленнымъ научнымъ выводамъ относительно видовъ на успѣхъ соціальной революціи. Кому этотъ способъ изслѣдованія кажется все-таки еще не настолько надежнымъ, чтобы можно было отваживаться на предсказанія, тотъ долженъ молчать, когда рѣчь заходитъ о соціальной революціи, и просто заявить: кто доживетъ, тотъ увидитъ, какъ дѣло дѣлается; это ужъ, конечно, всего надежнѣе.

Только такія проблемы соціальной революціи и до-

пускаютъ обсужденіе, которыя могутъ быть выяснены указаннымъ мною путемъ. Обо всѣхъ другихъ нельзя сказать ничего опредѣленнаго ни за, ни противъ.

---

2. Экспропріація экспропріаторовъ.

Итакъ, предположимъ, что въ одинъ прекрасный день пролетаріатъ разомъ получаетъ всю власть въ свои руки. Что станетъ онъ съ нею дѣлать? — я говорю не о томъ, что онъ *захочетъ* дѣлать на основаніи той или иной теоріи, подъ вліяніемъ того или иного настроенія, а о томъ, что онъ *вынужденъ* будетъ дѣлать, побуждаемый своими классовыми интересами и подъ давленіемъ экономической необходимости.

Прежде всего разумѣется само собой, что пролетаріатъ наверстаетъ то, чего не додѣлала буржуазія. Онъ смететъ съ лица земли всѣ остатки феодализма и осуществитъ демократическую программу, которую защищала нѣкогда и буржуазія. Въ качествѣ низшаго изъ всѣхъ классовъ пролетаріатъ является и самымъ демократическимъ изъ всѣхъ классовъ. Онъ введетъ всеобщее избирательное право при выборахъ во всѣ учрежденія, обезпечитъ полную свободу печати и союзовъ; онъ сдѣлаетъ государство независимымъ отъ церкви, онъ уничтожитъ всѣ наслѣдственныя привилегіи. Онъ дастъ каждой отдѣльной общинѣ полное самоуправленіе и устранитъ милитаризмъ. Послѣднее можетъ быть совершено двоякимъ путемъ: посредствомъ *вооруженія народа* и посредствомъ *разоруженія*. Вооруженіе народа есть требованіе политическое, разоруженіе — требованіе финансовое. Вооруженіе народа можетъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ стоить столько же, сколько и постоянная армія, но оно необходимо для упроченія демократіи, для того, чтобы отнять у правительства важнѣйшее изъ его орудій насилія, направленныхъ противъ народа. Разоруженіе имѣетъ цѣлью прежде всего сократить военный бюджетъ. Оно можетъ быть произведено такимъ образомъ, что сила правительства еще болѣе увеличится, — именно: если армія, ор-

ганизованная по системѣ всеобщей воинской повинности, будетъ замѣнена войскомъ изъ безпринципныхъ босяковъ (Lumpenproletarier), которые за деньги пойдутъ на что угодно. Пролетарскій режимъ по необходимости будетъ стремиться къ сочетанію обѣихъ этихъ мѣръ, онъ постарается вооружить народъ и въ то же время положить конецъ росту вооруженій, выражающемуся въ изготовленіи новыхъ ружей, пушекъ, въ постройкѣ новыхъ броненосцевъ и крѣпостей.

Само собой понятно, что пролетаріатъ подвергнетъ коренному преобразованію и налоговую систему. Онъ постарается отмѣнить всѣ налоги, обременяющіе нынѣ рабочій народъ, т. е. прежде всего косвенные налоги, ведущіе къ повышенію цѣнъ на съѣстные припасы, и взамѣнъ того привлечь къ несенію государственныхъ расходовъ главнымъ образомъ крупные доходы и крупныя состоянія, посредствомъ введенія прогрессивнаго подоходнаго или поимущественнаго налога. Къ этому пункту я возвращусь еще впослѣдствіи, а пока ограничусь этими общими замѣчаніями.

Далѣе, особенно важное значеніе будетъ имѣть для насъ школьное дѣло. Народная школа издавна занимала пролетарскія партіи и играла большую роль уже у старыхъ коммунистическихъ сектъ среднихъ вѣковъ. Отнять у имущихъ классовъ монополію на образованіе — всегда было, и не могло не быть, однимъ изъ завѣтныхъ желаній мыслящей части пролетаріата. Само собой разумѣется, что новый режимъ увеличитъ число школъ, приведетъ ихъ въ лучшее состояніе, улучшитъ матеріальное положеніе учителей. Но онъ не остановится на этомъ, онъ пойдетъ дальше. Конечно, одержавшій побѣду пролетаріатъ не можетъ, какъ бы радикально онъ ни былъ настроенъ, сразу уничтожить классовыя различія, ибо они развивались и укоренялись втеченіе цѣлыхъ тысячелѣтій и ихъ нельзя со всѣми ихъ послѣдствіями стереть съ лица земли такъ просто, какъ губка стираетъ написанное на доскѣ мѣломъ. Но школа можетъ подготовить въ этомъ отношеніи почву и оказать существенную помощь въ дѣлѣ уничтоженія

классовыхъ различій, снабжая одинаково хорошей пищей и одеждой всѣхъ дѣтей, давая имъ одинаковое образованіе, открывая одинаково всѣмъ и каждому изъ нихъ возможность къ всестороннему развитію ихъ духовныхъ и физическихъ способностей.

Не слѣдуетъ, разумѣется, преувеличивать вліянія школы. Жизнь сильнѣе всякой школы, и если школа вздумаетъ стать въ противорѣчіе съ жизнью, она всегда будетъ терпѣть неудачу. Если бы, напримѣръ, намъ вздумалось сдѣлать попытку уже въ настоящее время уничтожить классовыя различія при помощи школы, то не много толку получилось бы отъ нашихъ усилій. Но когда школа дѣйствуетъ въ томъ направленіи, по которому идетъ въ дѣйствительности общественное развитіе, она можетъ чрезвычайно усилить и ускорить это послѣднее. Когда, слѣдовательно, общественное развитіе ведетъ къ искорененію классовыхъ различій, тогда школа можетъ идти впереди его и осуществлять для подростающаго въ ней поколѣнія хотя бы въ ограниченной сферѣ то, что въ цѣломъ обществѣ растетъ одновременно съ этимъ поколѣніемъ.

Все это такія цѣли, которыя выставилъ уже буржуазный радикализмъ, но которыхъ онъ не въ состояніи достигнуть, потому что для этого требуется такая сила и такая безпощадность по отношенію къ капиталу, которыя не способенъ проявить ни одинъ буржуазный классъ. Новая школа, въ указанномъ смыслѣ слова, потребовала бы, напр., въ Германской Имперіи, по разсчету, сдѣланному мною въ „Аграрномъ вопросѣ“, $1\frac{1}{2}$, а можетъ быть и цѣлыхъ 2 милліарда марокъ*) въ годъ. Это — почти вдвое больше теперяшняго военнаго бюджета! Такія суммы можетъ тратить на школьное дѣло только государство, находящееся въ рукахъ пролетаріата и не останавливающееся почтительно предъ крупными доходами.

Но революція не можетъ, конечно, ограничиться этими преобразованіями, ибо это будетъ именно не

*) Германская марка немного менѣе 50 коп. Прим. перев.

просто буржуазно-демократическая, а пролетарская революція. Какъ уже упомянуто, мы не задаемся теперь цѣлью изслѣдовать, что захочетъ дѣлать послѣ революціи пролетаріатъ на основаніи той или иной теоріи, такъ какъ намъ неизвѣстно, какія еще теоріи могутъ возникнуть впослѣдствіи и при какихъ обстоятельствахъ, подъ чьимъ вліяніемъ произойдетъ революція. Мы хотимъ лишь изслѣдовать, что вынужденъ будетъ дѣлать послѣ побѣды пролетаріатъ подъ давленіемъ экономическихъ отношеній, если онъ станетъ дѣйствовать цѣлесообразно.

И вотъ прежде всего всякій пролетарскій режимъ вынужденъ будетъ занятъся слѣдующей главной проблемой. Онъ долженъ будетъ непремѣнно разрѣшить вопросъ, какъ устранить нужду безработныхъ. Безработица — самый страшный бичъ для рабочаго. Она означаетъ для него нищету, униженія, преступленіе. Рабочій живетъ только продажей своей рабочей силы, и если на нее не находится покупателя, онъ обреченъ на голоданіе. Безработица терзаетъ рабочаго даже и тогда, когда у него есть работа, такъ какъ каждый день ему угрожаетъ опасность сдѣлаться безработнымъ, а слѣдовательно и нищимъ. Такому порядку вещей пролетарскій режимъ будетъ стараться положить конецъ во всякомъ случаѣ, даже если бы пролетаріи были проникнуты не соціалистическими воззрѣніями, а либеральными, какъ въ Англіи. Какимъ именно образомъ будетъ разрѣшенъ вопросъ о безработныхъ, этого намъ нѣтъ надобности разбирать здѣсь. Для этого существуетъ много различныхъ методовъ, и цѣлый рядъ соціаль-политиковъ выступалъ уже съ разнообразными проектами. Какъ извѣстно, попытки устранить безработицу дѣлались и съ буржуазной стороны: было предложено, а кое-гдѣ отчасти и введено страхованіе безработныхъ. Но буржуазное общество не можетъ пойти въ этой области дальше полумѣръ, ибо иначе оно бы подрубило тотъ сукъ, на которомъ сидитъ. Только пролетаріатъ, одержавшій побѣду пролетаріатъ способенъ провести и проведетъ такія мѣропріятія, которыя мо-

гутъ совершенно устранить нужду отъ безработицы, обусловливается ли эта послѣдняя болѣзнью, или же другими причинами. Въ самомъ дѣлѣ, серьезная поддержка безработныхъ, которая бы обезпечивала имъ вполнѣ достаточное пособіе, должна совершенно измѣнить отношеніе силы между пролетаріатомъ и буржуазіей, между пролетаріатомъ и капиталомъ: она дѣлаетъ пролетаріатъ хозяиномъ на фабрикѣ. Если теперь рабочіе продаютъ себя предпринимателю, если они позволяютъ себя эксплуатировать и порабощать, то ихъ принуждаетъ къ этому именно призракъ безработицы, страхъ голодовки. Но разъ рабочій знаетъ, что существованіе его обезпечено даже въ томъ случаѣ, если онъ останется безъ работы, то сломить силу капитала для него очень легко. Тогда онъ уже не нуждается въ капиталистѣ, между тѣмъ какъ капиталистъ не можетъ безъ рабочаго вести свое дѣло. При такихъ условіяхъ всякій конфликтъ между предпринимателемъ и его рабочими будетъ оканчиваться пораженіемъ перваго. Капиталисты могутъ тогда, пожалуй, остаться управляющими фабрикъ, но они перестанутъ быть ихъ господами и эксплуататорами. Когда же капиталисты убѣдятся, что на ихъ долю выпадаютъ только рискъ и тяготы, связанныя съ капиталистическимъ предпріятіемъ, тогда они первые откажутся отъ продолженія капиталистическаго производства и будутъ добиваться, чтобы у нихъ выкупили эти предпріятія, не доставляющія имъ больше никакой выгоды. Такіе случаи уже бывали. Такъ, напр., въ Ирландіи, когда фермерское движеніе достигло своего кульминаціоннаго пункта, землевладѣльцы лишились возможности собирать свои ренты; и вотъ, лэндлорды сами начали требовать, чтобы всѣ ихъ земли скуплены были государствомъ. Въ такомъ же точно положеніи должны очутиться и капиталисты-предприниматели при пролетарскомъ режимѣ. Даже если бы этотъ режимъ не руководствовался никакими соціалистическими теоріями и не задавался съ самаго начала цѣлью превратить капиталистическія средства производства въ общественную собственность, — капита-

листы всеравно сами потребовали бы, чтобы у нихъ выкупили ихъ средства производства. Политическое господство пролетаріата и продолженіе капиталистическаго способа производства несовмѣстимы одно съ другимъ. Кто допускаетъ возможность перваго, тотъ долженъ признать и возможность исчезновенія послѣдняго.

Каковы же тѣ покупатели, которымъ капиталисты могли бы продать свои предпріятія? Часть фабрикъ, рудниковъ и т. д. можно было бы продать самимъ занятымъ на нихъ рабочимъ, которые стали бы вести дѣло на кооперативныхъ началахъ. Другіе можно было бы продать потребительнымъ обществамъ, третьи — общинамъ или государству. Ясно, однакожъ, что капиталъ будетъ обращаться главнымъ образомъ къ наиболѣе состоятельнымъ, наиболѣе надежнымъ покупателямъ, а таковыми являются именно государство и общины, и по одной уже этой причинѣ большинство предпріятій перешло бы въ собственность государства и общинъ. Нечего и говорить о томъ, что соціаль-демократія, получивши въ свои руки власть, съ самаго начала будетъ стремиться именно къ такому рѣшенію вопроса. Съ другой стороны, даже и не проникнутый соціалистическими воззрѣніями пролетаріатъ съ самаго начала будетъ стараться превратить въ государственную или общинную собственность тѣ предпріятія, которыя сдѣлались монополіями — по естественнымъ ли причинамъ, — какъ, напр., рудники, — или по роду ихъ организаціи, — каковы, напр., трэсты. Эти частныя монополіи и теперь уже становятся невыносимыми не только для наемныхъ рабочихъ, но и для всѣхъ классовъ общества, которые не имѣютъ въ нихъ какой-либо доли. Только безсиліе буржуазнаго міра предъ капиталомъ препятствуетъ ему принять рѣшительныя мѣры противъ этихъ монополистовъ. Пролетарская революція необходимо должна была бы повести къ уничтоженію частной собственности на такія монополіи. А онѣ и теперь уже очень обширны, въ очень значительной степени уже господствуютъ надъ всей экономической жизнью и развиваются притомъ очень быстро.

Превращеніе въ государственную и общинную собственность однихъ уже этихъ монополій означаетъ подчиненіе всего процесса производства обществу и его органамъ, — государству и общинамъ.

Для превращенія въ собственность государства всего болѣе пригодны національныя средства транспорта, — желѣзныя дороги, пароходы, — а также предпріятія въ производствѣ сырья и полуфабрикатовъ (рудники, лѣса, желѣзодѣлательные и машиностроительные заводы и т. под.). Именно въ этихъ отрасляхъ промышленности всего болѣе развиты крупное производство и картели. Переработка сырья и полуфабрикатовъ въ предметы личнаго потребленія, равно какъ и мелочная торговля, носятъ во многихъ случаяхъ мѣстный характеръ и до сихъ поръ еще сильно децентрализованы. Въ этихъ областяхъ труда на первый планъ выступятъ главнымъ образомъ общины и товарищества, государственное же хозяйство будетъ играть второстепенную роль. Но съ прогрессомъ раздѣленія труда производство для непосредственнаго личнаго потребленія относительно все болѣе и болѣе отодвигается на задній планъ предъ производствомъ средствъ производства. Такимъ образомъ, все болѣе растетъ, слѣдовательно, и сфера государственнаго хозяйства. Съ другой стороны, сфера эта расширяется еще благодаря тому, что развитіе сношеній и ростъ крупнаго производства ломаетъ въ одной отрасли производства за другой перегородки между мѣстными рынками, превращаетъ одинъ рынокъ за другимъ изъ мѣстнаго въ національный. Такъ, напр., газовое освѣщеніе является, очевидно, дѣломъ коммунальнымъ. Напротивъ, развитіе электрическаго освѣщенія и передачи силы на разстояніе въ горныхъ мѣстностяхъ приводитъ къ необходимости перехода водяной силы въ государственную собственность; а это ведетъ къ тому, что и освѣщеніе превращается изъ отрасли общиннаго въ отрасль государственнаго хозяйства. Еще примѣръ: мелкое сапожное производство разсчитано было прежде на мѣстный рынокъ; теперь сапожная фабрика снабжаетъ своими продуктами не только какую-нибудь од-

ну общину, а всю страну, — она созрѣла не для коммунализаціи, а для огосударствленія. То же самое надобно сказать о сахарныхъ, пивоваренныхъ заводахъ и т. д.

Такимъ образомъ, развитіе имѣетъ тенденцію все болѣе и болѣе превращать государственное хозяйство въ главную форму хозяйства при пролетарскомъ режимѣ.

До сихъ поръ у насъ шла рѣчь о собственности на средства производства крупныхъ предпріятій, къ которымъ относятся, конечно, и предпріятія сельскохозяйственныя. Но что же, спрашивается, должно произойти съ денежнымъ капиталомъ и съ земельной собственностью? Денежный капиталъ — это та часть капитала, которая принимаетъ форму денегъ, отдаваемыхъ взаймы и приносящихъ проценты. Денежный капиталистъ не исполняетъ никакихъ личныхъ функцій въ экономической жизни, онъ есть нѣчто совершенно лишнее, и его можно безъ труда экспропріировать однимъ почеркомъ пера. И къ этому прибѣгнутъ тѣмъ скорѣе, что именно эта, совершенно ненужная часть класса капиталистовъ, финансовая аристократія, все болѣе и болѣе захватываетъ въ свои руки господство надъ всей экономической жизнью. Она же является господиномъ и крупныхъ частныхъ монополій, трэстовъ и т. д. Да и нѣтъ возможности экспропріировать промышленную буржуазію и въ то же время не трогать финансовую аристократію. Промышленный и денежный капиталъ слишкомъ тѣсно связаны между собою. Обобществленіе капиталистическихъ предпріятій (мы называетъ такъ для краткости переходъ ихъ въ руки государства, общинъ, товариществъ) уже и само по себѣ ведетъ къ обобществленію значительной части денежнаго капитала. Когда превращается въ государственную собственность фабрика или имѣнье, то переходятъ къ государству и лежащіе на нихъ долги, — изъ частныхъ они дѣлаются долгами государственными. Если это была акціонерная компанія, то акціонеры становятся кредиторами государства.

Затѣмъ, остается еще земельная собственность. Я

3. Конфискація или выкупъ?

Не столь положительно, какъ на вопросъ о необходимости и возможности экспропріаціи экспропріаторовъ, можемъ мы отвѣтить на тѣсно связанный съ нимъ вопросъ: какъ именно будетъ произведена экспропріація, — въ формѣ выкупа, или же въ формѣ конфискаціи, т. е. будутъ ли вознаграждены при этомъ прежніе собственники, или нѣтъ? Это вопросъ, разрѣшить который невозможно въ настоящее время. Не намъ придется производить эту операцію. Ни о какой внутренней, коренящейся въ самой сущности дѣла, необходимости, которая бы заставляла принять то или другое рѣшеніе вопроса, въ данномъ случаѣ не можетъ быть рѣчи. Однако, цѣлый рядъ соображеній говоритъ за то, что пролетарскій режимъ постарается избрать путь выкупа, т. е. вознагражденія капиталистовъ и землевладѣльцевъ за отходящую отъ нихъ собственность. Изъ этого рода соображеній я остановлюсь здѣсь лишь на двухъ, которыя представляются мнѣ наиболѣе вѣскими. Денежный капиталъ сдѣлался, какъ уже сказано, безличной сплою; всякую сумму денегъ можно теперь превратить въ денежный капиталъ, не заставляя ея владѣльца исполнять функціи капиталиста. Какъ извѣстно, скопивши рубль, человѣкъ можетъ дать ему употребленіе, приносящее проценты, не дѣлаясь отъ этого капиталистомъ. На такого рода явленіе очень любятъ ссылаться, какъ мы знаемъ, оптимистическіе защитники существующаго порядка. Они заключаютъ отсюда, что этимъ путемъ было бы вполнѣ возможно экспропріировать капиталистовъ: пусть всѣ рабочіе вносятъ всѣ свои сбереженые гроши въ сберегательныя кассы или покупаютъ акціи и такимъ образомъ сами дѣлаются совладѣльцами капитала. Въ другомъ мѣстѣ тѣ же самые оптимисты говорятъ, что, конфискуя теперь капиталъ, мы конфисковали бы не только капиталъ богачей, но и капиталъ рабочихъ; мы отняли бы въ такомъ случаѣ и у бѣдныхъ, вдовъ и сиротъ ихъ сбереженія; этимъ мы вызвали бы сильное не-

довольство среди самихъ рабочихъ, — лишнее основаніе для нихъ ниспровергнуть свое собственное господство, что, по мнѣнію вышеупомянутыхъ апологетовъ существующаго строя, должно произойти неминуемо.

На первомъ изъ приведенныхъ выше разсужденій нѣтъ надобности останавливаться долго: слишкомъ ужъ оно нелѣпо. Люди, мечтающіе объ экспропріаціи капиталистовъ путемъ накопленія грошовыхъ сбереженій, не замѣчаютъ того простого факта, что ростъ крупнаго капитала совершается несравненно быстрѣе. Но съ другой стороны, не совсѣмъ неосновательно то замѣчаніе, что, прибѣгая къ всеобщей конфискаціи, пролетарскій режимъ конфисковалъ бы и сбереженія бѣдноты. Конечно, это не возстановитъ рабочихъ противъ ихъ собственнаго господства, — нужно обладать слишкомъ ничтожнымъ запасомъ серьезныхъ аргументовъ противъ соціальной революціи, чтобы тѣшить себя подобными фантазіями, — но это можетъ, въ числѣ другихъ причинъ, побудить побѣдоносный пролетаріатъ воздержаться отъ конфискаціи средствъ производства.

Но разъ пролетаріатъ не прибѣгнетъ къ конфискаціи, то — насъ могутъ спросить, — какая же будетъ польза рабочему классу отъ экспропріаціи? Экспропріація приведетъ только къ тому, что всякій капиталъ превратится въ денежный капиталъ, въ долговыя обязательства государства, общинъ и товариществъ, и что прибавочную стоимость, которую капиталисты выжимали до сихъ поръ изъ рабочихъ непосредственно, станутъ теперь брать съ рабочаго государство, общины и товарищества и передавать ее капиталистамъ. Измѣнится ли отъ этого хоть что нибудь въ положеніи рабочаго класса?

Такой вопросъ вполнѣ умѣстенъ. Однако, еслибы даже пролетарскій режимъ сталъ доставлять капиталу такую же массу прибыли, какую получалъ капиталъ и прежде, то экспропріація всетаки представляла бы ту огромную выгоду, что всякое дальнѣйшее увеличеніе эксплуатаціи сдѣлалось бы уже невозможнымъ. Уничтожена была бы возможность всякаго новаго помѣщенія капитала, а слѣдовательно и всякаго увеличенія его,

равно какъ и всякого возвышенія земельной ренты. Одно уже это было бы грандіознымъ результатомъ пролетарской революціи. Всякое дальнѣйшее увеличеніе общественнаго богатства шло бы отнынѣ на благо всего общества.

Но это еще не все. Была бы тутъ и другая выгода. Какъ только вся капиталистическая собственность приметъ форму облигацій государства, общинъ или товариществъ, — явится возможность ввести такой высокій прогрессивный налогъ на доходы, имущества и наслѣдства, о которомъ прежде нельзя было и думать. Мы и теперь уже выставляемъ требованіе, чтобы такимъ налогомъ были замѣнены всѣ другіе, въ особенности косвенные налоги. Но если бы мы въ настоящее время пріобрѣли силу, необходимую для проведенія подобной реформы, благодаря, напр., поддержкѣ со стороны другихъ партій, — чего, впрочемъ, быть не можетъ, потому что ни одна буржуазная партія не пойдетъ такъ далеко, — то мы встрѣтили бы огромныя препятствія къ ея осуществленію. Извѣстно, что чѣмъ выше налогъ, тѣмъ сильнѣе у плательщиковъ искушеніе уклониться отъ платежа его посредствомъ всякихъ обходовъ закона. И если бы даже намъ удалось сдѣлать совершенно невозможнымъ всякое скрытіе дохода и имущества, то всетаки мы были бы не въ состояніи довести налогъ до желательной для насъ высоты, такъ какъ капиталисты, видя, что налогъ слишкомъ сильно урѣзываетъ ихъ доходы или имущество, просто-на-просто выѣхали бы изъ государства, и мы остались бы на бобахъ. Въ государствѣ существовалъ бы тогда подоходный и поимущественный налогъ, но не было бы ни доходовъ, ни имуществъ. Такимъ образомъ, нельзя переступать извѣстныхъ предѣловъ при установленіи размѣровъ такого налога, хотя бы въ нашихъ рукахъ была политическая власть. Но положеніе дѣлъ совершенно измѣняется, когда вся капиталистическая собственность принимаетъ форму выпускаемыхъ общественными учрежденіями облигацій; собственность, которую въ настоящее время невозможно опредѣлить съ точностью, становит-

ся тогда явной и извѣстною. Стоитъ только постановить, чтобы всѣ облигаціи были именныя, — и тогда мы сумѣемъ съ величайшей точностью учесть всякое имущество и всякій капиталистическій доходъ. Тогда можно будетъ увеличивать размѣры налога до какой угодно высоты, не опасаясь обмановъ и уклоненій отъ платежа. Тогда становится невозможнымъ уклониться отъ платежа налога посредствомъ эмиграціи: такъ какъ всѣ проценты получаются отъ общественныхъ учрежденій и главнымъ образомъ отъ самого государства, то это послѣднее можетъ вычитать налогъ изъ процентовъ при выплатѣ ихъ. При такихъ условіяхъ становится возможнымъ доводить прогрессивный налогъ на доходы и имущества до какой угодно высоты — въ случаѣ надобности даже и до такой, что онъ будетъ приближаться къ конфискаціи крупныхъ имуществъ или будетъ равносиленъ ей.

Намъ могутъ задать вопросъ: какой же смыслъ выбирать этотъ окольный путь къ конфискаціи крупныхъ имуществъ, вмѣсто того чтобы идти прямо къ цѣли? Выкупать сперва капиталы по ихъ полной цѣнности, а потомъ конфисковывать ихъ при помощи законодательства о налогахъ, — не значитъ ли это продѣлывать фокусъ съ единственной цѣлью избѣжать видимости конфискаціи? Вѣдь разница между описанной выше операціей и прямой конфискаціей — только формальная.

На самомъ дѣлѣ, однако, разница тутъ не такъ уже ничтожна. Прямая конфискація распространяется на всѣ капиталы въ одинаковой степени: какъ на мелкіе, такъ и на крупные, на капиталы не способныхъ къ труду и на капиталы работоспособныхъ. При такомъ способѣ дѣйствія трудно, а зачастую и совсѣмъ невозможно, отдѣлить крупныя состоянія отъ мелкихъ денежныхъ капиталовъ, вложенныхъ въ одни и тѣ же предпріятія вмѣстѣ съ ними. Кромѣ того, прямая конфискація совершилась бы очень быстро, можетъ быть даже сразу, между тѣмъ какъ конфискація посредствомъ обложенія налогомъ позволяетъ придать уничтоженію капиталистической собственности характеръ болѣе или

менѣе длительнаго процесса, который подвигается впередъ по мѣрѣ того, какъ крѣпнетъ и обнаруживаетъ свое благотворное вліяніе новый порядокъ вещей. Она дастъ возможность растянуть операцію на десятки лѣтъ, такъ чтобы завершеніе конфискаціи произошло уже на глазахъ новаго поколѣнія, которое выростетъ при новыхъ условіяхъ жизни и которому не придется уже имѣть дѣло съ капиталами и процентами. Конфискація утрачиваетъ, такимъ образомъ, свой рѣзкій характеръ, становится болѣе эластичною и менѣе болѣзненной. Чѣмъ болѣе мирнымъ путемъ совершается завоеваніе политической власти пролетаріатомъ, чѣмъ лучше онъ организованъ и чѣмъ выше стоитъ по своему умственному развитію, тѣмъ скорѣе можемъ мы ожидать, что онъ отдастъ предпочтеніе утонченной формѣ конфискаціи предъ примитивною.

Я остановился на этомъ вопросѣ нѣсколько дольше потому, что его выдвигаютъ какъ одно изъ главныхъ возраженій наши противники, а отнюдь не потому, чтобъ онъ представлялъ собою самую главную трудность, которую намъ предстоитъ преодолѣть. Нѣтъ, серьезныя трудности начинаются лишь послѣ завершенія упомянутыхъ выше преобразованій. Среди великихъ перемѣнъ, которыя несетъ собою соціальная революція, экспропріація средствъ производства является дѣломъ относительно самымъ простымъ. Для нея требуется только имѣть въ рукахъ соотвѣтственную власть, а наличность этой послѣдней предполагается уже само собою во всемъ нашемъ изслѣдованіи. Трудности, ожидающія пролетарскій режимъ, лежатъ не въ области собственности, а въ области производства.

---

4. Привлеченіе работниковъ къ труду.

Мы видѣли, что соціальная революція дѣлаетъ невозможнымъ продолженіе капиталистическаго способа производства, что политическое господство пролетаріата необходимо связано съ экономическимъ возмущеніемъ противъ этого способа производства и остановкой его.

Но самое производство должно непремѣнно продолжаться, оно не можетъ пріостановиться даже и на нѣсколько недѣль, безъ того, чтобы не погибло все общество. Такимъ образомъ, предъ пролетаріатомъ, когда онъ будетъ у власти, встаетъ неотложная задача — обезпечить, несмотря на всѣ пертурбаціи, продолженіе производства и побудить рабочихъ, побросавшихъ фабрики и прочія мѣста работы, снова взяться за работу, такъ чтобы производство совершалось безостановочно.

Какими же средствами располагаетъ пролетарскій режимъ для разрѣшенія этой задачи? О принужденіи къ работѣ страхомъ голода не можетъ быть, конечно, и рѣчи; еще менѣе о мѣрахъ физическаго принужденія. Если есть люди, которые думаютъ, что господство пролетаріата приведетъ къ каторжному режиму, что тогда каждому будетъ назначаться работа начальствомъ, то они очень плохо знаютъ пролетаріатъ. На самомъ дѣлѣ пролетаріатъ, который тогда самъ будетъ издавать себѣ законы, одушевленъ неизмѣримо болѣе сильной любовью къ свободѣ, нежели тѣ пропитанные сервилизмомъ и византійщиной профессора, которые кричатъ о каторжныхъ порядкахъ въ государствѣ будущаго.

Одержавшій побѣду пролетаріатъ никогда не допуститъ никакой каторжной или казарменной регламентаціи. Да и не нуждается онъ въ такой регламентаціи, ибо у него есть другія средства удержать трудящихся за работою.

Прежде всего, не слѣдуетъ забывать о великой силѣ привычки. Пріученый капиталомъ работать изо-дня въ день, современный рабочій прямо не выноситъ долгаго пребыванія безъ работы. Встрѣчаются даже люди, до того привыкшіе къ своей работѣ, что они просто не знаютъ, что имъ дѣлать со своимъ свободнымъ временемъ, — они чувствуютъ себя несчастными, когда не имѣютъ возможности работать. Не много найдется такихъ людей, которые бы могли чувствовать себя счастливыми, сидя долго безъ всякаго дѣла. Я убѣжденъ, что когда трудъ перестанетъ быть чрезмѣрнымъ, надрывающимъ силы, когда рабочій день сократится до

разумной нормы, то одной уже привычки къ труду будетъ достаточно, чтобы удержать массу рабочихъ на фабрикахъ, на заводахъ и въ рудникахъ за регулярной работой.

Но нельзя, конечно, всецѣло положиться на одинъ этотъ импульсъ къ работѣ, — онъ самый слабый. Другимъ, несравненно болѣе сильнымъ является дисциплина пролетаріата. Мы знаемъ, что когда рабочій союзъ рѣшаетъ устроить забастовку, то дисциплина организованнаго рабочаго оказывается достаточно сильною, чтобы побудить его добровольно обречь себя на всѣ опасности и ужасы безработицы, зачастую голодать цѣлые мѣсяцы, только бы восторжествовало общее дѣло. Такъ вотъ, я думаю, что если силою дисциплины можно выгнать рабочихъ изъ фабрикъ и заводовъ, то силою той же дисциплины можно будетъ и удержать ихъ за работой. Когда рабочій союзъ признаетъ необходимымъ безостановочно и регулярно продолжать работы, то — можно быть увѣреннымъ въ этомъ, — врядъ ли хоть одинъ изъ его членовъ захочетъ пойти противъ интересовъ общаго дѣла и покинетъ свой постъ. Та самая сила, которая теперь сплачиваетъ пролетаріатъ для борьбы, для остановки производства, — эта же самая сила сплоченія окажется тогда могучимъ средствомъ обезпечить регулярное продолженіе общественнаго труда. Чѣмъ болѣе высокаго развитія достигла уже теперь организація рабочихъ союзовъ, тѣмъ больше шансовъ на безостановочный ходъ производства послѣ завоеванія политической власти пролетаріатомъ.

Пролетарская дисциплина не имѣетъ ничего общаго съ военной дисциплиной; она не означаетъ слѣпого повиновенія власти, свыше поставленной. Нѣтъ, это — дисциплина демократическая, это — добровольное подчиненіе выборнымъ руководителямъ и рѣшеніямъ большинства собственныхъ товарищей. Для того, чтобы такая демократическая дисциплина могла господствовать и на фабрикѣ, нужна демократическая организація фабричной работы, — нужно, чтобы мѣсто нынѣшней автократической фабрики заняла фабрика демократическая.

Само собой разумѣется, что соціалистическій режимъ будетъ стремиться съ самаго начала организовать производство на демократическихъ началахъ. Но еслибы даже у восторжествовавшаго пролетаріата и не было сначала такого стремленія, то онъ все равно будетъ приведенъ къ этому необходимостью обезпечить безостановочный ходъ производства. Поддержанія необходимой дисциплины при работѣ можно будетъ достигнуть только путемъ введенія выработанной профессіональными рабочими союзами дисциплины въ процессъ производства.

Этого нельзя будетъ, конечно, сдѣлать повсюду на одинъ и тотъ же манеръ. Каждое предпріятіе имѣетъ свои особенности, съ которыми должна сообразоваться организація его рабочихъ. Существуютъ, напр., предпріятія, которыя не могутъ обойтись безъ бюрократической организаціи, — таковы желѣзныя дороги. Тутъ демократическая организація можетъ получить такой видъ: рабочіе избираютъ делегатовъ, которые образуютъ нѣчто вродѣ парламента, и этотъ парламентъ устанавливаетъ распорядокъ работъ и наблюдаетъ за управленіемъ бюрократическаго аппарата. Другія предпріятія можно передать въ вѣдѣніе рабочихъ союзовъ, третьи можно организовать на кооперативныхъ началахъ. Такимъ образомъ, возможны чрезвычайно разнообразныя формы демократической организаціи предпріятій; не слѣдуетъ думать, что всѣ предпріятія будутъ организованы по одному и тому же шаблону.

Мы видѣли выше, какъ различны будутъ виды собственности: собственность государства, общинъ, товариществъ. Наряду съ ними можетъ сохраниться и частная собственность на нѣкоторыя средства производства, какъ мы еще покажемъ ниже. Теперь мы видимъ, что и организація предпріятій будетъ разнообразная.

Однако, демократическая дисциплина и привычка къ регулярному труду, — какъ ни сильны эти факторы, — всетаки окажутся, быть можетъ, еще не достаточными, чтобы обезпечить постоянное участіе въ производствѣ всѣхъ рабочихъ. Нельзя ожидать, чтобы трэдъюніонист-

скія организація и дисциплина охватили когда-нибудь въ современномъ обществѣ хотя бы только большинство рабочихъ. Когда пролетаріатъ получитъ въ свои руки власть, организованнымъ все еще будетъ, по всей вѣроятности, лишь меньшинство его членовъ. Придется, слѣдовательно, поискать еще другихъ побудительныхъ средствъ къ участію въ работахъ. Изъ числа ихъ особенно соотвѣтствуетъ духу пролетарскаго режима такой факторъ, какъ — привлекательность труда. Пролетарскій режимъ долженъ будетъ позаботиться о томъ, чтобы трудъ, являющійся теперь бременемъ, сдѣлался наслажденіемъ, чтобы работать было пріятно, чтобы рабочій шелъ на работу съ удовольствіемъ.

Достигнуть этого, конечно, не такъ то просто; но, по крайней мѣрѣ, начало этому пролетаріатъ положитъ сейчасъ же по достиженіи господства, сокративши рабочее время. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ постарается улучшить помѣщенія для работы въ гигіеническомъ и эстетическомъ отношеніи, устранить по возможности все, что придаетъ процессу производства непріятный, отталкивающій характеръ. Все это есть лишь дальнѣйшее развитіе тѣхъ стремленій, которыя осуществляются отчасти уже и въ настоящее время въ видѣ законодательной охраны труда. Но для серьезнаго шага впередъ въ этой области необходимы такія перемѣны и въ постройкѣ зданій и въ техникѣ производства, которыя не осуществимы съ сегодня на завтра. Едва-ли удастся въ короткое время сдѣлать работу на фабрикахъ, на заводахъ и въ копяхъ очень уже привлекательною. Поэтому, наряду съ привлекательностью труда необходимо будетъ, чтобы дѣйствовалъ еще такой факторъ, какъ привлекательность платы за трудъ.

Я говорю здѣсь о заработной платѣ. „Какъ, — скажутъ намъ, — неужели въ новомъ обществѣ будетъ еще существовать рабочая плата? Вѣдь мы хотимъ уничтожить наемный трудъ и деньги, — какъ же можно говорить о рабочей платѣ?“ Возраженія эти были бы основательны, еслибы мы намѣрены были при соціальной революціи сейчасъ же приступить къ упраздненію де-

негъ. Я считаю это однако невозможнымъ. Деньги — самое простое изъ извѣстныхъ намъ допынѣ средствъ обращенія продуктовъ, средствъ распредѣленія ихъ между отдѣльными членами общества въ такомъ сложномъ механизмѣ, какимъ является современный способъ производства съ свойственнымъ ему гигантскимъ раздѣленіемъ труда. Это — такое средство, которое даетъ возможность всякому удовлетворять свои потребности сообразно съ его индивидуальными склонностями (въ предѣлахъ его экономической силы, разумѣется). Какъ средство обращенія, деньги останутся необходимостью, пока не придумано ничего лучшаго. Но само собою разумѣется, что онѣ утратятъ, по крайней мѣрѣ, въ сферѣ внутренняго обращенія, — нѣкоторыя изъ своихъ теперешнихъ функцій, и прежде всего функціи мѣрила стоимости. Здѣсь не будутъ неумѣстны, я думаю, нѣсколько замѣчаній по вопросу о стоимости, которыя помогутъ выяснить и кое-что изъ дальнѣйшаго.

Нѣтъ ничего ошибочнѣе того взгляда, будто задача соціалистическаго общества осуществить законъ стоимости во всей его полнотѣ, принять мѣры къ тому, чтобы обмѣнивались только равныя стоимости на равныя. Въ дѣйствительности законъ стоимости есть, напротивъ, законъ исключительно свойственный обществу товарнаго производства.

Товарное производство есть такой способъ производства, когда при наличности развитого раздѣленія труда независимые одинъ отъ другого производители производятъ продукты другъ для друга. Но никакой способъ производства не можетъ существовать безъ извѣстной пропорціональности производства, имѣющей опредѣляющее значеніе. Число рабочихъ силъ, находящихся въ распоряженіи общества, ограничено; и общество можетъ удовлетворять свои потребности и продолжать производство лишь въ томъ случаѣ, если въ каждой отрасли производства занято соотвѣтствующее наличнымъ производительнымъ силамъ количество рабочихъ силъ. Въ коммунистическомъ обществѣ работа регулируется планомѣрно, рабочія силы распредѣляют-

ся между отдѣльными отраслями по опредѣленному плану. При товарномъ производствѣ регулированіе это совершается при посредствѣ закона стоимости. Стоимость каждаго товара опредѣляется не фактически потраченнымъ на его производство, а общественно необходимымъ для его производства рабочимъ временемъ. О модификаціи, которой подвергается этотъ законъ при капиталистическомъ способѣ производства благодаря прибыли, мы говорить здѣсь не будемъ, такъ какъ это только усложнило бы безъ нужды наше разсужденіе, не внося никакихъ новыхъ данныхъ для выясненія вопроса. Общественно-необходимое рабочее время въ каждой отрасли труда опредѣляется, съ одной стороны, достигнутою обществомъ высотою техники въ этой отрасли, — обычною напряженностью труда и т. д., однимъ словомъ среднею производительностью труда отдѣльнаго рабочаго, съ другой стороны — количествомъ продуктовъ, которое требуется обществомъ отъ данной отрасли труда, и наконецъ, общимъ количествомъ рабочихъ силъ, находящимся въ распоряженіи общества. Свободная конкурренція приводитъ къ тому, что цѣна продуктовъ, т. е. количество золота, которое можно получить въ обмѣнъ на нихъ, постоянно стремится приблизиться къ ихъ опредѣляемой общественно-необходимымъ рабочимъ временемъ стоимости. Въ результатѣ этого получается то, что производство въ каждой отрасли, хотя и не регулируется изъ какого-нибудь одного центральнаго пункта, никогда не отклоняется слишкомъ далеко и надолго отъ надлежащей нормы. Безъ закона стоимости, товарное производство при царящей въ немъ анархіи очень скоро привело бы къ невообразимому хаосу.

Приведемъ для поясненія этого примѣръ и возьмемъ самый простой, какой только можно представить. Въ качествѣ результата общественнаго производства будетъ у насъ фигурировать только два какихъ-нибудь товара, — положимъ, брюки и подтяжки.

Предположимъ, что въ данномъ обществѣ общественно-необходимое рабочее время въ данный періодъ

времени составляетъ для брюкъ 10,000 рабочихъ дней, а для подтяжекъ 1,000 раб. дней. Это значитъ, что для того, чтобы удовлетворить общественный спросъ на брюки и подтяжки, при данномъ состояніи производительности труда требуется указанное количество рабочихъ дней. Если продуктъ одного рабочаго дня оцѣнивается въ 10 марокъ, то стоимость брюкъ будетъ равна 100.000 марокъ, стоимость подтяжекъ 10.000 мар.

Если отдѣльный рабочій при производствѣ продукта отклоняется отъ общественной нормы, если, скажемъ, втеченіе рабочаго дня онъ производитъ только половину того, что производятъ его товарищи, то и цѣна продукта его рабочаго дня будетъ равна лишь половинѣ цѣны того продукта, который изготовляется втеченіе рабочаго дня каждымъ изъ остальныхъ рабочихъ. Это всѣмъ извѣстно. Но то же самое происходитъ и тогда, когда уклоняется отъ нормы пропорціональность работъ. Если, напр., на фабрикацію подтяжекъ идетъ больше рабочихъ силъ, чѣмъ общественно-необходимо, то соотвѣтствующее количество рабочихъ силъ должно быть взято изъ какихъ-нибудь другихъ отраслей труда, такъ какъ число находящихся въ распоряженіи общества рабочихъ силъ ограничено. Предположимъ для простоты, что эти рабочія силы отняты отъ портняжества. Вмѣсто общественно-необходимаго рабочаго времени въ 10.000 рабочихъ дней въ одной отрасли производства и въ 1.000 рабоч. дней въ другой, мы находимъ, положимъ, 8.000 дѣйствительно потраченныхъ рабочихъ дней — въ первой, 3.000 — во второй: общество завалено подтяжками и терпитъ недостатокъ въ брюкахъ. Что произойдетъ отъ этого? Цѣны на подтяжки упадутъ, цѣны на брюки поднимутся. 3.000 рабочихъ дней, дѣйствительно потраченныхъ въ области производства подтяжекъ, будутъ представлять стоимость лишь 1.000 общественно-необходимыхъ рабочихъ дней; стоимость одной пары подтяжекъ понизится до одной трети прежней ея величины; цѣна также упадетъ, и пожалуй еще ниже трети. Стоимость же брюкъ будетъ попрежнему опредѣляться общественно-необходимыми 10.000, а не

дѣйствительно потраченными 8.000 рабочихъ дней, стоимость отдѣльныхъ брюкъ будетъ равняться пяти четвертямъ прежней стоимости. Вслѣдствіе этого фабрикація подтяжекъ становится невыгодною, число посвящаемыхъ ей рабочихъ силъ сокращается, и избытокъ ихъ направляется снова въ производство брюкъ, сдѣлавшееся чрезвычайно выгоднымъ.

Такъ регулируется производство закономъ стоимости при свободной конкуренціи. Это, разумѣется, не самый лучшій, какой только можно придумать, способъ регулировать производство, но онъ оказывается единственно возможнымъ при частной собственности на средства производства. При общественной собственности на средства производства онъ замѣняется общественнымъ регулированіемъ производства. Исчезаетъ необходимость регулировать производство при помощи обмѣна равныхъ стоимостей. Вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаетъ также необходимость того, чтобы деньги были мѣриломъ стоимости и предметомъ, имѣющимъ стоимость. Металлическія деньги могутъ быть замѣнены какимъ-нибудь денежнымъ знакомъ. Самыя цѣны на продукты можно будетъ тогда устанавливать независимо отъ стоимости. Однакожъ, количество вложеннаго въ продукты рабочаго времени всегда будетъ имѣть крупное значеніе при ихъ оцѣнкѣ, и очень возможно, что при этомъ будутъ сообразоваться съ исторически установившимися цѣнами.

Итакъ, разъ существуютъ деньги и цѣны на продукты, то и трудъ будетъ оплачиваться деньгами, — должна будетъ, слѣдовательно, существовать и рабочая плата.

Несмотря на это, было-бы совершенно ошибочно говорить о сохраненіи теперешней системы наемнаго труда, какъ это дѣлаютъ фабіанцы, утверждающіе, что задача соціализма — не уничтожить систему наемнаго труда, а напротивъ, распространить ее на всѣхъ. Это справедливо только съ внѣшней стороны. Въ дѣйствительности рабочая плата при пролетарскомъ режимѣ представляетъ изъ себя нѣчто совершенно иное, чѣмъ при капиталистическомъ режимѣ. Въ настоящее время

рабочая плата есть цѣна товара: „рабочая сила“. Она опредѣляется въ конечномъ счетѣ издержками содержанія рабочаго; ея колебанія зависятъ отъ колебаній спроса и предложенія. Въ обществѣ, гдѣ господствуетъ пролетаріатъ, все это исчезаетъ. Работника уже не заставляетъ нужда продавать свою рабочую силу, рабочая сила перестаетъ быть товаромъ, цѣна котораго опредѣляется издержками его воспроизведенія, и цѣна ея становится не зависящей отъ отношенія между предложеніемъ и спросомъ. Высота рабочей платы опредѣляется теперь въ конечномъ счетѣ количествомъ продуктовъ, имѣющихся налицо для распредѣленія между рабочими. Чѣмъ больше это количество, тѣмъ выше можетъ и будетъ подниматься и общій уровень заработныхъ платъ. Правда, на отношеніе между величиной заработной платы въ различныхъ отрасляхъ труда спросъ и предложеніе и тогда будетъ оказывать извѣстное вліяніе. Такъ какъ рабочіе будутъ назначаться на различныя работы не по военному, не безъ ихъ собственнаго согласія, то можетъ случиться, что въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности окажется избытокъ, а въ другихъ недостатокъ въ рабочихъ. Возстановить нарушенное равновѣсіе можно — понижая заработную плату въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, гдѣ замѣчается чрезмѣрный наплывъ рабочихъ, и повышая плату тамъ, гдѣ рабочихъ слишкомъ мало, — до тѣхъ поръ, пока въ каждой отрасли труда не будетъ именно столько рабочихъ, сколько нужно. Но общій уровень заработныхъ платъ всего рабочаго класса будетъ зависѣть уже не отъ отношенія между предложеніемъ и спросомъ, а отъ количества находящихся налицо продуктовъ. Общее паденіе рабочей платы вслѣдствіе перепроизводства становится невозможнымъ. Чѣмъ больше продуктовъ будетъ производиться, тѣмъ выше, вообще говоря, будетъ заработная плата.

Но тутъ возникаетъ слѣдующій вопросъ. Чтобы обезпечить безостановочный ходъ производства, необходимо будетъ привязать работниковъ къ производству посредствомъ общаго повышенія заработной платы. Изъ ка-

кихъ же, спрашивается, средствъ выдавать повышенную заработную плату? Другими словами, гдѣ взять необходимое количество продуктовъ?

Если взять самый благопріятный для новаго режима случай, котораго мы не предполагали, а именно, что все имущество подвергается конфискаціи, что всѣ доходы капиталистовъ поступаютъ рабочимъ, то, конечно, это дало бы въ результатѣ весьма изрядное повышеніе заработной платы. Въ своей брошюрѣ о соціальной реформѣ и соціальной революціи я приводилъ статистическія данныя, изъ которыхъ видно, что въ Англіи сумма доходовъ рабочихъ равнялась въ 1891 году 700 милліонамъ фунтовъ стерлинговъ (круглымъ счетомъ), а сумма доходовъ капиталистовъ достигала, приблизительно, 800 мілл. фунт. ст.*) Я оговаривался, далѣе, что эти статистическія данныя кажутся мнѣ черезчуръ оптимистическими. Я имѣю основаніе предполагать, что сумма рабочей платы оцѣнена тутъ слишкомъ высоко, сумма же капиталистическихъ доходовъ слишкомъ низко. Но возьмемъ даже и эти цифры за 1891 г. Онѣ показываютъ, что если бы доходы капиталистовъ поступили въ пользу рабочихъ, то заработная плата могла бы увеличиться вдвое. Къ сожалѣнію, однакожъ, дѣло будетъ не такъ-то просто. Экспропріируя капиталъ, мы должны взять на себя и его общественныя функціи. А въ числѣ ихъ есть такая важная, какъ функція капиталистическаго накопленія. Капиталисты тратятъ на себя не весь свой доходъ; нѣкоторую часть его они откладываютъ на расширеніе производства. То же самое придется дѣлать и пролетарскому режиму, ибо и онъ долженъ расширять производство, — и по одной уже этой причинѣ онъ не могъ бы, даже въ случаѣ радикальной конфискаціи капитала, отчислить въ пользу рабочихъ всѣ прежніе капиталистическіе доходы. Но, сверхъ того, изъ получаемой ими прибавочной стоимости капиталисты должны отдавать еще нѣкоторую часть госу-

*) Фунтъ стерлинговъ немного менѣе 10 руб. (9 руб. 60 коп.) Прим. перев.

дарству, въ видѣ налоговъ. Эта доля должна возрасти до громадныхъ размѣровъ, когда единственнымъ государственнымъ и общиннымъ налогомъ будетъ прогрессивный налогъ на доходы и имущества. Потребности же, для удовлетворенія которыхъ необходимы налоги, не уменьшатся. Я уже указывалъ выше, какихъ громадныхъ расходовъ потребуютъ одни только преобразованія въ школьномъ дѣлѣ. А кромѣ того, будетъ введено въ широкихъ размѣрахъ страхованіе на случай болѣзни, увѣчія и старости для обезпеченія всѣхъ неспособныхъ къ труду, и т. д.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что на увеличеніе заработной платы осталось бы у насъ не очень-то много отъ теперешнихъ доходовъ капиталистовъ, если бы даже мы и конфисковали сразу весь капиталъ. А если мы захотимъ вознаградить капиталистовъ за экспропріируемое имущество, то останется еще гораздо меньше. Поэтому, для повышенія заработной платы будетъ безусловно необходимо увеличить размѣры производства по сравненію съ теперешнимъ его состояніемъ.

Не только обезпечить продолженіе производства, но и увеличить его размѣры, — такова будетъ неотложная задача соціальной революціи. Завоевавши политическую власть, пролетаратъ долженъ какъ можно скорѣе расширить производство для того, чтобы удовлетворить огромныя требованія, предъявляемыя къ новому режиму.

---

5. Увеличеніе производства.

Существуютъ различныя средства быстро увеличить размѣры производства. Важнѣйшія изъ нихъ два, которыя и теперь уже получили большое значеніе. Оба они съ успѣхомъ примѣняются американскими трэстами, у которыхъ мы вообще можемъ многому научиться по части методовъ соціальной революціи. Трэсты показываютъ намъ, какимъ образомъ можно повысить сразу производительность труда. Достигается это просто тѣмъ, что все производство сосредоточивается въ наилучше

обставленныхъ въ техническомъ отношеніи предпріятіяхъ, а всѣ остальныя, стоящія не на высотѣ современной техники, совсѣмъ закрываются. Напр., нѣсколько лѣтъ тому назадъ сахарный трэстъ эксплуатировалъ изъ всѣхъ заведеній, которыми онъ располагаетъ, только четвертую часть, и въ этой четверти своихъ заведеній онъ производилъ такое же количество продукта, какое раньше производилось во всѣхъ. Водочный трэстъ пріобрѣлъ 80 крупныхъ винокуренныхъ заводовъ и изъ этихъ 80 заводовъ сейчасъ же прекратилъ производство на 68-ми; онъ пустилъ въ ходъ только 12 винокуренныхъ заводовъ и на этихъ 12 заводахъ сталъ черезъ короткое время изготовлять виски больше, чѣмъ вырабатывалось прежде на 80 заводахъ. Вотъ точно такимъ же образомъ будетъ поступать и пролетарскій режимъ; и онъ тѣмъ легче можетъ такъ дѣйствовать, что ему не будетъ мѣшать частная собственность. Когда отдѣльныя предпріятія составляютъ частную собственность, браковка болѣе неудовлетворительныхъ изъ нихъ можетъ совершаться лишь медленно, путемъ свободной конкурренціи. Трэсты могли немедленно устранять стоящія на низкой ступени техники предпріятія только благодаря тому, что они уничтожали частную собственность на нихъ и сосредоточивали всѣ предпріятія въ однѣхъ рукахъ. Методъ, который трэсты въ состояніи примѣнять лишь въ сравнительно небольшой области производства, пролетарскій режимъ имѣетъ возможность распространить на всю область общественнаго производства, такъ какъ онъ уничтожаетъ всю частную капиталистическую собственность. Но его методъ, — повышеніе производительности посредствомъ закрытія промышленныхъ заведеній низшаго типа, — не только будетъ отличаться объемомъ своего примѣненія отъ метода теперешнихъ трэстовъ, — онъ будетъ, кромѣ того, примѣняться другимъ путемъ и для другихъ цѣлей. Новый режимъ прибѣгнетъ къ такого рода преобразованію прежде всего съ той цѣлью, чтобы имѣть возможность повысить заработную плату. Трэсту же нѣтъ никакого дѣла до рабочихъ. Рабочихъ, которые оказы-

ваются ненужными въ излишнихъ предпріятіяхъ, онъ просто на просто увольняетъ. И такимъ увольненіемъ онъ пользуется для того, чтобы оказывать давленіе на занятыхъ рабочихъ, понижать ихъ заработную плату, ставить ихъ въ большую зависимость отъ себя. Совсѣмъ, конечно, не такъ станетъ поступать пролетаріатъ, когда онъ получитъ власть. Рабочихъ, которые были заняты въ упраздняемыхъ предпріятіяхъ, онъ пристроитъ въ другихъ предпріятіяхъ, продолжающихъ дѣйствовать. Трэсты тѣмъ охотнѣе увольняютъ рабочихъ, что въ ихъ цѣли не входитъ значительно расширять производство. Чѣмъ болѣе увеличивается количество производимыхъ продуктовъ, тѣмъ больше становится ихъ предложеніе, тѣмъ ниже, при прочихъ равныхъ условіяхъ, падаетъ цѣна на нихъ. Трэсты же къ тому именно и стремятся, чтобы воспрепятствовать паденію цѣнъ. Поэтому, они стремятся скорѣе ограничивать производство, чѣмъ расширять его. Если трэсты пускаютъ въ ходъ только лучшія промышленныя заведенія, то они дѣлаютъ это прежде всего съ цѣлью понизить издержки производства, чтобы такимъ путемъ, при неизмѣнныхъ или даже возвышающихся цѣнахъ, увеличить прибыль, а отнюдь не съ цѣлью расширить производство. Для пролетарскаго же режима, напротивъ, важно именно расширеніе производства, такъ какъ онъ стремится повысить не прибыль, а заработную плату. Поэтому онъ увеличитъ до послѣдней степени число рабочихъ въ предпріятіяхъ высшаго типа, а кромѣ того, въ видахъ увеличенія производства, онъ можетъ въ каждомъ заведеніи ввести работу въ нѣсколько смѣнъ. Какъ это сдѣлать и какое сильное вліяніе можетъ это оказать на производство, я поясню на одномъ примѣрѣ, цифры котораго взяты, разумѣется, произвольно, но который не заключаетъ въ себѣ ничего фантастическаго, а имѣетъ реальный образецъ въ дѣятельности трэстовъ. Возьмемъ хоть германскую текстильную промышленность (обработка волокнистыхъ веществъ). Въ настоящее время она занимаетъ около 1 милліона рабочихъ (993.257 чел. въ 1895 году). Больше половины этого

числа (587.599 чел. въ 1895 г.) занято въ такихъ промышленныхъ заведеніяхъ, изъ которыхъ въ каждомъ насчитывается болѣе 50 рабочихъ. Предположимъ, что болѣе крупное, болѣе обширное заведеніе всегда является и болѣе совершеннымъ въ техническомъ отношеніи. Въ дѣйствительности это бываетъ не всегда такъ. Заведеніе съ 20 рабочими можетъ быть обставлено съ технической стороны несравненно лучше, нежели другое заведеніе въ той же отрасли промышленности съ 80 рабочими. Но въ общемъ и среднемъ наше предположеніе соотвѣтствуетъ дѣйствительности, и мы можемъ допустить здѣсь это тѣмъ скорѣе, что рѣчь идетъ лишь о примѣрѣ, приводимомъ для наглядности, а не о настоящемъ проектѣ, который долженъ быть осуществленъ завтра же на изложенныхъ здѣсь основаніяхъ. Предположимъ, что наиболѣе несовершенными являются заведенія съ числомъ рабочихъ ниже 50 чел. Всѣ эти заведенія будутъ закрыты, а ихъ рабочіе переведены въ заведенія, изъ которыхъ въ каждомъ занято болѣе 50 рабочихъ. Работать можно въ двѣ смѣны. Если теперь рабочій день равняется 10—11 час., то тогда его можно будетъ сократить до 8 час. для каждой смѣны. Такимъ образомъ, въ этихъ заведеніяхъ стали бы работать въ каждомъ на 6 часовъ въ день дольше, машины были бы использованы настолько же полнѣе, хотя рабочее время для каждаго работника было бы сокращено на два часа. Мы вправѣ предположить, что производство отдѣльнаго рабочаго отъ этого не уменьшится, така какъ многочисленные примѣры показываютъ, что выгодами отъ такого рода сокращенія рабочаго времени, вообще говоря, по меньшей мѣрѣ, уравновѣшиваются его невыгоды. Предположимъ, далѣе, что въ настоящее время одинъ рабочій заведенія низшаго типа производитъ въ годъ количество продуктовъ, представляющее цѣнность въ 2.000 марокъ, и что трудъ въ болѣе крупномъ заведеніи на 100% производительнѣе (Зинцгеймеръ принимаетъ такое именно отношеніе между производительностью крупныхъ и мелкихъ предпріятій), такъ что каждый рабочій въ крупномъ заведеніи

производитъ цѣнность въ 4.000 марокъ въ годъ. Въ такомъ случаѣ, полмилліона рабочихъ въ мелкихъ заведеніяхъ текстильной промышленности производятъ нынѣ количество продуктовъ цѣнностью въ 1 милліардъ марокъ; другіе же полмилліона рабочихъ, занятые въ крупныхъ заведеніяхъ, производятъ количество продуктовъ цѣнностью въ 2 милліарда марокъ. Слѣдовательно, милліонъ рабочихъ производитъ количество продуктовъ, цѣнность котораго равна 3 милліардамъ.

Если же при новомъ режимѣ рабочіе всѣ будутъ сосредоточены въ крупныхъ заведеніяхъ съ числомъ рабочихъ свыше 50 чел., то каждый рабочій произведетъ въ годъ цѣнность въ 4.000 марокъ, а всѣ рабочіе текстильной промышленности — 4 милліарда марокъ, т. е. на 1 милліардъ болѣе, чѣмъ прежде. Для удобосравнимости мы предполагаемъ, что при пролетарскомъ режимѣ производятся по прежнему цѣнности.

Но можно было бы пойти еще дальше, — именно, закрыть не только мелкія, но и среднія промышленныя заведенія съ числомъ рабочихъ отъ 50 до 200 чел., и все текстильное производство сосредоточить на самыхъ крупныхъ фабрикахъ съ числомъ рабочихъ болѣе 200 чел. Общее число рабочихъ въ самыхъ крупныхъ текстильныхъ заведеніяхъ равнялось въ 1895 году 350.306, т. е. составляло около трети всѣхъ рабочихъ текстильной промышленности. Слѣдовательно, для того, чтобы дать всѣмъ рабочимъ занятіе на крупнѣйшихъ фабрикахъ, пришлось бы ввести на нихъ работу въ три смѣны. Предположимъ, для избѣжанія ночной работы, что рабочее время каждаго работника сокращается до 5 часовъ, — на половину противъ нынѣшняго. Въ настоящее время одинъ рабочій въ самыхъ крупныхъ заведеніяхъ производитъ, скажемъ, въ четыре раза болѣе, чѣмъ рабочій въ мелкихъ заведеніяхъ, т. е. по нашему, — совершенно, какъ сказано, произвольному, — разсчету, 8.000 марокъ въ годъ. Отъ сокращенія рабочаго времени количество производимаго продукта сокращается въ меньшей мѣрѣ, такъ какъ трудъ рабочаго, пользующагося болѣе продолжительнымъ отдыхомъ, про-

пзводительнѣе труда рабочаго, надрывающагося на работѣ. Разъ мы вправѣ были допустить, что въ 8 часовъ рабочій сдѣлаетъ столько же, сколько теперь дѣлается въ 10 часовъ, то мы не впадемъ въ чрезмѣрный оптимизмъ, если предположимъ, что при сокращеніи рабочаго времени съ 8 до 5 часовъ количество производимыхъ рабочимъ продуктовъ уменьшится не болѣе какъ на 25%, и ужъ, конечно, менѣе чѣмъ на 37%. По этому разсчету, каждый рабочій произведетъ въ годъ, по меньшей мѣрѣ, 5.000, а можетъ быть и 6.000 марокъ; стало быть, всѣ рабочіе вмѣстѣ произведутъ продуктовъ на 5—6 милліардовъ. Такимъ образомъ, общая сумма производства увеличится вдвое противъ нынѣшняго, соотвѣтственно этому могутъ и заработныя платы увеличиться вдвое, — даже оставляя въ сторонѣ всякую конфискацію капиталовъ, — при одновременномъ сокращеніи рабочаго времени на половину. Мало того, въ нѣкоторыхъ случаяхъ возвышеніе заработныхъ платъ на основаніи приведенныхъ здѣсь цифръ можетъ быть даже еще больше. Предположимъ, что изъ нынѣшняго годового продукта текстильной промышленности, который мы опредѣлили въ три милліарда марокъ, одинъ милліардъ приходится на заработныя платы, другой милліардъ на возмѣщеніе сырья, машинъ и т. д., и третій на прибыль съ капитала. При новомъ режимѣ производится въ годъ 6 милліардовъ марокъ. Изъ нихъ 2 милліарда идетъ на сырье, машины и т. под., 1 милліардъ на вознагражденіе экспропріируемыхъ капиталистовъ и на отправленіе общественныхъ функцій, исполнявшихся до сихъ поръ ими. Остается 3 милліарда на заработную плату. Слѣдовательно, заработныя платы можно увеличить втрое. И все это — безъ всякихъ новыхъ заведеній, новыхъ машинъ, единственно благодаря закрытію мелкихъ фабрикъ и мастерскихъ и переводу изъ нихъ рабочихъ на крупныя фабрики. Для этого намъ нужно только произвести въ широкихъ размѣрахъ ту операцію, которую трэсты производятъ теперь въ небольшихъ размѣрахъ. Только частная собственность на средства производ-

ства мѣшаетъ развернуться такъ широко современнымъ производительнымъ силамъ.

Далѣе, этотъ методъ трэстовъ проливаетъ свѣтъ еще на одну сторону вопроса. Наши критики любятъ выставлять противъ насъ слѣдующее возраженіе: „Соціализировать производство еще долгое время будетъ невозможно, ибо число существующихъ нынѣ промышленныхъ заведеній слишкомъ велико для этого. Потребуется еще много времени для того, чтобы конкурренція убила мелкія предпріятія и такимъ образомъ создала возможность соціалистическаго производства. Вѣдь, число всѣхъ промышленныхъ заведеній въ Германской Имперіи достигаетъ $2\frac{1}{2}$ милліоновъ, въ одной текстильной промышленности насчитывается ихъ болѣе 200.000. Ну, гдѣ же справиться государству съ веденіемъ такой массы промышленныхъ предпріятій!“

Безспорно, задача кажется страшно громадною. Но она значительно упрощается, если предположить, что пролетарскій режимъ прибѣгнетъ къ методу, практикуемому трэстами, и, экспропріируя всѣ предпріятія, будетъ вести производство только въ крупныхъ промышленныхъ заведеніяхъ, стоящихъ на болѣе высокой ступени развитія въ техническомъ отношеніи.*) Изъ 200.000 заведеній текстильной промышленности насчитывается лишь 3.000 такихъ, которыя имѣютъ болѣе 50 рабочихъ каждое. Ясно, что концентрація промы-

*) Чтобы показать читателю, какъ велика канцентрація промышленности въ современной Россіи, приведемъ два примѣра. Въ $189\frac{4}{5}$ г. въ Европейской Россіи считалось фабрикъ и заводовъ (т. е. предпріятій съ механическими двигателями или съ числомъ рабочихъ не менѣе 16) — 14.578 съ 885.555 рабочими и съ суммой производства въ 1.345 милліоновъ рублей. Изъ нихъ крупнѣйшихъ фабрикъ, т. е. имѣющихъ по 100 и болѣе рабочихъ, было всего 1.468, т. е. $\frac{1}{10}$, но рабочихъ въ нихъ было 656 тысячъ — почти $\frac{3}{4}$ всего числа рабочихъ, а сумма производства была 955 милл. руб., т. е. $\frac{7}{10}$ всей суммы производства. Можно судить поэтому, какъ сильно могли бы мы повысить производительность труда, увеличить заработную плату и сократить рабочій день, если бы мы экспропріировали всѣхъ фабрикантовъ, закрыли мелкія заведенія и оставили только полторы тысячи крупнѣйшихъ

шленности въ этихъ, болѣе крупныхъ заведеніяхъ уже весьма значительно упрощаетъ задачу общественнаго регулированія производства. Еще проще становится она, если предположить, что пролетарскій режимъ закроетъ всѣ промышленныя заведенія съ числомъ рабочихъ ниже 200 чел.; тогда изъ 200.000 заведеній въ текстильной промышленности останется всего только 800. Контролировать работу такого числа заведеній уже ни въ какомъ случаѣ не окажется невозможнымъ.

Отсюда вытекаетъ еще одинъ важный выводъ. Наши противники, а также и пессимисты изъ нашей собственной партіи, измѣряютъ степень зрѣлости нашего общества для соціалистическаго производства числомъ рукъ, которыя современное общество тащитъ съ собою и отъ которыхъ быстро избавиться оно не въ состояніи. То и дѣло указываютъ намъ съ торжествомъ на огромное множество мелкихъ хозяйствъ, продолжающихъ существовать и до сихъ поръ. Однакожъ, степень зрѣлости общества для перехода къ соціализму измѣряется въ дѣйствительности не числомъ мелкихъ хозяйствъ, еще существующихъ, а числомъ крупныхъ предпріятій, которыя уже существуютъ. Безъ развитого крупнаго производства соціализмъ невозможенъ. Но тамъ, гдѣ крупное производство получило широкое распространеніе, соціалистическому обществу очень не трудно сконцентрировать производство въ крупныхъ предпріятіяхъ и чрезвычайно быстро отдѣлаться отъ мелкихъ хозяйствъ. Вороны соціализма, умѣющіе своимъ зловѣщимъ карканьемъ предвѣщать только грядущія неудачи соціализма, упорно цѣпляются за тотъ фактъ, что число мелкихъ предпріятій въ Германской Имперіи съ 1882 до 1895 гг. увеличилось на 1,8%;

фабрикъ съ двухсмѣнной работой по восьми или трехсмѣнной работой по пяти часовъ! — Другой примѣръ. Кустарныхъ кожевенныхъ заводовъ считали въ Европ. Россіи въ 1890 г. около **9** съ половиной тысячъ съ 21 тыс. рабочихъ и съ производствомъ въ 12 милл. руб. Въ то же время **66** паровыхъ кожевенныхъ заводовъ съ 5[illegible] тысячами рабочихъ вырабатывало продукта тоже на 12 милл. рублей! Прим. переводчика.

но они упорно закрываютъ глаза на другого рода фактъ, именно: что за тотъ же самый періодъ число крупныхъ предпріятій съ количествомъ рабочихъ свыше 50 чел. увеличилось на 90%, а число колоссальныхъ предпріятій съ количествомъ рабочихъ свыше 1.000 чел. — на цѣлыхъ 100%. Это-то увеличеніе числа крупныхъ и крупнѣйшихъ предпріятій и служитъ предварительнымъ условіемъ осуществленія соціализма, — и, какъ видимъ, оно выполняется въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Если притомъ число мелкихъ хозяйствъ абсолютно не уменьшается, то это доказываетъ лишь, что количество рунъ, которое предстоитъ смести съ лица земли пролетарскому режиму, еще значительно. Впрочемъ, трэсты обѣщаютъ и въ этомъ отношеніи порядкомъ расчистить намъ дорогу.

Они подаютъ намъ хорошій примѣръ еще въ другомъ отношеніи. Теперешніе трэсты увеличиваютъ свою прибыль не только путемъ повышенія производительности труда своихъ рабочихъ, но и при помощи всевозможныхъ сокращеній расходовъ, — они выгадываютъ на машинахъ, на вспомогательныхъ матеріалахъ, на издержкахъ транспорта. При соціалистическомъ производствѣ эта экономизація должна будетъ получить еще болѣе широкіе размѣры. Чтобы пояснить это на примѣрѣ, возьмемъ опять текстильную промышленность. Доставка сырья и вспомогательнаго матерьяла въ 200.000 заведеній обходится несравненно дороже, чѣмъ доставка ихъ въ 800 заведеній. То же самое надобно сказать о расходахъ по управленію предпріятіемъ. Правда, изъ 200.000 заведеній самыя мелкія не требуютъ никакого спеціальнаго надзора, — сюда можно отнести заведенія съ числомъ рабочихъ менѣе 5 чел. Здѣсь руководитель самъ работаетъ вмѣстѣ съ рабочими. Только 12.000 заведеній имѣютъ болѣе обширные размѣры. Но и для управленія ими требуется гораздо больше административныхъ силъ, нежели для управленія 800 заведеній. Другія сокращенія расходовъ получаются благодаря тому, что трэсты устраняютъ борьбу конкуррирующихъ предпріятій за покупателей. Съ тѣхъ поръ,

какъ въ Соединенныхъ Штатахъ появляются трэсты, число коммивояжеровъ уменьшается. Вотъ самый поразительный случай этого рода, сообщаемый Дженксомъ (J. W. Jenks) въ одной статьѣ: одинъ трэстъ до такой степени расширилъ размѣры своего производства, что число занятыхъ въ его предпріятіяхъ неквалифицированныхъ рабочихъ увеличилось съ его основанія на 51%, а число квалифицированныхъ — на 14%; напротивъ, число его коммивояжеровъ за тотъ же періодъ сократилось на 75%. Тотъ же Дженксъ сообщаетъ, что нѣкоторые трэсты, по ихъ собственнымъ показаніямъ, выгадываютъ отъ 40 до 85% и даже болѣе на расходахъ по печатанію объявленій и рекламъ.

Наконецъ, повышеніе заработной платы промышленнымъ рабочимъ освободитъ множество рабочихъ силъ, которыя теперь гнѣздятся на подобіе паразитовъ въ посреднической торговлѣ. Онѣ влачатъ жалкое существованіе въ своихъ мелкихъ лавочкахъ не потому, чтобы была необходимость въ этихъ лавочкахъ, а потому, что ихъ хозяева потеряли всякую надежду отыскать себѣ другое занятіе, или же потому, что работой по найму они могутъ заработать слишкомъ мало, чтобы прокормиться, и нуждаются въ подсобномъ заработкѣ.

Изъ двухъ почти милліоновъ человѣкъ, которые заняты теперь въ Германской Имперіи въ промышленности торговой и перевозочной (не считая почты и желѣзныхъ дорогъ) и въ трактирномъ промыслѣ, освободилось бы, вѣроятно, при достаточно высокихъ заработныхъ платахъ въ промышленности и при достаточномъ спросѣ на рабочія силы, около милліона душъ, которыя могли бы перейти отъ паразитической къ производительной дѣятельности.

Таковы два способа увеличить производительную способность всего рабочаго населенія: уничтоженіе паразитическихъ занятій и концентрація производства въ промышленныхъ заведеніяхъ высшаго типа. Примѣняя оба эти средства, пролетарскій режимъ можетъ немедленно поднять производство до такого высокаго уровня, что явится возможность значительно увеличить зара-

ботную плату и вмѣстѣ съ тѣмъ сократить рабочее время. Всякое увеличеніе заработной платы и сокращеніе рабочаго времени должно въ свою очередь увеличивать притягательную силу труда и привлекать къ участію въ производствѣ новыхъ работниковъ, которые до сихъ поръ занимались паразитическими промыслами, каковы: прислуга, мелкіе лавочники и т. д. Чѣмъ выше заработная плата, тѣмъ больше рабочихъ. Но въ приложеніи къ соціалистическому строю можно сказать и наоборотъ: чѣмъ больше работниковъ, тѣмъ меньше въ обществѣ бездѣльниковъ, тѣмъ больше производится, тѣмъ выше заработная плата. Законъ этотъ былъ бы безсмыслицей въ обществѣ, зиждущемся на свободной конкурренціи, гдѣ заработная плата падаетъ тѣмъ ниже, — при прочихъ равныхъ условіяхъ, — чѣмъ выше предложеніе рабочей силы. Но именно такой законъ рабочей платы свойствененъ соціалистическому способу производства.

---

6. Организація процесса воспроизводства.

Примѣненіемъ двухъ описанныхъ сейчасъ пріемовъ къ самому производству еще отнюдь не исчерпываются первыя задачи пролетарскаго режима по части дальнѣйшаго веденія производства. Для процесса производства, какъ процесса возобновляющагося, какъ процесса воспроизводства, необходимо безостановочное теченіе не только производства, но и обращенія. Для безпрерывнаго продолженія производства нужны не одни только рабочіе, изготовляющіе продукты, — небходимо еще, чтобы не происходило никакой остановки въ доставкѣ сырья, вспомогательныхъ матеріаловъ (угля), новыхъ орудій и машинъ взамѣнъ изношенныхъ, жизненныхъ припасовъ для рабочихъ, необходимо, чтобы изготовленные продукты находили себѣ сбытъ.

Остановка обращенія означаетъ экономическій кризисъ. Она можетъ, прежде всего, произойти отъ того, что оказывается произведеннымъ слишкомъ много извѣстныхъ товаровъ. Въ такомъ случаѣ промышлен-

ныя заведенія, гдѣ производятся эти товары, лишаются возможности функціонировать въ полной мѣрѣ, такъ какъ продукты ихъ не находятъ достаточно сбыта. Они перестаютъ получать деньги за свои товары и вслѣдствіе этого начинаютъ терпѣть недостатокъ въ средствахъ для покупки сырья, для расплаты съ рабочими и т. д. Но кризисы могутъ наступать и оттого, что произведено слишкомъ мало извѣстныхъ товаровъ, какъ это было, напр., во время кризиса англійской хлопчатобумажной промышленности, вызваннаго междоусобной войною въ Соединенныхъ Штатахъ, когда производство хлопка сильно сократилось.

Кризисы являются самыми сильными бичами современнаго способа производства. Устранить ихъ — одна изъ важнѣйшихъ задачъ пролетарскаго режима. Но этого можно достигнуть только путемъ планомѣрнаго регулированія и производства и обращенія, т. е. всего процесса воспроизводства.

Говорятъ обыкновенно, что задача соціализма — организовать производство. Но часть этой задачи выполняетъ уже капиталъ, замѣняя множество независимыхъ одно отъ другого мелкихъ предпріятій организаціей производства въ одномъ крупномъ предпріятіи, въ которомъ работаютъ иногда тысячи рабочихъ. Трэсты идутъ еще дальше,—они организуютъ производство цѣлыхъ отраслей промышленности. Но что въ состояніи сдѣлать одинъ только пролетарскій режимъ, такъ это — регулировать планомѣрно обращеніе продуктовъ, обращеніе между разными предпріятіями, между производителемъ и потребителемъ,—при чемъ понятіе „потребитель“ принимается въ самомъ широкомъ смыслѣ, обнимая не только личное, но и производительное потребленіе. У ткача, напр., пряжа служитъ предметомъ производительнаго потребленія; напротивъ, хлѣбъ, который онъ ѣстъ, относится къ области его личнаго потребленія.

Регулировать планомѣрно обращеніе продуктовъ можетъ одинъ лишь пролетаріатъ посредствомъ уничтоженія частной собственности на предпріятія, — и онъ не

только можетъ, онъ долженъ это сдѣлать для того, чтобы обезпечить безостановочное продолженіе процесса производства подъ своимъ руководствомъ, для того, слѣдовательно, чтобы упрочить существованіе своего собственнаго режима. Онъ долженъ опредѣлять размѣры производства въ каждомъ отдѣльномъ общественномъ предпріятіи на основаніи подсчета наличныхъ производительныхъ силъ (работниковъ и средствъ производства) и наличной потребности въ продуктахъ, онъ долженъ заботиться о томъ, чтобы въ каждое предпріятіе доставлялись не только необходимыя рабочія силы, но и необходимыя средства производства, а изготовленные продукты сбывались потребителямъ.

Но, — скажутъ намъ, — развѣ мыслимо выполнить эту задачу въ современномъ крупномъ государствѣ? Попробуйте-ка, напр., въ Германіи представить себѣ государство въ роли завѣдывающаго не только производствомъ цѣлыхъ двухъ милліоновъ предпріятій, но и обращеніемъ ихъ продуктовъ, которые надо отчасти доставлять изъ одного предпріятія въ другое въ видѣ средствъ производства, отчасти сбывать въ видѣ предметовъ потребленія 60-ти милліонамъ потребителей съ разнообразными и непостоянными потребностями! Задача представляется подавляющею, — если не предполагать, что можно регламентировать и потребности людей по одному простому шаблону, что можно сократить ихъ потребности и выдавать каждому причитающуюся ему порцію, какъ дѣлается въ казармѣ, т. е. другими словами — низвести современную культурную жизнь на неизмѣримо болѣе низкую ступень! Такъ неужели же „государство будущаго“ должно представлять изъ себя не что иное, какъ казарму или тюрьму?

Задача, безъ сомнѣнія, не легкая. Это — самая трудная изъ тѣхъ задачъ, которыя придется разрѣшать пролетарскому режиму. Надъ ней придется поработать. Но не надобно и преувеличивать ея трудности.

Прежде всего, нужно замѣтить, что дѣло идетъ тутъ не о томъ, чтобы въ одну ночь создать изъ ничего совершенно новую организацію производства и обраще-

нія. Такая организація имѣется до извѣстной степени уже и въ настоящее время, иначе не возможно было бы и существованіе теперешняго общества. Но эта организація до сихъ поръ была стихійной, безсознательной. Она складывалась за спиною людей, складывалась съ грѣхомъ пополамъ, среди всякихъ треній, банкротствъ и кризисовъ, подъ вліяніемъ дѣйствія закона стоимости. И все дѣло сводится только къ тому, чтобы сдѣлать эту организацію сознательною, чтобы на мѣсто спроса и предложенія, которые своей игрою поправляютъ, заднимъ числомъ, сдѣланныя ошибки, — поставить предварительный учетъ всѣхъ необходимыхъ факторовъ.

Пропорціональность различныхъ отраслей труда существуетъ уже и теперь, хотя несовершенная и не устойчивая; ее не придется создавать вновь, — ее нужно лишь сдѣлать болѣе совершенною и болѣе прочною. Въ данномъ случаѣ, какъ и при рѣшеніи вопроса о деньгахъ и цѣнахъ, мы должны исходить изъ исторически даннаго, — наше дѣло будетъ не создавать все заново, а только расширить въ однихъ пунктахъ, ограничить въ другихъ, тѣснѣе связать и закрѣпить въ третьихъ.

А кромѣ того, задача значительно упрощается благодаря тому, что сосредоточеніе производства въ наилучше оборудованныхъ заведеніяхъ приведетъ къ сильному сокращенію числа промышленныхъ предпріятій. Мы уже говорили объ этомъ выше. Изъ 2.146.972 предпріятій, зарегистрированныхъ въ германской промышленности въ 1895 году, крупныхъ предпріятій, съ числомъ рабочихъ свыше 50 чел., было всего лишь 17.941 (въ нихъ было занято 3 милліона рабочихъ, при общемъ числѣ промышленныхъ рабочихъ въ 8 милліоновъ). Я не утверждаю, конечно, что при пролетарскомъ режимѣ будутъ работать только эти крупныя предпріятія. Смѣшно было бы пытаться дать точныя цифры для будущихъ порядковъ. Всѣ приводимыя нами числа имѣютъ цѣлью лишь иллюстрировать стоящія передъ нами проблемы, а не съ точностью изобразить, какой именно

видъ получатъ вещи въ дѣйствительности. Отношеніе двухъ милліоновъ промышленныхъ предпріятій къ 18 тысячамъ крупныхъ промышленныхъ заведеній должно, слѣдовательно, указывать лишь на то, что число промышленныхъ заведеній подвергнется сильному сокращенію при пролетарскомъ режимѣ.

Но трудность организаціи производства и обращенія окажется не столь значительной не только вслѣдствіе сокращенія числа промышленныхъ заведеній, а и по другимъ причинамъ.

Все производство можно раздѣлить на двѣ обширныхъ области: производство для потребленія и производство для производства. Производство средствъ производства сдѣлалось теперь, благодаря широкому развитію раздѣленія труда, самой важной частью производства, и эта область продолжаетъ принимать все болѣе и болѣе широкіе размѣры. Не найдется почти ни одного предмета потребленія, который бы изготовлялся отъ начала до конца однимъ производителемъ; огромное большинство проходитъ чрезъ множество мастерскихъ, такъ что тотъ, кто придастъ предмету потребленія окончательный видъ, является лишь послѣднимъ звеномъ въ длинномъ рядѣ работающихъ надъ нимъ производителей. А производство предметовъ потребленія и производство средствъ производства рѣзко отличаются другъ отъ друга по своему характеру. Изготовленіе средствъ производства составляетъ область господства гигантскихъ предпріятій: таковы — желѣзная промышленность, горное дѣло и т. д. Въ настоящее время эти отрасли промышленности уже выработали высоко развитую организацію въ видѣ предпринимательскихъ союзовъ, картелей, трэстовъ и т. д. Да и среди покупателей этихъ средствъ производства предпринимательскіе союзы достигли уже высокаго развитія. Теперь во многихъ случаяхъ торговлю ведутъ здѣсь уже не отдѣльный предприниматель съ отдѣльнымъ предпринимателемъ, а предпринимательскій союзъ съ предпринимательскимъ союзомъ, одна отрасль промышленности съ другою отраслью промышленности. Даже и

тамъ, гдѣ предпринимательскіе союзы не получили такого широкаго развитія, — противъ небольшого числа потребителей средствъ производства всегда стоитъ сравнительно небольшое число производителей. Дѣло въ томъ, что потребителемъ здѣсь является не индивидуумъ, а цѣлое предпріятіе. Въ фабрикаціи прядильныхъ и ткацкихъ машинъ, напр., насчитывалось въ 1895 г. въ Германіи 1.152 предпріятія съ 17.047 рабочими; но изъ нихъ едва имѣли какое-нибудь значеніе 774 мелкихъ предпріятія, въ которыхъ было занято только 1.474 рабочихъ. Крупныхъ предпріятій насчитывалось лишь 73, съ 10.355 рабочими. Противъ нихъ стоитъ 200.000 предпріятій текстильной промышленности (не только прядильенъ и ткацкихъ), число которыхъ можно, какъ мы видѣли, сократить до нѣсколькихъ тысячъ, а быть можетъ и до нѣсколькихъ сотенъ. Послѣ сосредоточенія производства въ наилучше обставленныхъ технически заведеніяхъ, останется, быть можетъ, 50 машиностроительныхъ заводовъ — съ одной стороны, 2.000 прядильенъ и ткацкихъ — съ другой. Неужели такъ трудно первымъ сговориться съ послѣдними насчетъ необходимаго количества машинъ и планомѣрно регулировать свое производство?

При такомъ сравнительно небольшомъ числѣ производителей и потребителей вполнѣ естественно, что въ области фабрикаціи средствъ производства и теперь уже сокращается производство на вольный рынокъ и увеличивается производство на заказъ, т. е. планомѣрное, заранѣе разсчитанное производство и обращеніе.

Иной характеръ носитъ производство предметовъ потребленія. Встрѣчаются, правда, и здѣсь гигантскія предпріятія (сахарные заводы, пивоварни), но, вообще говоря, въ этой области преобладаетъ мелкое производство. Здѣсь еще въ очень многихъ случаяхъ приходится сообразоваться съ индивидуальными потребностями покупателей, а мелкому производству легче сдѣлать это, нежели крупному. Число промышленныхъ заведеній въ этой области очень велико и не можетъ быть уменьшено такъ значительно, какъ въ области фа-

брикаціи средствъ производства. Здѣсь господствуетъ производство на вольный рынокъ, и самый рынокъ, при многочисленности потребителей, далеко не въ такой степени поддается учету, какъ въ области фабрикаціи средствъ производства. Число предпринимательскихъ союзовъ здѣсь меньше. Поэтому организація производства предметовъ потребленія представитъ гораздо больше трудностей, чѣмъ организація производства и обращенія средствъ производства.

Но и эту область мы должны раздѣлить на два отдѣла: на производство необходимыхъ предметовъ потребленія и производство предметовъ роскоши. Спросъ на необходимые предметы потребленія подверженъ лишь незначительнымъ колебаніямъ, онъ отличается въ большей или меньшей степени постоянствомъ. Изо-дня въ день требуются приблизительно одинаковыя количества муки, хлѣба, мяса, овощей; спросъ на обувь и бѣлье измѣняется мало изъ году въ годъ. Но чѣмъ болѣе предметы потребленія принимаютъ характеръ предметовъ роскоши, обладаніе или пользованіе которыми доставляетъ удовольствіе, но не составляетъ необходимости, тѣмъ болѣе подверженъ колебаніямъ спросъ на нихъ. Здѣсь уже потребленіе отличается гораздо большей прихотливостью. Присматриваясь къ дѣлу ближе, мы видимъ, однакожъ, что источникъ этой прихотливости кроется скорѣе въ промышленности, чѣмъ въ покупателяхъ. Напримѣръ, колебанія моды обусловливаются, какъ извѣстно, не столько измѣненіями во вкусахъ публики, сколько тѣмъ, что старые, уже распроданные товары фабриканты стараются представить въ глазахъ публики непригодными для дальнѣйшаго употребленія и такимъ путемъ побудить потребителей покупать новые товары. Поэтому новый модный товаръ долженъ рѣзко отличаться по виду отъ стараго. Наряду съ подвижностью, коренящеюся въ природѣ современнаго способа производства, именно этотъ интересъ фабрикантовъ служитъ главной причиною быстрой смѣны модъ. Новыя моды вводятся фабрикантами, и они уже потомъ навязываютъ ихъ публикѣ.

Далѣе. Колебанія размѣровъ сбыта предметовъ потребленія вообще, и предметовъ роскоши въ особенности, вызываются не столько измѣненіями вкусовъ, сколько измѣненіями въ размѣрѣ доходовъ потребителей. Въ свою очередь, эти послѣднія измѣненія вызываются смѣной періодовъ промышленнаго процвѣтанія и періодовъ кризиса, періодовъ повышеннаго спроса на трудъ и періодовъ безработицы; — я говорю, конечно, не объ индивидуальныхъ измѣненіяхъ, а о такихъ, которыя затрогиваютъ болѣе или менѣе широкіе слои общества, которыя оказываютъ ощутительное вліяніе на размѣры потребленія всего общества. Если же мы взглянемъ на источникъ этихъ колебаній,то увидимъ, что они берутъ начало въ области производства средствъ производства. Всѣмъ извѣстно и всѣми признано, что въ настоящее время источникомъ кризисовъ является главнымъ образомъ желѣзодѣлательная промышленность.

Такимъ образомъ, смѣна періодовъ процвѣтанія промышленности и кризисовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и крупныя колебанія въ размѣрахъ потребленія предметовъ потребленія, обусловливаются причинами, кроющимися въ области производства средствъ производства; — а въ этой области, какъ мы видѣли, концентрація предпріятій и организація производства и теперь уже достигли такого развитія, что здѣсь всего легче ввести полную организацію производства и обращенія. Устойчивость въ производствѣ средствъ производства влечетъ за собою и устойчивость въ спросѣ на предметы потребленія; размѣры этого спроса легко опредѣлить статистически, не подвергая регламентаціи самого потребленія.

Притомъ пролетарскому режиму могъ бы быть опасенъ только одинъ видъ нарушеній правильности обращенія, поскольку эти нарушенія зависятъ отъ производства, — а именно, только недопроизводство, а не перепроизводство. Въ настоящее время именно перепроизводство служитъ главнѣйшей причиной кризисовъ, такъ какъ наибольшую трудность представляетъ теперь продажа продуктовъ, ихъ сбытъ. Купить же нужные продукты, достать ихъ — не стоитъ въ боль-

шинствѣ случаевъ никакого труда, по крайней мѣрѣ, для тѣхъ счастливцевъ, у которыхъ водятся деньги въ карманѣ. При пролетарскомъ режимѣ дѣло будетъ обстоять какъ разъ наоборотъ. О сбытѣ изготовленныхъ продуктовъ не придется особенно безпокоиться. При пролетарскомъ режимѣ продукты производятъ не частныя лица для продажи другимъ частнымъ лицамъ, а производитъ общество для удовлетворенія своихъ собственныхъ потребностей. Кризисы здѣсь могутъ возникнуть лишь въ томъ случаѣ, когда для удовлетворенія нуждъ производительнаго или личнаго потребленія будетъ произведено недостаточное количество какихъ либо продуктовъ. Если же въ нѣкоторыхъ или во всѣхъ отрасляхъ производится слишкомъ много продуктовъ, то это означаетъ, правда, мотовство рабочей силы, а слѣдовательно, извѣстную потерю для общества, но это нисколько не мѣшаетъ правильному ходу производства и потребленія. Главнымъ образомъ придется новому режиму заботиться о томъ, чтобы ни въ одной отрасли производства не производилось слишкомъ мало продуктовъ. Притомъ онъ будетъ, безъ сомнѣнія, стремиться къ тому, чтобы рабочая сила не растрачивалась на излишнее производство, такъ какъ всякая подобная растрата рабочей силы означаетъ, помимо всего прочаго, ненужное удлиненіе рабочаго времени.

7. Остатки частной собственности на средства производства.

Мы видѣли, что пролетарскій режимъ будетъ въ большинствѣ случаевъ быстро уничтожать мелкое производство, разъ оно является технически несовершеннымъ производствомъ какъ въ промышленности, такъ и въ розничной торговлѣ. Затѣмъ, отмѣченное уже нами стремленіе организовать обращеніе также приведетъ къ сведенію роли мелкой розничной торговли до минимума, къ вытѣсненію мелкихъ торговцевъ какъ потребительными товариществами, такъ и коммунальными учрежденіями. Въ интересахъ правильнаго учета и наилучшей

организаціи процесса производства очень важно, чтобы завѣдующему имъ правленію приходилось имѣть дѣло не съ безчисленнымъ множествомъ потребителей, а съ небольшимъ числомъ организацій.

Кромѣ розничной торговли, въ руки потребительныхъ товариществъ и общинъ перейдетъ также непосредственное производство предметовъ потребленія для удовлетворенія мѣстнаго спроса, напримѣръ, хлѣбопеченіе, производство молока и овощей, постройка жилищъ.

Однако было бы ошибочно предполагать, что такимъ путемъ исчезнутъ всѣ частныя мелкія предпріятія. Не исчезнутъ они прежде всего въ области сельскаго хозяйства. Конечно, тѣ сельскохозяйственныя предпріятія, которыя теперь уже стали предпріятіями капиталистическими, рушатся съ паденіемъ системы наемнаго труда и перейдутъ въ руки государства, общинъ или товариществъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и многіе изъ теперешнихъ мелкихъ крестьянъ бросятъ свое хозяйство и поступятъ рабочими въ крупныя промышленныя заведенія или сельскохозяйственныя экономіи, которыя будутъ обезпечивать имъ удовлетворительное существованіе. Но все-таки останутся, по всей вѣроятности, такіе крестьяне, которые будутъ продолжать вести свое маленькое хозяйство съ помощью членовъ собственной семьи или, въ крайнемъ случаѣ, съ помощью одного батрака или служанки, считающихся тоже членами семьи. При теперешнемъ консервативномъ складѣ характера нашихъ крестьянъ въ высшей степени вѣроятно, что многіе изъ нихъ захотятъ продолжать вести хозяйство попрежнему. Пролетарская государственная власть, въ свою очередь, тоже не будетъ имѣть ни малѣйшаго желанія брать въ свои руки такого рода мелкія крестьянскія хозяйства. До сихъ поръ ни одинъ серьезный соціалистъ, не требовалъ никогда, чтобы крестьяне были экспропріированы, или чтобы ихъ земли были конфискованы. Каждому мелкому крестьянину будетъ, по всей вѣроятности, предоставлено и впредь вести свое хозяйство на прежнихъ основаніяхъ. Крестьянину нечего бояться соціалистическаго режима.

Очень вѣроятно даже, что эти крестьянскія хозяйства окрѣпнутъ, благодаря соціалистическому режиму. Онъ дастъ имъ уничтоженіе милитаризма, освобожденіе отъ налоговъ, самоуправленіе, переложеніе на государство расходовъ на школьное и дорожное дѣло, избавленіе отъ расходовъ по содержанію бѣдныхъ, огосударствленіе, а можетъ быть вдобавокъ пониженіе, платежей по ипотекамъ, и много другихъ выгодъ. Мы видѣли также, что овладѣвшій государственной властью пролетаріатъ въ силу цѣлаго ряда причинъ будетъ стремиться увеличить количество производимыхъ въ странѣ продуктовъ, а къ числу продуктовъ, спросъ на которые будетъ возростать, надобно отнести прежде всего и продукты сельскохозяйственные. Несмотря на всѣ опроверженія „теоріи обнищанія", въ настоящее время все еще очень много голодныхъ людей, и одинъ уже этотъ фактъ даетъ намъ право предположить, что повышеніе заработной платы скажется прежде всего въ увеличеніи спроса на продукты сельскаго хозяйства. Пролетарскій режимъ будетъ, слѣдовательно, сильнѣйшимъ образомъ заинтересованъ въ томъ, чтобы крестьянское производство увеличивалось, и онъ окажетъ ему съ этой цѣлью существенную поддержку. Въ своихъ собственныхъ интересахъ онъ долженъ будетъ позаботиться о поднятіи отсталаго крестьянскаго хозяйства на болѣе высокую ступень развитія, доставляя ему скотъ, машины, удобреніе, производя меліораціи почвы, и т. д. Такимъ путемъ онъ будетъ способствовать увеличенію производства сельскохозяйственныхъ продуктовъ, даже и въ тѣхъ хозяйствахъ, которыя еще не сдѣлались общественными.

Однако сила вещей и здѣсь приведетъ, какъ и въ другихъ областяхъ народнаго хозяйства, къ необходимости упростить процессъ обращенія продуктовъ путемъ замѣны множества частныхъ лицъ, обмѣнивающихся между собою продуктами, небольшимъ числомъ организацій, ведущихъ между собою хозяйственныя сношенія. Государство будетъ предпочитать доставлять племенной скотъ, машины, удобреніе не отдѣльнымъ крестьянамъ, а крестьянскимъ общинамъ и товариществамъ. Эти об-

щины и товарищества будутъ сбывать свои продукты уже не частнымъ торговцамъ-посредникамъ, а опять-таки товариществамъ (потребительнымъ обществамъ), общинамъ и государственнымъ промышленнымъ заведеніямъ (мельницамъ, сахарнымъ заводамъ, пивоварнямъ и т. д.). Такимъ образомъ, частное хозяйство будетъ и здѣсь все болѣе и болѣе отступать на задній планъ, уступая мѣсто хозяйству общественному, а это послѣднее въ концѣ концовъ преобразуетъ и само крестьянское хозяйство, превращая товарищескіе или общинные союзы мелкихъ предпріятій въ крупныя общественныя предпріятія. Крестьяне будутъ соединять свои земли и обрабатывать ихъ сообща, въ особенности, когда увидятъ, какія выгоды доставляетъ хозяйство на товарищескихъ началахъ, заведенное въ экспропріированныхъ крупныхъ экономіяхъ, — когда увидятъ, что въ такихъ экономіяхъ при одинаковой затратѣ труда производится больше продуктовъ, или если производится такое же количество продуктовъ, то у рабочихъ остается гораздо больше досуга, чѣмъ въ мелкихъ хозяйствахъ. Если мелкое производство и продолжаетъ теперь все еще держаться въ сельскомъ хозяйствѣ, то объясняется это въ значительной степени тѣмъ, что оно выжимаетъ изъ своихъ рабочихъ больше труда, нежели можетъ выжимать крупное производство. Это несомнѣнный фактъ, что крестьяне работаютъ несравненно больше, чѣмъ наемные рабочіе у крупныхъ землевладѣльцевъ. У крестьянина почти никогда не бываетъ свободнаго времени, да и въ минуты досуга онъ поглощенъ думами о томъ, какъ бы улучшить свое хозяйство. Для крестьянина не существуетъ ничего, кромѣ его хозяйства, и это служитъ также одною изъ причинъ, почему намъ, соціальдемократамъ, такъ трудно привлечь его на свою сторону.

Впрочемъ, послѣднее относится лишь къ старому поколѣнію. Молодое поколѣніе настроено уже иначе, оно чувствуетъ сильное влеченіе къ удовольствіямъ и развлеченіямъ, къ веселью, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ болѣе высокой культурѣ; но, не будучи въ состояніи удовле-

творить эти потребности, оставаясь въ деревнѣ, оно стремится въ города, — и вотъ деревня пустѣетъ. Когда же крестьянинъ увидитъ, что можно заниматься сельскимъ хозяйствомъ, не отказываясь отъ возможности располагать досугомъ и пользоваться благами культуры, — онъ не будетъ убѣгать отъ сельскаго хозяйства, а просто станетъ переходить отъ мелкаго производства къ крупному, — и такимъ образомъ исчезнетъ одинъ изъ послѣднихъ оплотовъ частной собственности.

Но пролетаріатъ не прибѣгнетъ къ насильственному ускоренію этого процесса, не прибѣгнетъ по той уже простой причинѣ, что не захочетъ безъ всякой нужды доводить дѣло до кровавыхъ столкновеній, — а къ этому именно привела бы всякая попытка навязать крестьянамъ новый способъ производства. Какъ бы высоко ни оцѣнивали мы жажду борьбы и неустрашимость пролетаріата, — его борьба направляется не противъ мелкаго люда, который самъ подвергается эксплуатаціи, а противъ крупныхъ эксплуататоровъ!

Затѣмъ, остаются еще мелкія предпріятія въ области промышленности. Они тоже не могутъ совершенно исчезнуть въ близкомъ будущемъ. Конечно, въ тѣхъ случаяхъ, когда плохо обставленныя предпріятія конкуррируютъ съ предпріятіями болѣе совершеннаго типа, новый режимъ будетъ всегда стараться закрыть первыя, чтобы сосредоточить рабочихъ въ хорошо обставленныхъ крупныхъ промышленныхъ заведеніяхъ, куда ихъ можно безъ труда привлечь помимо всякихъ насильственныхъ мѣръ, назначивъ имъ тамъ болѣе высокую заработную плату. Однако, есть все же такія отрасли промышленности, гдѣ машина еще не въ состояніи успѣшно конкуррировать съ ручнымъ трудомъ, или гдѣ съ помощью машины нельзя исполнить нѣкоторыя операціи, совершаемыя ручнымъ способомъ. Характерно, впрочемъ, что при просмотрѣ данныхъ промысловой статистики Германской Имперіи мнѣ не удалось найти такой отрасли промышленности, въ которой до сихъ поръ исключительно господствовало бы мелкое производство, — за однимъ ничтожнымъ исключеніемъ (4

предпріятія съ 1 рабочимъ на каждое). Приведу нѣкоторыя статистическія данныя, которыя, насколько мнѣ извѣстно, нигдѣ еще не приводились. Въ нижеслѣдующихъ отрасляхъ промышленности почти исключительно господствуетъ еще мелкое производство (болѣе 97% общаго числа предпріятій), крупныхъ же предпріятій (съ числомъ рабочихъ свыше 50 человѣкъ) въ нихъ пока совсѣмъ не имѣется:

	Число предпр. съ 1—5 рабочими.	6—50 рабоч.	Число двигателей.
Производство точильн. камней.	77	2	52
Производство скрипокъ.	1.037	24	5
Изготовленіе анатомическихъ препаратовъ.	126	3	—
Свѣжевальщики.	971	2	11
Пряденіе, безъ указанія матер.	275	3	2
Ткачество. „ „ „	608	6	5
Производ. игрушекъ изъ кауч. .	4	—	—
Парикмахерское дѣло.	60.035	470	6
Чистка платья и сапоговъ. . . .	744	4	7
Трубочисты.	3.860	26	—
Живопись и ваяніе.	5.630	84	2

Если оставить въ сторонѣ художниковъ, парикмахеровъ, трубочистовъ, мастеровъ скрипокъ и, пожалуй, еще свѣжевальщиковъ и чистильщиковъ сапогъ, то область, въ которой мелкое производство господствуетъ безраздѣльно, не встрѣчая конкурренціи со стороны крупныхъ предпріятій, сведется въ промышленности почти на нѣтъ.

Можно допустить, что мелкія предпріятія имѣютъ до извѣстной степени будущность въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности, работающихъ непосредственно для личнаго потребленія: при помощи машинъ изготовляются, какъ извѣстно, лишь массовые продукты, между тѣмъ какъ многіе покупатели любятъ, чтобы принимались въ соображеніе ихъ личные вкусы. Возможно, пожалуй, что даже при пролетарскомъ режимѣ число

мелкихъ промышленныхъ заведеній увеличится, такъ какъ тогда поднимется благосостояніе массъ и вслѣдствіе этого можетъ усилиться спросъ на продукты ручного труда; художественное ремесло получитъ, благодаря этому, новый толчокъ къ развитію. Нельзя, конечно, ожидать, чтобы въ будущемъ осуществилась утопія Уильяма Морриса, въ которой машина не играетъ никакой роли. Нѣтъ, машина останется властительницей въ процессѣ производства. Ручному труду она уже никогда не уступитъ своей роли. Но нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что въ нѣкоторыхъ художественныхъ ремеслахъ при пролетарскомъ режимѣ значеніе ручного труда снова увеличится и онъ завоюетъ себѣ нѣкоторыя новыя области. Но въ настоящее время во многихъ случаяхъ ручной трудъ держится только, какъ результатъ самой крайней нищеты, держится въ формѣ домашней (кустарной) промышленности. Въ соціалистическомъ же обществѣ ручной трудъ можетъ существовать лишь какъ дорого стоющая роскошь, и его распространеніе можетъ быть вызвано только повышеніемъ общаго благосостоянія. Основою процесса производства будетъ оставаться во всякомъ случаѣ крупное хозяйство, ведущееся при помощи машинъ. Мелкія промышленныя заведенія, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, будутъ представлять изъ себя, въ лучшемъ случаѣ, островки въ морѣ крупныхъ общественныхъ предпріятій.

Что касается до формъ собственности на средства производства и формъ сбыта продуктовъ, то онѣ могутъ быть чрезвычайно разнообразны у этихъ мелкихъ хозяйствъ. Такія хозяйства могутъ быть придаткомъ какого нибудь крупнаго государственнаго или коммунальнаго заведенія, получать отъ него сырье и орудія, поставлять ему свои продукты; они могутъ работать на частныхъ заказчиковъ или на вольный рынокъ, и т. д. Какъ и теперь, рабочій и тогда будетъ имѣть возможность работать въ самыхъ различныхъ по формѣ предпріятіяхъ, переходя изъ одного въ другое. Швея, напримѣръ, можетъ работать на государственной фабрикѣ, или шить платья у себя на дому на какую-нибудь

частную заказчицу, или заниматься шитьемъ на дому у заказчицы, или, наконецъ, соединиться съ двумя-тремя товарками и образовать производительное товарищество, которое будетъ изготовлять платье на заказъ или на магазинъ.

Въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, соціалистическій режимъ будетъ отличаться величайшимъ разнообразіемъ и гибкостью формъ. Нѣтъ ничего ошибочнѣе, какъ представлять себѣ соціалистическое общество въ видѣ какого-то простого, грубаго механизма, колеса котораго пущены въ ходъ разъ на всегда и работаютъ съ мертвымъ однообразіемъ.

Въ соціалистическомъ обществѣ могутъ существовать рядомъ другъ съ другомъ самые разнообразные виды собственности на средства производства: государственная, коммунальная, кооперативная (собственность производительныхъ и потребительныхъ товариществъ), частная; — самыя различныя формы предпріятій: бюрократическое, трэдъюніонистское, кооперативное, единоличное; — самыя различныя формы вознагражденія работниковъ: постоянное жалованье, повременная плата, поштучная плата, участіе въ выгодахъ отъ сбереженія сырья, машинъ и т. д., участіе въ выгодахъ отъ болѣе интенсивнаго труда; — самыя различныя формы обращенія продуктовъ: — контракты на поставку, покупка изъ магазиновъ государства, общинъ, потребительныхъ товариществъ, у самихъ производителей, и т. д., и т. д. Въ соціалистическомъ обществѣ экономическій механизмъ можетъ отличаться такой же разносторонностью, какъ и теперь; невозможны тамъ будутъ только лихорадочная спѣшка и погоня за наживой, борьба и давка, истребленіе и гибель, происходящія нынѣ на почвѣ конкурренціи; исчезнетъ также противоположность между эксплуатирующими и эксплуатируемыми.

8. Интеллектуальное производство.

Мы разсмотрѣли теперь важнѣйшія экономическія проблемы, которыя выдвинутся передъ пролетаріатомъ непосредственно послѣ завоеванія имъ политической власти, и средства къ ихъ разрѣшенію. Было бы очень заманчиво продолжить изслѣдованіе предмета въ томъ же направленіи и выяснить, какія проблемы должны выдвинуться въ области семейнаго быта, международныхъ сношеній, отношеній между городомъ и деревней и т. д., ибо всѣ эти стороны жизни сильнѣйшимъ образомъ затрагиваются переходомъ политической власти въ руки пролетаріата и не могутъ не подвергнуться глубокимъ преобразованіямъ. Но я могу и не касаться здѣсь этихъ темъ, такъ какъ все существенное, что я имѣю сказать по этому поводу, читатель найдетъ въ другихъ моихъ сочиненіяхъ (объ отношеніи соціалистическаго общества къ колоніямъ и міровой торговлѣ я говорилъ въ своемъ предисловіи къ брошюрѣ Атлантикуса „Ein Blick in den Zukunftsstaat“—„Взглядъ на государство будущаго“, стр. XIX и сл., а о „будущности домашняго очага“ — въ „Agrarfrage“, „Аграрный вопросъ“*), стр. 447. и сл.). Здѣсь мнѣ хочется разсмотрѣть только одинъ вопросъ, который до сихъ поръ выясненъ еще очень мало: будущность интеллектуальнаго производства.

До сихъ поръ мы занимались изслѣдованіемъ проблемъ одного лишь матеріальнаго производства, которое служитъ фундаментомъ общественнаго зданія. Но на его основѣ зиждется производство самаго различнаго рода произведеній искусства, научныхъ изслѣдованій, литературныхъ работъ. Безостановочный ходъ этого интеллектуальнаго производства сдѣлался для современнаго культурнаго человѣка не меньшей необходимостью, нежели регулярный ходъ производства

*) См. приложенія. Примѣч. перев.

хлѣба и мяса, каменнаго угля и желѣза. Но послѣ пролетарской революціи интеллектуальное производство точно такъ же не можетъ продолжаться по старому. Спрашивается, какова же будетъ его новая организація?

Ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не боится уже теперь, что восторжествовавшій надъ своими врагами пролетаріатъ будетъ хозяйничать въ царствѣ современной культуры на подобіе варваровъ и выброситъ вонъ искусство и науку, какъ никуда негодный хламъ; напротивъ, изъ всѣхъ слоевъ народной массы пролетаріатъ является именно такимъ слоемъ, который проявляетъ всего больше интереса и уваженія къ искусству и наукѣ. Объ этомъ я упоминалъ уже въ моей брошюрѣ „Соціальная реформа и соціальная революція“. Но здѣсь я занимаюсь, повторяю, изслѣдованіемъ не того, что захочетъ дѣлать пролетаріатъ послѣ завоеванія политической власти, а исключительно того, что онъ сможетъ и вынужденъ будетъ сдѣлать подъ давленіемъ логики фактовъ.

Въ необходимыхъ для искусства и науки матеріальныхъ средствахъ недостатка не будетъ. Мы видѣли выше, что именно пролетарскій режимъ, уничтоживъ частную собственность на средства производства, дастъ возможность очень быстро устранить всѣ тѣ остатки отжившихъ средствъ и методовъ производства, которые теперь еще повсюду задерживаютъ полное развитіе современныхъ производительныхъ силъ и которые при господствѣ частной собственности лишь медленно и не вполнѣ уничтожаются конкурренціей. Благодаря устраненію этихъ остатковъ, богатство общества при господствѣ пролетаріата должно сразу подняться гораздо выше того уровня, на какомъ оно стоитъ при капиталистическомъ режимѣ.

Но однихъ матеріальныхъ средствъ еще не достаточно. Богатство само по себѣ еще не создаетъ могучей идейной жизни. Весь вопросъ въ томъ, совмѣстимы ли въ соціалистическомъ обществѣ условія производства матеріальныхъ благъ съ необходимыми условіями

для высокаго развитія духовной дѣятельности человѣчества, для производства нематеріальныхъ благъ. Противники соціализма часто рѣшаютъ этотъ вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ.

Посмотримъ прежде всего, каковъ характеръ теперешняго интеллектуальнаго производства. Форма его организаціи бываетъ троякая: во-первыхъ, производство, ведущееся органами общества и служащее непосредственно для удовлетворенія общественныхъ потребностей, во-вторыхъ, товарное производство въ единоличномъ предпріятіи, и въ третьихъ, наконецъ, товарное производство въ капиталистическомъ предпріятіи.

Къ первому виду интеллектуальнаго производства принадлежитъ все дѣло народнаго образованія, отъ народныхъ школъ до высшихъ учебныхъ заведеній. Все оно, — за исключеніемъ не играющихъ большой роли частныхъ школъ, — и теперь уже находится всецѣло въ рукахъ общества и ведется этимъ послѣднимъ не ради прибыли, не въ видахъ наживы. Таковы прежде всего современныя государственныя и коммунальныя учебныя заведенія. Таковы тѣ школы церковныхъ организацій и благотворительныхъ учрежденій, которыя представляютъ изъ себя большею частью обломки средневѣковаго быта и которыя встрѣчаются еще довольно часто особенно, въ странахъ англо-саксонской культуры.

Огромная роль, которую играютъ эти общественныя учебныя заведенія во всей умственной жизни современныхъ странъ и особенно въ научной жизни, объясняется не только тѣмъ вліяніемъ, какое оказываютъ они на молодое поколѣніе. Они все болѣе и болѣе забираютъ въ свои руки всю научную дѣятельность, такъ какъ учителя въ этихъ заведеніяхъ, въ особенности профессора высшихъ школъ, становятся монопольными обладателями того научнаго аппарата, безъ котораго теперь почти совсѣмъ нельзя заниматься научными изслѣдованіями. Такъ обстоитъ дѣло прежде всего въ области естественныхъ наукъ, техника которыхъ достигла такой высокой степени развитія, что, за исключеніемъ небольшого числа милліонеровъ, только государство распола-

гастъ еще средствами, необходимыми для устройства и содержанія въ надлежащемъ видѣ соотвѣтствующихъ научныхъ учрежденій. Да и во многихъ отрасляхъ соціальныхъ наукъ, въ этнологіи, археологіи и другихъ, аппаратъ научнаго изслѣдованія становится все обширнѣе и все дороже. Въ довершеніе всего, наука все болѣе и болѣе превращается въ безхлѣбное ремесло, которымъ нельзя добывать себѣ средства къ жизни, которому могутъ посвящать себя только лица, получающія за это содержаніе отъ государства,—если они не обнаружили особенно большой „осторожности“ при выборѣ себѣ родителей или женъ. Наконецъ, пріобрѣтеніе подготовительныхъ знаній, необходимыхъ для плодотворной научной дѣятельности, требуетъ большихъ, и притомъ съ теченіемъ времени все большихъ и большихъ, денежныхъ средствъ. Такимъ образомъ, наука все болѣе и болѣе монополизируется государствомъ и богатыми классами общества.

Завоеваніе политической власти пролетаріатомъ неизбѣжно приведетъ къ уничтоженію всѣхъ проистекающихъ изъ такого порядка вещей ограниченій и стѣсненій научной дѣятельности. Пролетарскій режимъ долженъ будетъ, какъ мы уже упоминали, организовать дѣло народнаго образованія такимъ образомъ, чтобы каждая способная личность получила возможность пріобрѣсть всѣ знанія, какія вообще даются общественными учебными заведеніями. Онъ увеличитъ въ громадныхъ размѣрахъ спросъ на научныя силы преподавателей, а стало быть и изслѣдователей. Наконецъ, уничтожая классовыя противоположности, онъ сдѣлаетъ и внѣшне и внутренне болѣе свободными состоящихъ на государственной службѣ изслѣдователей въ области соціальныхъ наукъ. Пока существуютъ классовыя противоположности, до тѣхъ поръ будутъ существовать и различныя точки зрѣнія, съ которыхъ люди смотрятъ на общество. Толковать о какой-то стоящей выше классовыхъ противоположностей наукѣ — значитъ обнаруживать величайшее лицемѣріе, или же впадать въ величайшее самообольщеніе. Наука существуетъ только въ го-

ловахъ изслѣдователей, а изслѣдователи являются продуктомъ общества, они не могутъ выйти изъ рамокъ общества и подняться выше общества. Конечно, и въ соціалистическомъ обществѣ наука будетъ находиться въ зависимости отъ общественныхъ отношеній, но эти послѣднія будутъ, по крайней мѣрѣ, гармоническими, а не антагонистическими.

Но гораздо хуже этой внутренней зависимости отъ общественныхъ отношеній, отъ которой не можетъ избавиться ни одинъ изслѣдователь, — внѣшняя зависимость многихъ изслѣдователей отъ государственной власти или отъ другихъ облеченныхъ властью учрежденій, напр., отъ церкви. Эта зависимость заставляетъ ученыхъ поддѣлываться къ воззрѣніямъ господствующихъ классовъ, мѣшаетъ заниматься изслѣдованіемъ своего предмета свободно и независимо, побуждаетъ изыскивать научнымъ путемъ аргументы, чтобы оправдать существующее и доказать неправоту революціонныхъ классовъ. Такимъ образомъ, классовое господство оказываетъ прямо деморализующее вліяніе на науку. Не подлежитъ сомнѣнію, что наука вздохнетъ свободно, когда пролетарскій режимъ уничтожитъ прямое или непрямое господство класса капиталистовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ надъ нашими школами. Однимъ словомъ, при переходѣ политической власти къ пролетаріату не только нечего опасаться за духовную жизнь общества, поскольку она связана съ учебнымъ дѣломъ, а напротивъ, есть всѣ основанія ждать для нея самыхъ лучшихъ результатовъ.

Что же сказать о товарномъ производствѣ въ области духовной дѣятельности?

Разсмотримъ сперва единоличныя предпріятія. Сюда относятся главнымъ образомъ живопись и ваяніе, а также нѣкоторые виды литературной работы.

Пролетарскій режимъ отнюдь не исключаетъ самой возможности существованія этого рода товарнаго производства, какъ не исключаетъ онъ безусловно и единоличнаго мелкаго производства въ области матеріальнаго производства. Кисть и палитра, чернила и перо

точно такъ же, какъ иголка и наперстокъ, не принадлежатъ къ числу такихъ орудій производства, которыя непремѣнно и при всякихъ обстоятельствахъ должны быть превращены въ общественную собственность. Вполнѣ возможно, конечно, что съ уничтоженіемъ капиталистической эксплуатаціи исчезнутъ также тѣ состоятельные покупатели, которые до сихъ поръ создавали рынокъ для товарнаго производства единоличныхъ предпріятій художниковъ. Такая перемѣна не останется, разумѣется, безъ вліянія на производство предметовъ искусства, но не сдѣлаетъ его невозможнымъ, а лишь измѣнитъ его характеръ. Самымъ типичнымъ выраженіемъ товарнаго производства въ искусствѣ являются картины и статуи: онѣ могутъ мѣнять мѣсто и владѣльца, ихъ можно выставить, гдѣ угодно. Эти виды произведеній искусства всего легче принимаютъ форму товара, ихъ можно собирать и копить, какъ и золото, въ видѣ-ли сокровища или для перепродажи съ барышемъ. Производство на продажу такихъ предметовъ, можетъ быть, встрѣтитъ существенныя затрудненія въ соціалистическомъ обществѣ. Но за то на его мѣсто возникнутъ другія формы производства предметовъ искусства. Пролетарскій режимъ въ громадныхъ размѣрахъ увеличитъ число общественныхъ зданій и постарается украсить, сдѣлать какъ можно болѣе привлекательными всѣ мѣста, гдѣ собирается народъ, — служатъ-ли они для работы, для собраній или для увеселеній. Вмѣсто того, чтобы изготовлять статуи и картины, которыя поступаютъ въ процессъ обращенія товаровъ и въ концѣ концовъ попадаютъ въ совершенно неизвѣстныя художнику мѣста, выставляются съ совершенно неизвѣстными цѣлями, — вмѣсто этого художники будутъ работать рука объ руку съ архитекторами для вполнѣ опредѣленной цѣли, подобно тому, какъ то было въ самыя цвѣтущія эпохи искусства въ Аѳинахъ временъ Перикла, въ Италіи временъ ренесанса. Одна отрасль искусства будетъ поддерживать и стимулировать другую, произведеніе искусства будетъ преслѣдовать сознательную обще-

ственную цѣль, его вліяніе, его обстановка, составъ его публики не будетъ зависѣть отъ случая.

Съ другой стороны, исчезнетъ необходимость изготовлять произведенія искусства для продажи въ видѣ товара. Исчезнетъ вообще необходимость заниматься интеллектуальной работой для заработка, для производства товаровъ или въ видѣ работы по найму.

Я уже указывалъ, что пролетарскій режимъ будетъ стремиться къ сокращенію рабочаго времени и къ увеличенію заработной платы: съ точки зрѣнія наемнаго рабочаго это стремленіе понятно само собою. Я показалъ также, въ какихъ широкихъ размѣрахъ можно осуществить это немедленно въ странѣ развитого капиталистическаго производства просто посредствомъ закрытія технически отсталыхъ заведеній и возможно большаго использованія лучшихъ заведеній. Нѣтъ ровно ничего фантастическаго въ предположеніи, что можно будетъ немедленно увеличить вдвое заработную плату и вдвое же сократить рабочее время противъ теперешняго. И притомъ техника достигла такой высокой степени развитія, что есть полное основаніе ожидать быстраго прогресса въ этой области. Чѣмъ быстрѣе будетъ идти этотъ прогрессъ, тѣмъ больше возможности будетъ у лицъ, занятыхъ матеріальнымъ производствомъ, заниматься кромѣ того и умственной работой, даже и такою, которая не приноситъ никакой матеріальной выгоды, которая находитъ награду въ самой себѣ, т. е. умственной работой самаго высшаго вида. Увеличенный досугъ будетъ уходить отчасти, можетъ-быть даже въ большей своей части, на простое лишь наслажденіе духовными благами; но у богатоодаренныхъ натуръ онъ пробудитъ жажду творчества и поведетъ къ соединенію производительнаго труда въ области матеріальнаго производства съ производительнымъ трудомъ въ области искусства, изящной литературы или науки.

Мало того. Такое соединеніе двухъ родовъ труда будетъ не только возможнымъ, оно станетъ экономически необходимымъ. Мы уже видѣли, что пролетарскій режимъ непремѣнно будетъ стремиться сдѣлать обра-

зованіе общедоступнымъ. Но если бы сдѣлать образованіе дѣйствительно общедоступнымъ въ его теперешней формѣ, то это очень скоро повело бы къ тому, что подрастающее поколѣніе оказалось бы совершенно негоднымъ ни къ какому участію въ матеріальномъ производствѣ, т. е. привело бы къ подрыву самой основы общественной жизни. Въ настоящее время общественное раздѣленіе труда дошло до того, что физическій и умственный трудъ почти исключаютъ другъ друга. Физическій трудъ совершается при такихъ условіяхъ, что только исключительныя натуры или люди, поставленные въ особо счастливую обстановку, имѣютъ возможность заниматься наряду съ нимъ высшимъ умственнымъ трудомъ. Съ другой стороны, умственный трудъ, въ его теперешней формѣ, дѣлаетъ человѣка неспособнымъ къ физическому труду и отнимаетъ охоту къ нему. При такомъ положеніи вещей, дать всѣмъ людямъ образованіе значитъ сдѣлать невозможнымъ всякое матеріальное производство, ибо тогда не найдется ни одного человѣка, который захотѣлъ бы и смогъ бы работать физически. Поэтому, разъ мы хотимъ сдѣлать высшее умственное образованіе общимъ достояніемъ, не подвергая въ тоже время опасности самое существованіе общества, то не только педагогика, но и экономическая необходимость заставляютъ насъ сдѣлать это въ такой формѣ, чтобы подрастающее поколѣніе обучалось въ школѣ не одному умственному, а и физическому труду, чтобы вырабатывалась прочная привычка соединять матеріальное производство съ интеллектуальнымъ.

Итакъ, пролетарскій режимъ съ необходимостью поведетъ двоякимъ путемъ къ соединенію матеріальнаго и интеллектуальнаго производства, а тѣмъ самымъ и къ освобожденію этого послѣдняго отъ тѣхъ матеріальныхъ препонъ, которыя дѣлаютъ его недоступнымъ массѣ населенія: съ одной стороны, путемъ постояннаго сокращенія рабочаго времени лицъ, занятыхъ физическимъ трудомъ, и предоставленія имъ все большаго досуга для интеллектуальнаго производства по мѣрѣ роста производительности труда въ матеріальномъ про-

изводствѣ; — съ другой стороны, путемъ увеличенія физическаго труда, исполняемаго образованными людьми, что будетъ необходимымъ результатомъ постояннаго увеличенія числа этихъ послѣднихъ.

Отсюда уже одинъ шагъ до того, чтобы, при такомъ соединеніи, физическій трудъ сдѣлался работой изъ-за заработка, необходимой работой на службѣ обществу, а умственный трудъ—вольной работой, свободнымъ приложеніемъ способностей личности, чуждымъ всякаго общественнаго принужденія. Умственный трудъ вообще гораздо труднѣе мирится съ такимъ принужденіемъ, чѣмъ физическій. И это освобожденіе умственнаго труда пролетаріатомъ является не простымъ невиннымъ пожеланіемъ утопистовъ, а экономически необходимымъ результатомъ его побѣды.

Наконецъ, мы должны разсмотрѣть третью форму интеллектуальнаго производства, форму капиталистической эксплуатаціи. Если первая форма организаціи интеллектуальнаго производства обнимала главнымъ образомъ область науки, а вторая — область пластическихъ искусствъ, то третья встрѣчается во всѣхъ областяхъ вообще и особенно въ области литературной и сценической дѣятельности, гдѣ въ качествѣ капиталистовъ-предпринимателей выступаютъ издатели книгъ, газетъ и журналовъ, а также театральные антрепренеры.

При пролетарскомъ режимѣ продолженіе капиталистической эксплуатаціи этого рода будетъ невозможно. Ея существованіе въ настоящее время объясняется тѣмъ, что указанныя отрасли интеллектуальнаго производства требуютъ дорого стоющаго техническаго аппарата и сотрудничества многочисленныхъ работниковъ. Отдѣльная личность своими собственными силами ничего не можетъ тутъ сдѣлать. Спрашивается теперь, не значитъ ли это, что и здѣсь капиталистическое предпріятіе можно замѣнить единственно только государственнымъ предпріятіемъ? А если такъ, то не грозитъ ли государственная централизація столь обширной и важной области духовной жизни самыми худшими послѣдствіями, какія только возможны въ этой области,

именно: однообразіемъ и застоемъ? Пусть государственная власть перестанетъ быть органомъ одного класса, но развѣ не останется она органомъ большинства? А можно-ли ставить духовную жизнь общества въ зависимость отъ рѣшеній большинства? Развѣ всякая новая истина, всякое новое воззрѣніе или художественное ощущеніе не составляло всегда сначала достоянія лишь незначительнаго меньшинства, которое и боролось съ традиціей? Не грозитъ-ли новый порядокъ тѣмъ, что именно лучшіе и самые смѣлые изъ передовыхъ борцовъ за духовное развитіе общества будутъ приходить постоянно въ столкновеніе съ пролетарскимъ режимомъ? Если этотъ режимъ и дастъ каждому отдѣльному лицу больше свободы художественнаго и научнаго развитія, то не окажется-ли такой выигрышъ болѣе чѣмъ парализованнымъ тѣми оковами, которыя будутъ наложены на духовную дѣятельность, обусловленную содѣйствіемъ общественныхъ средствъ? — Проблема эта, безъ сомнѣнія, очень серьезная, но отнюдь не неразрѣшимая.

Надо замѣтить прежде всего, что какъ для всего вообще производства, такъ и для общественныхъ учрежденій, посвященныхъ интеллектуальному производству, руководящимъ и дающимъ средства органомъ является отнюдь не одно только государство, а также и община. Уже одного этого достаточно, чтобы предотвратить всякое однообразіе въ духовной жизни общества и всякое подчиненіе ея одной центральной власти. Но, кромѣ того, капиталистическія предпріятія въ области интеллектуальнаго производства будутъ замѣнены и другими организаціями, — именно: свободными союзами, которые ставятъ себѣ цѣлью служеніе искусству, наукѣ, общественной жизни, оказываютъ въ самыхъ различныхъ формахъ поддержку соотвѣтствующимъ предпріятіямъ или же сами берутъ ихъ въ свои руки. Уже и въ настоящее время существуетъ у насъ множество частныхъ обществъ, которыя устраиваютъ театральныя представленія, издаютъ газеты и литературныя произведенія, скупаютъ произведе-

нія искусства, снаряжаютъ научныя экспедиціи и т. д. Чѣмъ короче будетъ рабочее время въ области матеріальнаго производства, чѣмъ выше заработная плата, — тѣмъ больше будутъ развиваться и процвѣтать эти вольные союзы. Будетъ расти число, повышаться умственное развитіе, увеличиваться рвеніе ихъ членовъ; будутъ увеличиваться средства, которыя каждый отдѣльный членъ въ состояніи будетъ отдавать въ распоряженіе союзовъ. Именно эти свободные союзы будутъ, я увѣренъ, играть все большую и большую роль въ духовной жизни общества, именно имъ предстоитъ занять мѣсто капитала въ качествѣ организаторовъ и руководителей интеллектуальнаго производства, поскольку оно носитъ общественный характеръ.

Итакъ, и въ этой области пролетарскій режимъ ведетъ не къ увеличенію стѣсненій, а къ расширенію свободы.

Освобожденіе учебнаго дѣла и научнаго изслѣдованія отъ узъ классового господства; освобожденіе личности отъ гнета исключительно-физическаго, изнуряющаго труда; замѣна капиталистической организаціи общественнаго интеллектуальнаго производства организаціей его чрезъ посредство вольныхъ союзовъ, — вотъ каковы тенденціи пролетарскаго режима въ области интеллектуальнаго производства.

Какъ видитъ читатель, проблемы, которыя предстоитъ разрѣшить этому режиму въ области производства, вовсе не представляются однообразными и всегда одинаковыми. Капиталистическій способъ производства выдвинулъ задачу — организовать общественный процессъ производства такъ, чтобы онъ весь былъ подчиненъ одному цѣлостному плану. Эта задача сводится къ тому, чтобы вдвинуть каждую отдѣльную личность въ рамки твердаго порядка, правиламъ котораго она должна подчиняться. Но съ другой стороны, тотъ же самый капиталистическій способъ производства съ особенной силой пробудилъ въ индивидуумѣ самосознаніе, поставилъ его на собственныя ноги, освободилъ его отъ подчиненія обществу. Больше чѣмъ когда нибудь,

требуетъ себѣ теперь каждый возможности свободно развивать свою индивидуальность, возможности опредѣлять свои отношенія къ другимъ людямъ тѣмъ свободнѣе, чѣмъ интимнѣе и индивидуальнѣе эти отношенія. Прежде всего сюда относятся брачныя отношенія, а затѣмъ также отношенія людей къ внѣшнему міру, въ качествѣ художниковъ и мыслителей. Регулированіе общественнаго хаоса и освобожденіе индивидуума отъ всякихъ путъ — таковы двѣ историческія задачи, которыя ставитъ капитализмъ передъ обществомъ. Онѣ кажутся противорѣчащими одна другой, но на самомъ дѣлѣ онѣ могутъ быть разрѣшены одновременно, такъ какъ онѣ относятся къ различнымъ областямъ общественной жизни. Въ неразрѣшимыя противорѣчія впадаетъ лишь тотъ, кто хочетъ регулировать обѣ эти области одинаковымъ образомъ, и именно эта ошибка обусловливаетъ безсиліе анархизма. Анархизмъ есть продуктъ реакціи мелкаго буржуа противъ грозящаго ему гибелью и гнетущаго его капитализма. Мелкій ремесленникъ, привыкшій распредѣлять и обставлять свою работу, какъ ему заблагоразсудится, возставалъ противъ фабричной дисциплины и монотонности. Его идеаломъ оставался свободный трудъ каждой личности, и только въ тѣхъ случаяхъ, когда таковой былъ совершенно невозможенъ, онъ допускалъ замѣну его общественнымъ сотрудничествомъ въ свободныхъ союзахъ, совершенно самостоятельныхъ по отношенію другъ къ другу.

„Новое среднее сословіе“, интеллигенція, по своему общественному положенію представляетъ изъ себя, — какъ мы уже не разъ указывали, — ту же самую, первобытную мелкую буржуазію, только въ новомъ изданіи, только изнѣженную и утонченную. Ея условія труда развиваютъ въ ней то же самое влеченіе къ свободному труду, то же самое отвращеніе отъ дисциплины и отъ однообразія. Поэтому и ея общественный идеалъ остается все тѣмъ же, именно: анархическимъ. Но то, что является прогрессивнымъ идеаломъ по отношенію къ области интеллектуальнаго производ-

ства, оказывается реакціоннымъ по отношенію къ области матеріальнаго производства, гдѣ этотъ идеалъ отражаетъ лишь условія производства, свойственныя гибнущему ремеслу.

При современномъ состояніи производства возможна лишь двоякая организація матеріальнаго производства (мы говоримъ о массовомъ производствѣ, оставляя въ сторонѣ нѣкоторые пережитки, являющіеся въ большинствѣ случаевъ лишь „раритетами“): или коммунистическая съ общественной собственностью на средства производства и съ планомѣрнымъ регулированіемъ производства изъ одного центральнаго пункта, или же капиталистическая. Анархическая же организація можетъ въ лучшемъ случаѣ быть лишь мимолетнымъ эпизодомъ. Матеріальное производство, находящееся въ рукахъ свободныхъ союзовъ и лишенное центральнаго управленія, ведетъ къ хаосу, если оно не представляетъ изъ себя товарнаго производства съ товарнымъ обмѣномъ на основѣ закона стоимости, осуществляющагося чрезъ посредство свободной конкурренціи. Мы видѣли выше, какое значеніе имѣетъ этотъ законъ при свободномъ производствѣ отдѣльныхъ предпріятій: онъ устанавливаетъ надлежащую пропорціональность между отдѣльными отраслями производства, онъ не допускаетъ, чтобы общество было завалено, скажемъ, пуговицами и терпѣло недостатокъ въ хлѣбѣ. Но товарное производство, при современномъ состояніи общественнаго производства, неизбѣжно должно снова и снова пріобрѣтать форму капиталистическаго производства, какъ и доказываетъ примѣръ множества производительныхъ ассоціацій. Стремиться къ анархическому идеалу въ области матеріальнаго производства значитъ, въ лучшемъ случаѣ, дѣлать сизифову работу.

Совсѣмъ другое дѣло — интеллектуальное производство. Оно зиждется на матеріальномъ производствѣ, на его избыткѣ въ продуктахъ и въ рабочихъ силахъ; оно развивается лишь тогда, когда обезпечена матеріальная жизнь. Если матеріальное производство приходитъ въ разстройство, то это грозитъ опасностью са-

мому существованію общества. Но для существованія общества совершенно безразлично, какъ распредѣляется наличный избытокъ въ продуктахъ и въ рабочихъ силахъ между отдѣльными отраслями свободнаго интеллектуальнаго творчества. Исключеніе составляетъ лишь учебное дѣло, которое подчинено своимъ особымъ законамъ и которое даже въ настоящее время, въ обществѣ свободной конкурренціи, не отдано на произволъ этой послѣдней, а регулируется непосредственно обществомъ. Еслибы всѣ занялись производствомъ одного какого-нибудь рода товара, скажемъ, пуговицъ, и на нихъ производство обратилось столько рабочихъ силъ, что ихъ осталось бы недостаточно для производства другихъ товаровъ, скажемъ, хлѣба, — то все общество оказалось бы въ самомъ печальномъ положеніи. Наоборотъ, для сравнительныхъ размѣровъ производства лирическихъ стихотвореній и трагедій, сочиненій по ассирологіи и сочиненій по ботаникѣ не существуетъ никакой опредѣленной нормы, нѣтъ ни минимальнаго, ни максимальнаго предѣла. Если сегодня выходитъ вдвое больше драмъ, чѣмъ вчера, и за то вдвое меньше лирическихъ стихотвореній, — если сегодня выходитъ 20 сочиненій по ассирологіи и всего десять по ботаникѣ, тогда какъ вчера отношеніе между ними было обратное, — то благополучіе общества отъ этого нисколько не страдаетъ. Этотъ фактъ находитъ свое экономическое выраженіе въ томъ, что законъ стоимости, вопреки всѣмъ психологическимъ теоріямъ стоимости, имѣетъ силу лишь для области матеріальнаго производства, не распространяясь на производство интеллектуальное. Въ области этого послѣдняго центральное управленіе производствомъ не только ненужно, но и прямо безсмысленно, здѣсь можетъ вполнѣ господствовать вольное производство, не превращаясь неизбѣжно въ производство товарныхъ стоимостей и (въ области крупныхъ предпріятій) въ капиталистическое производство.

Коммунизмъ въ матеріальномъ производствѣ, анархизмъ — въ интеллектуальномъ,

таковъ тотъ типъ соціалистическаго способа производства, къ которому приводитъ, силой логики экономическихъ фактовъ, господство пролетаріата или, другими словами, приводитъ соціальная революція, совершенно независимо отъ того, каковы будутъ желанія, намѣренія и теоріи пролетаріата.

9. Психологическія предпосылки господства пролетаріата.

Многимъ читателямъ покажется, быть можетъ, страннымъ, что я въ этомъ изслѣдованіи говорилъ все время исключительно объ экономическихъ условіяхъ. Я не занимался вопросомъ о томъ, какова должна быть этическая основа новаго общества, будетъ-ли оно опираться на этику Канта или на этику Спенсера, будетъ-ли его руководящимъ принципомъ категорическій императивъ или наибольшее счастье наибольшаго числа людей; я не разбиралъ, каковъ будетъ его верховный юридическій принципъ: право-ли на всю выручку отъ труда цѣликомъ, или право на существованіе, или же какое-нибудь другое изъ основныхъ экономическихъ правъ, открытыхъ соціализмомъ юристовъ. Спору нѣтъ, и право и этика будутъ играть также извѣстную роль въ соціальной революціи, но рѣшающее значеніе всегда будутъ имѣть опять и опять требованія экономики.

Однако, кромѣ права и этики, надо принять въ разсчетъ и психологію. Развѣ предъ пролетаріатомъ не встанутъ также извѣстныя проблемы и въ этой области, и притомъ очень важныя проблемы? Не предполагаетъ-ли соціалистическое общество необыкновенныхъ людей, настоящихъ ангеловъ по самоотверженности и кротости, по трудолюбію и интеллигентности? Не будетъ-ли соціальная революція, при свойственныхъ современному человѣчеству эгоизму и грубости, сигналомъ къ дикой борьбѣ за добычу или къ поголовному бездѣльничанію, не поведетъ-ли это къ ея гибели? Ника-

кіе перевороты въ экономическихъ основаніяхъ общества ни къ чему не приведутъ, пока сами люди не облагородятся.

Не новы уже такія рѣчи и подобныя назиданія. Они раздавались и сто лѣтъ тому назадъ, когда пошло въ ходъ выраженіе объ „ограниченномъ разумѣ подданныхъ“. Чадолюбивые отцы отечества, царьки и короли эпохи священнаго союза, готовы были, изволите видѣть, даровать своимъ возлюбленымъ вѣрноподданнымъ всяческую свободу, только... только вѣрноподданнымъ слѣдовало сначала „созрѣть“ для этого!

Мнѣ и въ голову не пришло бы, конечно, отрицать, что всякій способъ производства предполагаетъ опредѣленныя предпосылки не только техническаго, но и психологическаго характера, безъ которыхъ онъ не можетъ перейти въ дѣйствительность. Какого именно рода должны быть психологическія предпосылки даннаго способа производства, это зависитъ отъ характера экономическихъ задачъ, которыя онъ выдвигаетъ.

Никто не скажетъ, чтобы я въ своемъ изслѣдованіи предполагалъ людей ангельскаго характера. Подлежащія разрѣшенію проблемы, о которыхъ шла рѣчь, предполагали интеллигентность, дисциплину и организаторскій талантъ. Таковы психологическія предпосылки соціалистическаго общества. И именно эти необходимыя качества создаются уже теперь капиталистическимъ обществомъ. Историческая задача капитала состоитъ именно въ томъ, чтобы дисциплинировать и организовать рабочихъ, чтобы расширить ихъ умственный горизонтъ за предѣлы промышленной мастерской и приходской колокольни.

Придти къ соціализму, не сходя съ базиса ремесленнаго или крестьянскаго производства, невозможно не только по экономическимъ причинамъ, — вслѣдствіе низкой производительности предпріятій, — но и по причинамъ психологическаго характера. Я уже указывалъ на то, что мелкобуржуазная психологія тяготѣетъ къ анархизму и не мирится съ дисциплиной общественнаго производства. Именно въ этомъ заключается одна

изъ главныхъ трудностей, которыя приходится преодолѣвать капиталу на первыхъ стадіяхъ развитія капиталистическаго производства, ибо первые его рабочіе выходятъ изъ среды ремесленниковъ и крестьянъ. Именно съ этимъ приходилось бороться капиталу въ 18 вѣкѣ въ Англіи, а въ южныхъ штатахъ сѣвероамериканскаго союза это обстоятельство и до сихъ поръ затрудняетъ быстрое развитіе крупной промышленности, для которой весьма благопріятнымъ условіемъ является близость сырыхъ матеріаловъ.

Но не одна дисциплина, а также и организаторскій талантъ развивается слишкомъ недостаточно въ мелкобуржуазной и крестьянской обстановкѣ. Тутъ нѣтъ большихъ массъ народа, которыя приходилось бы соединять для планомѣрной совмѣстной дѣятельности. На этой ступени экономическаго развитія поприщемъ для организаціи широкихъ массъ являются только арміи. Великіе полководцы являются и великими организаторами. Капиталистическое производство переноситъ задачу организаціи большихъ массъ народа въ область промышленности. Вождями и главнокомандующими являются здѣсь, какъ извѣстно, капиталисты, и всѣ выдающіеся дѣятели изъ нихъ бываютъ замѣчательными организаторами. И среди своихъ служащихъ капиталъ особенно высоко цѣнитъ и особенно щедро оплачиваетъ именно организаторскіе таланты. Такъ вырабатываются многочисленные организаторскіе таланты, которые сумѣетъ приставить къ дѣлу съ пользою и пролетарскій режимъ. Директора фабрикъ и организаторы трэстовъ вовсе не будутъ у насъ осуждены на бездѣятельность.

Далѣе капиталъ нуждается также въ интеллигентныхъ рабочихъ, и мы видимъ, что конкурренція повсюду побуждаетъ его улучшать постановку хотя бы только промышленнаго образованія. А съ другой стороны, и развитіе торговыхъ сношеній, и ростъ газетнаго дѣла сами собою приводятъ къ расширенію умственнаго горизонта рабочихъ.

Но, конечно, къ развитію психологическихъ предпо-

сылокъ соціалистическаго производства ведетъ не только стремленіе капитала эксплуатировать огромныя массы рабочихъ, а еще больше борьба пролетаріата противъ этой эксплуатаціи. Эта борьба развиваетъ дисциплину — мы уже отмѣчали, что эта дисциплина совершенно не похожа на ту, которую навязываетъ рабочимъ силой капиталъ. Эта борьба развиваетъ организаторскій талантъ, ибо въ войнѣ съ капиталомъ и съ капиталистическимъ государствомъ пролетаріатъ можетъ устоять только при единодушномъ дѣйствіи всѣхъ входящихъ въ его составъ громадныхъ народныхъ массъ. Организація — самое могучее оружіе пролетаріата, и почти всѣ его великіе вожди являются великими организаторами. Пролетаріату нечего противопоставить денежной мощи капитала и штыкамъ военнаго государства, кромѣ своей необходимости для производства и своихъ организацій. Что вмѣстѣ съ этими организаціями и благодаря имъ растетъ также его интеллигентность, это ясно и безъ доказательствъ.

Для того, чтобы пролетаріатъ могъ пріобрѣсти силу низвергнуть своихъ столь грозныхъ противниковъ, понадобится высокая интеллигентность, строгая дисциплинированность, безупречная организованность широкихъ массъ пролетаріевъ, и эти послѣднія должны будутъ стать въ тоже время безусловно необходимыми для всей экономической жизни страны. Лишь тогда достигнетъ побѣды пролетаріатъ, когда онъ разовьетъ въ себѣ всѣ эти свойства до самой высокой степени, и его господство, а, слѣдовательно, и соціальная революція, наступитъ поэтому не раньше, какъ будутъ на лицо въ достаточной степени не только экономическія, но и психологическія предпосылки соціалистическаго общества. Намъ навѣрное не прійдется слишкомъ долго ждать этой психологической зрѣлости, потому что она вовсе не требуетъ, чтобы люди сдѣлались ангелами.

Но если современнымъ пролетаріямъ немного уже надобно измѣниться, чтобы стать зрѣлыми для соціалистическаго общества, то отъ этого послѣдняго мы

безусловно вправѣ ожидать, что оно значительно измѣнитъ характеръ человѣка. Созданіе болѣе высокаго типа человѣка по сравненію съ теперешнимъ хотятъ выставить предварительнымъ условіемъ соціалистическаго общества; но, такъ какъ капиталистическое общество рѣшительно не въ состояніи сдѣлать этого, то это было бы совершенно неосуществимое условіе. Не условіемъ, а результатомъ соціализма явится это. Соціализмъ принесетъ людямъ обезпеченность, спокойствіе и досугъ, онъ подниметъ ихъ душу выше будничныхъ заботъ, ибо имъ не придется уже изо дня въ день думать о насущномъ хлѣбѣ. Соціализмъ сдѣлаетъ каждую отдѣльную личность независимою отъ другихъ личностей и искоренитъ такимъ образомъ и холопскія чувства и чувство презрѣнія къ людямъ. Онъ сравняетъ деревню и городъ, сдѣлаетъ доступными людямъ всѣ сокровища богатой культуры и вернетъ имъ природу, изъ которой они почерпаютъ силу и жизнерадостность.

Вмѣстѣ съ психологическими корнями пессимизма онъ вырветъ и его соціальные корни: нищету и придавленность (Verkommenheit) однихъ, которые нужду возводятъ на степень добродѣтели, пресыщеніе другихъ, которые пользуясь безъ труда всѣми благами жизни, успѣли выпить чашу наслажденія до дна. Соціализмъ устранитъ и нужду, и пресыщеніе, и извращеніе природы онъ сдѣлаетъ людей жизнерадостными, способными наслаждаться, умѣющими цѣнить красоту. Онъ принесетъ всѣмъ свободу научнаго и художественнаго творчества.

Не вправѣ ли мы предположить, что при такихъ условіяхъ создастся новый типъ человѣка, стоящій выше самыхъ высокихъ типовъ, какіе создавала до сихъ поръ культура? Это будетъ сверхчеловѣкъ, если хотите, но онъ будетъ не исключеніемъ, а правиломъ, онъ будетъ сверхчеловѣкомъ по сравненію со своими предками, а не со своими ближними. Это будетъ человѣкъ высокой души, который ищетъ себѣ удовлетворенія не въ томъ, чтобы быть великимъ среди искалѣченныхъ карликовъ, а въ томъ, чтобы быть великимъ сре-

ди великихъ, счастливымъ среди счастливыхъ, — который будетъ почерпать сознаніе своей силы не изъ того, что онъ возвышается надъ трупами раздавленныхъ, а изъ того, что союзъ съ равными ему, стремящимися къ одной цѣли людьми даетъ ему мужество браться за разрѣшеніе величайшихъ проблемъ.

Мы вправѣ ожидать такимъ образомъ, что наступитъ царство силы и красоты, достойное идеаловъ нашихъ глубочайшихъ и благороднѣйшихъ мыслителей.

Приложеніе I.

Изъ предисловія К. Каутскаго къ книгѣ Атлантикуса: „Взглядъ на государство будущаго“.

...Насъ спросятъ, дѣйствительно-ли такое детальное описаніе будущаго строя, какое заключается въ сочиненіи Атлантикуса, можетъ способствовать уясненію конечной цѣли соціалистическаго движенія. Самъ авторъ указываетъ на то, что до сихъ поръ соціальдемократія постоянно „запрещала“ пускаться въ изображенія государства будущаго. Но это можно признать справедливымъ лишь съ нѣкоторыми существенными оговорками. Соціалистическое общество будущаго, подобно всякой общественной формѣ прошлаго, мы разсматриваемъ, конечно, какъ организмъ, находящійся въ процессѣ безостановочнаго развитія и превращенія. Мы можемъ до извѣстной степени опредѣлить заранѣе направленіе этого развитія, но мы не въ силахъ предугадать отдѣльныя формы, которыя будетъ оно принимать. Формы развитія, несомнѣнно, будутъ не таковы, какими мы ихъ въ состояніи себѣ представить теперь, — вотъ все, что мы съ увѣренностью можемъ сказать на этотъ счетъ. При изображеніи государства будущаго не только приходится упускать изъ виду цѣлый рядъ факторовъ, которые выступятъ лишь впослѣдствіи, — напр., новыя изобрѣтенія, которыхъ мы еще не знаемъ и которыя внесутъ существенныя измѣненія въ картину будущаго, — но и нельзя съ точностью выяснить всѣ существующіе уже теперь факторы соціалистическаго общества и съ точностью опредѣлить возможность ихъ развитія.

Искусство всегда остается позади природы, даже тамъ, гдѣ оно только копируетъ ее, а тѣмъ болѣе тамъ, гдѣ оно должно конструировать картину дѣйствительности на основаніи немногихъ извѣстныхъ данныхъ.

Въ виду этого соціальдемократическая партія постоянно отказывалась, да и должна была отказываться, связать себѣ руки какимъ бы то ни было построеніемъ соціалистическаго будущаго и провозгласить его цѣлью своихъ стремленій.

Но этимъ она отнюдь еще не запрещала заниматься такого рода построеніями. Всякій человѣкъ, поставившій себѣ широкія цѣли, долженъ чувствовать потребность додумать свои идеи до конца, провѣрить свои идеалы, логически выводя всѣ слѣдствія, изъ нихъ вытекающія, — конструировать, такъ сказать, въ умѣ надстройку будущаго общественнаго зданія, фундаментъ котораго можно распознать уже въ теперешнихъ экономическихъ тенденціяхъ. Чѣмъ основательнѣе продѣлываетъ человѣкъ эту умственную работу, тѣмъ тверже будутъ его убѣжденія, тѣмъ яснѣе и цѣлесознательнѣе его дѣятельность.

Результаты такого заглядыванія въ будущее у каждаго получатся различные, смотря по темпераменту, силѣ ума, склонностямъ и смотря по средѣ; они будутъ не таковы у художника, какъ у статистика, не таковы у философа, какъ у наивной непосредственной натуры, не таковы у юноши, какъ у зрѣлаго человѣка. Это нисколько, однакожъ, не исключаетъ того, чтобы логическое развитіе всѣхъ слѣдствій, вытекающихъ изъ нашихъ идеаловъ, было полезной, вносящей ясность въ вопросъ и даже неизбѣжной работой мысли. На современной стадіи развитія соціалистическаго движенія, такая работа мысли тѣмъ меньше можетъ причинить вреда, чѣмъ больше наше движеніе поглощено практическими задачами дня: о томъ, чтобы изъ-за будущаго оно позабыло о настоящемъ, не можетъ быть теперь даже и рѣчи.

Если у нѣкоторыхъ болѣе живыхъ, обладающихъ болѣе богатымъ воображеніемъ, и болѣе смѣлыхъ натуръ

конструированіе будущаго принимаетъ болѣе конкретныя формы, становясь прямымъ изображеніемъ соціалистическаго общества, то противъ этого тоже нельзя ничего возразить. Соціальдемократія отнеслась въ свое время къ извѣстному произведенію Беллами („Looking backward" — „Взглядъ назадъ" или „Черезъ сто лѣтъ") критически, но отнюдь не отрицательно; она совсѣмъ не запрещала этой книги, а, напротивъ, способствовала ея распространенію. А „News from Nowhere" („Вѣсти изъ небывалой страны") Вильяма Морриса были напечатаны въ научномъ органѣ нѣмецкой соціальдемократіи „Neue Zeit".

Только тамъ и только тогда вооружается соціальдемократія противъ изображеній будущаго, когда они хотятъ быть больше, нежели описаніями того, что могло бы быть, когда они выступаютъ съ претензіей стать обязательными для соціалистическаго движенія и дать основу его практической дѣятельности, какъ выступалъ, напр., Герцка въ своей поверхностной утопіи „Freiland" („Свободная страна").

Въ тѣхъ случаяхъ, когда такихъ претензій нѣтъ, соціальдемократіи тѣмъ менѣе имѣетъ основанія воспрещать предположительныя построенія соціалистическаго будущаго, что производимыя искусно и со знаніемъ дѣла они могутъ иногда получить немаловажное значеніе съ точки зрѣнія пропаганды...

Конечно, построеніе и подробное изображеніе государства будущаго вовсе не является необходимымъ условіемъ ни соціалистической пропаганды, ни развитія соціалистическихъ теорій. Чтобы выяснить цѣли освободительной борьбы пролетаріата въ такой мѣрѣ, въ какой это необходимо для практическихъ задачъ нашего поколѣнія, достаточно изучать настоящее, открывать въ немъ такіе зародыши и тенденціи, которыя обѣщаютъ развиться въ опредѣленные факторы будущаго. Но на массу людей оказываютъ рѣшающее вліяніе не простыя абстракціи, а только конкретныя впечатлѣнія. Отсюда именно проистекаетъ пропагандистское значеніе соціалистическихъ изображеній будущаго. Не случай-

ность, конечно, тотъ фактъ, что изъ двухъ произведеній соціалистической литературы XIX вѣка, получившихъ самое широкое распространеніе, — я имѣю въ виду „Черезъ сто лѣтъ“ Беллами и „Женщину“ Бебеля, — первое представляетъ собой романъ изъ жизни будущаго общества, а второе отличается особеннымъ обиліемъ и наглядностью содержашихся въ немъ изображеній будущаго.

Есть и еще одинъ пропагандистскаго характера мотивъ, вызывающій стремленіе какъ можно нагляднѣе изобразить соціалистическій строй. Подобно соціалистамъ, и противники соціализма обнаруживаютъ склонность пускаться въ изображеніе соціалистическаго будущаго и въ описаніе тѣхъ послѣдствій, которыя, по ихъ мнѣнію, должно повлечь за собою завоеваніе политической власти пролетаріатомъ. И вотъ, желаніе дать отпоръ такого рода антиутопіямъ заставляетъ браться за изображеніе будущаго даже вовсе не склонныхъ къ этому соціалистовъ, браться хотя бы даже и съ нѣкоторой неохотой, исключительно въ цѣляхъ отраженія доводовъ противника. Къ такого рода „оборонительнымъ“ опытамъ построенія будущаго строя принадлежитъ и книжка Атлантикуса.

Противъ осуществленія соціалистическихъ идей наши противники выдвигаютъ, главнымъ образомъ, два возраженія; во-первыхъ, что соціализмъ противенъ „человѣческой природѣ“, и, во-вторыхъ, что соціалистическое равенство означаетъ равенство нищеты.

Если даже допустить, что первое возраженіе основательно, то и въ такомъ случаѣ оно все же было бы очень слабымъ аргументомъ противъ осуществимости соціализма. Рѣшающій вопросъ заключается въ томъ, дѣйствительно-ли побѣда пролетаріата и гибель капитализма неизбѣжны, — если да, то соціализмъ представляетъ изъ себя соціальную необходимость. Или вздумаетъ кто-либо утверждать, что при данныхъ условіяхъ возможенъ какой-нибудь третій способъ производства?

А разъ соціализмъ представляетъ собою соціальную

необходимость, тогда, если бы даже онъ и пришелъ въ столкновеніе съ человѣческой природой, то уступить должна была бы именно человѣческая природа, а не соціализмъ. Общество всегда оказывается сильнѣе „человѣческой природы“, т. е. индивидуума. Фактъ этотъ нигдѣ не выступаетъ такъ ярко, какъ въ современномъ обществѣ, которое давно бы уже погибло, если бы конфликтъ съ человѣческой природой дѣлалъ невозможнымъ его существованіе. Голодъ и любовь являются, какъ извѣстно, двумя факторами, которые поддерживаютъ въ движеніи весь механизмъ природы, а, стало быть, и механизмъ человѣческой природы. Они кажутся чрезвычайно могучими, а между тѣмъ, что же мы видимъ? Вотъ магазины и лавки, переполненные хлѣбомъ, мясомъ, всякаго рода съѣстными припасами, а передъ ними множество людей, которые голодаютъ, — нѣтъ, хуже, которые видятъ, какъ голодаютъ ихъ дѣти; и эти голодные люди не слушаются велѣній голода, ничего не берутъ изъ обильныхъ запасовъ, лежащихъ передъ ними, — не берутъ не только изъ страха передъ закономъ, но и еще больше изъ глубоко укоренившагося въ нихъ уваженія къ собственности. Велѣніе общества, вытекающее изъ соціальныхъ потребностей, оказывается сильнѣе голода.

А любовь? Общество запрещаетъ, по крайней мѣрѣ дочерямъ собственниковъ, внѣбрачную любовь, брачная же любовь становится невозможною для все большаго и большаго числа дѣвушекъ. При такихъ условіяхъ, милліоны дѣвушекъ отказываются отъ всякой любви, предпочитаютъ скорѣе сдѣлаться старыми дѣвами, нежели искать себѣ счастья во внѣбрачной любви, — не только подъ вліяніемъ внѣшняго принужденія, но и, главнымъ образомъ, потому, что велѣніе общества стоитъ въ ихъ глазахъ выше, чѣмъ велѣніе „человѣческой природы“.

Итакъ, если бы даже и было на самомъ дѣлѣ вѣрно, что соціализмъ идетъ въ разрѣзъ съ различными особенностями человѣческой природы, то это свидѣтельствовало бы не о неосуществимости соціалистическаго идеала, а только о томъ, что и соціализмъ не приве-

детъ къ водворенію рая на землѣ, при чемъ еще ни откуда не слѣдуетъ, чтобы соціалистическій строй былъ такимъ адомъ, какимъ является для большинства своихъ членовъ теперешнее общество. Было бы, разумѣется совершенно излишне ломать себѣ голову надъ рѣшеніемъ вопроса о степени счастья, какая будетъ господствовать въ соціалистическомъ обществѣ. Изображенія будущаго въ розовомъ свѣтѣ такъ же мало доказываютъ въ этомъ отношеніи, какъ и изображенія въ самомъ мрачномъ; споръ объ этомъ былъ бы совершенно безсодержательнымъ.

Но, хотя мы и не можемъ поручиться, что въ соціалистическомъ обществѣ будетъ достигнута извѣстная, опредѣленная степень счастья, тѣмъ не менѣе мы имѣемъ всѣ основанія смотрѣть и въ этомъ отношеніи совсѣмъ не пессимистически на будущее. Изъ двухъ сильнѣйшихъ естественныхъ потребностей, голодъ будетъ во всякомъ случаѣ удовлетворенъ. Не такъ просто обстоитъ дѣло съ любовью. Соціалистическое общество будетъ первымъ обществомъ, въ которомъ господствуютъ индивидуальная половая любовь и экономическая самостоятельность женщины безъ проституціи. Въ первобытную эпоху, когда не существовало проституціи, люди не знали и индивидуальной половой любви. На этой почвѣ могутъ возникнуть, въ особенности для „мужской природы“, жестокіе конфликты, отъ которыхъ она избавлена въ настоящее время. Но во всякомъ случаѣ слѣдуетъ полагать, что соціализмъ создастъ не только для женщинъ, но и для большинства мужчинъ возможность болѣе удовлетворительныхъ формъ половой жизни, нежели теперешній способъ производства.

Далѣе, кромѣ голода и любви, сильнѣйшими инстинктами „человѣческой природы“ являются соціальные. Человѣкъ по самой природѣ своей есть животное общественное, и соціальные инстинкты — честолюбіе, чувство долга, преданность другимъ — укоренились въ немъ такъ глубоко, что даже столѣтія ожесточеннѣйшей конкурренціонной борьбы не могли совершенно заглушить ихъ. Эта сторона человѣческой природы должна найти

въ соціалистическомъ обществѣ широкій просторъ для своего проявленія и развитія.

Характерно, что наиболѣе выдающіеся наши утописты знали человѣческую душу, какъ немногіе, и сдѣлали много наблюденій, пролагающихъ новые пути въ области психологіи и педагогики. И именно соціализмъ казался имъ безусловно на болѣе соотвѣтствующею человѣческой природѣ, — т. е. наиболѣе способною осчастливить ее, формою общественнаго устройства.

Такое представленіе, разумѣется, страдаетъ утопизмомъ. Совершенной формы общественнаго устройства вообще не существуетъ; и движущей силою, которою опредѣляется развитіе общества, является не стремленіе дѣлать общественный строй все болѣе и болѣе соотвѣтствующимъ человѣческой природѣ, а техническій прогрессъ. Формы общественнаго сотрудничества, а, слѣдовательно, и формы общественнаго устройства, опредѣляются, въ послѣднемъ счетѣ, уровнемъ техники.

Чѣмъ лучше соотвѣтствуетъ организація общества его экономическимъ условіямъ, тѣмъ полнѣе наслаждаются члены общества той суммой счастья, какую оно вообще способно дать. Но было бы нелѣпо стремиться напередъ опредѣлить эту сумму для даннаго общества. Само собою разумѣется, что соціалистъ не можетъ себѣ представить того общества, къ созданію котораго онъ стремится, иначе, какъ свободнымъ отъ темныхъ сторонъ капиталистическаго строя. Какія отрицательныя явленія таятся въ нѣдрахъ новаго общества, объ этомъ мы не можемъ имѣть никакого представленія. Но каковы-бы ни были эти отрицательныя явленія, нѣтъ никакого основанія думать, что соціалистическое общество вслѣдствіе своего мнимаго несоотвѣтствія природѣ человѣка должно принести съ собою величайшія нравственныя бѣдствія, — подобное предположеніе не только не согласуется съ извѣстными теперь фактами, но и прямо противорѣчитъ имъ.

Намъ говорятъ далѣе, что соціалистическое общественное устройство приведетъ не только къ нравственнымъ бѣдствіямъ, а и къ физической нищетѣ. Это —

второй главный аргументъ, который выдвигаютъ противъ насъ наши противники. Производительность труда, — утверждаютъ они, — слишкомъ незначительна, такъ что благосостояніе можетъ быть обезпечено лишь ничтожному меньшинству, которое за то получаетъ возможность двигать впередъ искусство и науку. Уничтоженіе классовыхъ различій привело-бы только къ обѣднѣнію этого меньшинства, не принося благосостоянія массѣ. Искусство и наука должны-бы были тогда исчезнуть, и въ конечномъ результатѣ, вмѣсто экономическаго прогресса, получился-бы огромный шагъ назадъ, — нужда и нищета для всѣхъ.

Чтобы доказать это, статистики, умѣющіе видѣть вещи въ самомъ розовомъ свѣтѣ, когда требуется выставить на видъ, какъ широко распространено благосостояніе въ капиталистическомъ обществѣ, превращаются въ мрачныхъ пессимистовъ, и нужда народныхъ массъ вдругъ выступаетъ предъ ними въ самыхъ яркихъ формахъ. Намъ нѣтъ надобности заниматься здѣсь разборомъ этихъ статистическихъ кунстштюковъ, такъ какъ, каковы-бы ни были ихъ результаты, они ровно ничего не доказываютъ. Всѣ они основываются на предположеніи, что въ соціалистическомъ обществѣ производится не больше продуктовъ, чѣмъ въ капиталистическомъ; слѣдовательно, если-бы даже подобные разсчеты были вѣрны, они доказывали-бы только, что уничтоженіе классовыхъ различій въ нынѣшнемъ обществѣ привело-бы къ равенству нищеты. Кстати, замѣтимъ мимоходомъ, что только объ уравненіи классовыхъ различій и идетъ въ данномъ случаѣ дѣло, а отнюдь не объ уравненіи индивидуальныхъ различій; поэтому всѣ разглагольствованія нашихъ дарвинистовъ и прочихъ ученыхъ мужей о невозможности этого послѣдняго уравниванія оказываются ни чѣмъ инымъ, какъ пустѣйшей болтовней.

Но мы, соціалисты, утверждаемъ именно, что соціалистическій способъ производства отличается болѣе высокой степенью продуктивности. До сихъ поръ, однако, продуктивность эта не высчитывалась, — выяснялись лишь тѣ факторы, которые въ современномъ обще-

ствѣ препятствуютъ вполнѣ развернуться производительнымъ силамъ и ведутъ къ безполезной тратѣ наличныхъ производительныхъ силъ, а, въ противовѣсъ этому, выставлялись на видъ выгоды отъ планомѣрнаго регулированія производства, отъ искорененія добровольной и вынужденной праздности, отъ устраненія всѣхъ и всякихъ паразитовъ, отъ всесторонняго примѣненія самой усовершенствованной техники. Уже Томасъ Моръ высказалъ нѣсколько очень мѣткихъ замѣчаній на этотъ счетъ; съ тѣхъ поръ у каждаго болѣе или менѣе виднаго соціалиста находимъ мы подобнаго рода соображенія; Марксъ тоже привелъ въ своемъ „Капиталѣ“ важныя данныя по этому вопросу. Но, какъ ни велика доказательная сила всѣхъ этихъ указаній въ глазахъ теоретика, — большую публику могутъ убѣдить только конкретные факты, только наглядные цифровые разсчеты.

Не трудно, впрочемъ, понять, почему именно не приводилось до сихъ поръ цифровыхъ разсчетовъ для доказательства того, что современныя производительныя силы могутъ при планомѣрномъ общественномъ примѣненіи ихъ обезпечить достаточное благосостояніе всѣмъ членамъ общества. Сдѣлать такого рода разсчетъ можно только имѣя передъ собою опредѣленную, детальную картину будущаго общества, картину, которая никогда не будетъ соотвѣтствовать дѣйствительности, ибо никому не дано представить себѣ будущее вполнѣ ясно, — картину, могущую служить не образцомъ, по которому будетъ устроено соціалистическое общество, а только примѣромъ, иллюстрирующимъ возможность его существованія. Между тѣмъ, не легко найти человѣка, который бы изъ-за простого лишь примѣра рѣшился основательно изучить вопросъ и произвести тщательныя вычисленія, необходимыя для того, чтобы сообщить примѣру доказательную силу. Все, что сдѣлано до сихъ поръ въ этой области, — напр., Герцкою, — сводится къ небрежнымъ и вызывающимъ лишь смѣхъ опредѣленіямъ наугадъ. Книжка Атлантикуса представляетъ собою, насколько намъ извѣстно, первую попытку доказать статистическимъ путемъ, что и при

теперешнихъ производительныхъ силахъ, при самомъ щедромъ вознагражденіи капиталистовъ и даже ихъ потомковъ, можно обезпечить благосостояніе всѣмъ членамъ общества, если общество возьметъ въ свои руки планомѣрное производство, по крайней мѣрѣ, всѣхъ необходимыхъ предметовъ потребленія. Подсчеты эти сохраняютъ свою доказательную силу и въ томъ случаѣ, если представить себѣ соціалистическое общество иначе, чѣмъ представляетъ его авторъ, и даже въ томъ случаѣ, если твердо держаться убѣжденія, что соціалистическое общество будетъ совершенно не похоже на наши теперешнія представленія о немъ. Каковы бы ни были предстоящія соціальныя измѣненія, въ силу которыхъ можетъ оказаться невѣрной картина будущаго, набросанная Атлантикусомъ, ихъ можно свести къ двумъ основнымъ: во-первыхъ, прогрессъ техники, благодаря которому производительность труда будетъ еще выше, нежели предполагаетъ Атлантикусъ, и, во-вторыхъ, прогрессъ умственный, который дастъ возможность приспособлять организацію общества къ существующимъ экономическимъ условіямъ еще цѣлесообразнѣе, чѣмъ по плану Атлантикуса. Слѣд., если есть основанія думать, что его картина будущаго отличается неточностью, то необходимо также согласиться съ тѣмъ, что отклоненія дѣйствительности отъ этой картины послужатъ не къ ослабленію, а, напротивъ, къ подкрѣпленію его тезиса, что возможность всеобщаго благополучія будетъ еще больше, чѣмъ предполагается у Атлантикуса.

Все это заставляетъ насъ признать большое значеніе за книгой Антлантикуса. Отсюда не слѣдуетъ, однакожъ, что мы готовы подписаться подъ всѣми взглядами, которые онъ высказываетъ. Наши воззрѣнія по многимъ пунктамъ расходятся съ воззрѣніями автора. Но въ предисловіи къ книгѣ не мѣсто критиковать ее.

Мы отмѣтимъ здѣсь наши разногласія лишь по одному пункту, именно, по вопросу о колоніальной политикѣ, который обсуждается теперь съ такимъ живымъ интересомъ.

Атлантикусъ держится того убѣжденія, что и соціалистическое общество не сможетъ обойтись безъ колоніальныхъ владѣній, и потому считается съ этимъ фактомъ. Онъ исходитъ изъ того принципа, что соціалистическое общество должно быть, въ общемъ, самодовлѣющимъ организмомъ, который производитъ самъ все, что ему необходимо. Но современный культурный человѣкъ не можетъ удовлетворить всѣхъ своихъ потребностей исключительно произведеніями какой-нибудь одной страны, даже какого-нибудь одного пояса земного шара. Слѣдовательно, европейское соціалистическое общество только въ такомъ случаѣ сможетъ обезпечить своимъ членамъ культурное существованіе, когда оно будетъ владѣть колоніями въ тропическихъ странахъ и принуждать ихъ обитателей работать на метрополію. Такимъ образомъ, — заключаетъ авторъ, — соціальдемократія должна относиться сочувственно, а отнюдь не враждебно къ политикѣ пріобрѣтенія заокеанскихъ владѣній.

Одинъ уже этотъ вопросъ показываетъ, до какой степени неосновательно смотрѣть на попытки составить себѣ возможно болѣе ясное представленіе о будущемъ, какъ на безплодныя умствованія. Чѣмъ яснѣе это представленіе, чѣмъ дальновиднѣе наша политика, тѣмъ цѣлесообразнѣе будетъ она и въ настоящемъ, которое вѣдь представляетъ собою не что иное, какъ подготовленіе къ будущему. Отрицательное отношеніе къ колоніальной политикѣ свидѣтельствовало бы о крайней недальновидности германской соціальдемократіи, если бы оно основывалось только на оппозиціи теперешнему правительству, и если бы этимъ наносился непоправимый вредъ экономическому развитію Германіи въ будущемъ.

Но мы думаемъ, что отрицательное отношеніе къ пріобрѣтенію заокеанскихъ владѣній оправдывается не только съ точки зрѣнія настоящаго, но и съ точки зрѣнія будущаго.

Ни одна страна не можетъ оставаться вѣчно на стадіи колоніи, т. е. на стадіи зависимости отъ какой-

нибудь другой, территоріально отдѣленной отъ нея и болѣе культурной страны, которая надъ нею господствуетъ и ее эксплуатируетъ. Территоріальная раздѣленность и различіе интересовъ не позволяютъ населенію колоніи слиться съ населеніемъ господствующей страны въ одну націю, какъ это часто случается съ завоеванными землями, расположенными по сосѣдству. По мѣрѣ того, какъ развивается колонія въ культурномъ отношеніи, она неизбѣжно должна все болѣе и болѣе стремиться къ самостоятельности, къ отдѣленію отъ господствующей страны.

Не знаемъ, сколько времени пройдетъ, пока современное европейское общество утратитъ самыя существенныя капиталистическія черты и замѣнится соціалистическимъ. Нигдѣ не рискуемъ мы впасть въ такія ошибки, какъ при опредѣленіи темпа развитія опредѣленнаго общества, и притомъ впасть въ ошибку могутъ тутъ не только оптимисты, но и пессимисты. Поэтому мы не пускаемся на этотъ счетъ въ прорицанія ни въ томъ, ни въ другомъ смыслѣ. Но именно чѣмъ трезвѣе будемъ мы смотрѣть на грядущій переходъ къ соціализму, чѣмъ болѣе продолжительный періодъ времени будемъ мы отмѣривать для него, тѣмъ скорѣе намъ придется преположить, что стремленіе нынѣшнихъ европейскихъ колоній обособиться приведетъ къ ихъ отдѣленію въ теченіе этого промежуточнаго періода. Въ настоящее время Японія уже превратилась въ великую державу, стоящую на одномъ уровнѣ съ европейскими государствами. Увѣрены-ли вы, что Остъ-Индія еще пятьдесятъ лѣтъ будетъ терпѣливо сносить господство Англіи, Китай — господство европейцевъ, какія бы формы оно ни приняло? Просвѣщеніе и матеріальныя силы, создаваемыя европейской цивилизаціей, быстро распространяются въ этихъ странахъ, и намъ кажется вполнѣ возможнымъ, что еще прежде, чѣмъ Европа придетъ къ соціализму, Японія, Китай и Индія соединятся, чтобы перевести доктрину Монроэ на азіатскій языкъ и объявить: „Азія для азіатовъ“.

Остается Африка. Но вѣдь и тамъ тоже быстро

развивается однородная съ европейской культура. Египетъ на сѣверѣ, Капская земля на югѣ являются зародышами, изъ которыхъ могутъ развиться великія самостоятельныя африканскія царства. То, что англичане завоевываютъ теперь въ Африкѣ, завоевываютъ они для этихъ грядущихъ царствъ, а не для себя. Какъ знать, не поглотитъ-ли втеченіе ближайшаго полустолѣтія могущественный, самостоятельный Египетъ восточно-африканскія владѣнія Германіи? А если Соединенные Штаты Южной Африки не сдѣлаютъ того же самаго съ южноафриканскими владѣніями Германіи, такъ развѣ только потому, что эта расхваленая земля окажется никуда не годной пустыней.

Теперешнія колоніи, — если подходить къ нимъ съ масштабомъ всемірной исторіи, а не индивидуальной жизни, — представляютъ собою лишь эфемерное владѣніе. Теперешнія пріобрѣтенія ихъ отнюдь нельзя считать пріобрѣтеніями для соціалистическаго будущаго, и наша политика по отношенію къ нимъ должна опредѣляться лишь пролетарскими интересами болѣе или менѣе близкаго будущаго.

Трудно сказать, много-ли колоніальныхъ владѣній достанется восторжествовавшему пролетаріату въ наслѣдство отъ капиталистическаго общества; онъ разумнѣе всего поступитъ, если не будетъ основывать ни одной изъ своихъ надеждъ на этихъ владѣніяхъ.

Но если даже преобразованіе Европы на соціалистическихъ началахъ и произойдетъ раньше, чѣмъ успѣютъ пріобрѣсти самостоятельность колоніи, то и тогда намъ кажется все-таки сомнительнымъ, чтобы соціалистическій режимъ, вмѣсто предоставленія колоніямъ самостоятельности, захотѣлъ создать тамъ новыя отношенія господства и эксплуатаціи. Предлагаемая Атлантикусомъ система культуры, скопированная, вѣроятно, съ голландской системы, существующей на Явѣ, можетъ, конечно, носить гораздо болѣе гуманный характеръ, нежели, напр., система капиталистическаго наемнаго труда въ настоящее время. Но каждое общество имѣетъ свою собственную этику, которая, какъ ни глубоко

она коренится въ экономическихъ отношеніяхъ, очень часто оказывается все же сильнѣе отдѣльныхъ экономическихъ интересовъ. Этическія воззрѣнія современнаго пролетаріата отвергаютъ всякое рабство, несмотря на то, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ рабство можетъ носить болѣе мягкій характеръ, чѣмъ наемный трудъ на службѣ у капитала. Во время великой американской междоусобной войны противъ южныхъ рабовладѣльческихъ штатовъ англійскіе рабочіе твердо стояли на сторонѣ сѣверныхъ штатовъ, несмотря на то, что пріостановка привоза хлопка въ Англію ставила ихъ въ отчаянное положеніе. Мы не можемъ себѣ представить, чтобы соціалистическое населеніе примирилось съ какой-нибудь формой эксплуататорской принудительной работы. Если оно и вмѣшается въ дѣла расъ, стоящихъ на болѣе низкой ступени развитія, то, разумѣется, съ цѣлью воспрепятствовать сохраненію или укрѣпленію какихъ бы то ни было формъ эксплуатаціи въ ихъ средѣ, а отнюдь не съ цѣлью самому водворить среди нихъ какую-нибудь форму эксплуатаціи.

Только какая-нибудь настоятельная экономическая необходимость могла бы поставить народъ въ такое рѣзкое противорѣчіе съ основами своего собственнаго общественнаго строя, какимъ было бы введеніе принудительной работы для обитателей другихъ странъ со стороны соціалистическаго государства. Но никакой такой настоятельной экономической необходимости, насколько намъ извѣстно, не существуетъ. Она могла бы возникнуть лишь въ томъ случаѣ, если бы экономическія условія соціалистическаго общества исключали всякій обмѣнъ съ другими странами. Но въ дѣйствительности это совсѣмъ не такъ.

Развитіе мірового обмѣна создало такія культурныя потребности, которыя можетъ удовлетворить только онъ самъ. Ограниченіе потребленія даннаго общества рамками его собственнаго производства означало бы, — если даже причислять сюда и колоніи, — культурный регрессъ. Мы можемъ быть вполнѣ увѣрены, что и соціалистическое общество будетъ стремиться доста-

вать средства для удовлетворенія своихъ потребностей со всего свѣта. Вкусы его членовъ будутъ, быть можетъ, даже до такой степени тонко развиты, что оно предпочтетъ выписывать себѣ чай изъ Китая, табакъ съ Кубы, кофе съ Явы, вмѣсто того, чтобы производить болѣе низкаго качества чай, табакъ и кофе посредствомъ принудительнаго труда на томъ клочкѣ тропическихъ странъ, которымъ случай надѣлилъ его, какъ колоніей. Вывозъ и ввозъ не прекратятся при соціалистическомъ строѣ, только ихъ характеръ подвергнется коренному измѣненію. Въ настоящее время продукты производятся для продажи, и притомъ для продажи съ прибылью; при возрастающемъ накопленіи капитала въ странахъ съ высоко развитой промышленностью, это приводитъ къ необходимости постояннаго расширенія вывоза. Вывозъ становится условіемъ существованія для всего общества. Ввозъ же, напротивъ, не составляетъ неизбѣжной необходимости, онъ является лишь послѣдствіемъ, и притомъ не всегда желательнымъ послѣдствіемъ расширенія вывоза; его по возможности задерживаютъ и стѣсняютъ, такъ какъ капиталистической промышленности хотѣлось бы монополизировать внутренній рынокъ. Напротивъ, соціалистическое общество производитъ продукты не для продажи на сторону, а для потребленія собственныхъ своихъ членовъ. Движущей силой всего экономическаго механизма тутъ служитъ потребленіе, а не прибыль. Въ примѣненіи къ міровой торговлѣ это означаетъ, что для каждой соціалистической страны центръ тяжести экономической жизни заключается въ ввозѣ, а вывозъ отступаетъ на задній планъ. Въ соціалистическомъ обществѣ вывозить будутъ только для того, чтобы имѣть возможность ввозить.

Погоня за деньгами, за прибылью не имѣетъ предѣла; слѣд., не имѣетъ предѣла и стремленіе къ увеличенію вывоза. Потребность въ увеличеніи количества средствъ потребленія находитъ себѣ границы въ естественныхъ потребностяхъ. Поэтому ввозъ, а стало быть и вывозъ, въ соціалистическомъ обществѣ не будутъ

превышать скромной нормы по сравненію съ внутреннимъ производствомъ для собственнаго потребленія.

Міровой рынокъ не поддается учету, стремленіе накопленнаго капитала къ расширенію производства измѣняется всегда вмѣстѣ съ размѣрами накопленія и съ видами на прибыль. Неизбѣжнымъ результатомъ этого при капиталистическомъ производствѣ являются экономическіе кризисы, глубоко потрясающіе общественную жизнь. Потребности же даннаго общества измѣняются, напротивъ, лишь незамѣтно изъ года въ годъ, онѣ представляютъ собою, съ статистической точки зрѣнія, величины, легко поддающіяся учету; поэтому, движенія ввоза и вывоза въ соціалистическомъ обществѣ будутъ отличаться устойчивостью. Кризисы исчезаютъ изъ міровой торговли; каждая отдѣльная страна начинаетъ видѣть въ другихъ странахъ, — если только она нуждается въ ихъ продуктахъ, — не рынокъ главнымъ образомъ, какъ до сихъ поръ, а поставщика; конкурренціонная погоня за рынками прекращается, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаетъ и важнѣйшая причина современной національной вражды.

Какое же значеніе могутъ имѣть тогда колоніи? Въ XVII и XVIII вв. колоніи были цѣнны какъ поставщики. Въ настоящее время ихъ цѣнятъ, — и сильно преувеличенно цѣнятъ, — какъ рынки. Для соціалистическаго общества онѣ будутъ недостаточны и какъ рынки, и какъ поставщики. Открытіе мірового рынка есть одинъ изъ великихъ результатовъ капиталистическаго способа производства, и соціализмъ не подумаетъ отказаться отъ этого результата, а, напротивъ, приспособитъ его къ новымъ общественнымъ потребностямъ.

Мы затронули вопросъ о колоніяхъ, потому что онъ занимаетъ теперь первое мѣсто среди практическихъ вопросовъ, обсуждаемыхъ въ нашей партіи. Для оцѣнки сочиненія Атлантикуса наши возраженія не представляются существенными, потому что принудительная работа въ колоніяхъ должна исполняться, по предположенію, не безъ вознагражденія. Авторъ принимаетъ именно, что колоніи получатъ отъ соціалистической

Германіи вознагражденія въ видѣ товаровъ на сумму 450 мил. марокъ. Будетъ-ли эта сумма употреблена на вознагражденіе колоніи или она будетъ уплачена за поставку соотвѣтствующихъ товаровъ изъ такой страны, гдѣ они производятся всего легче и всего лучше, гдѣ издержки ихъ производства всего меньше, — это не имѣетъ значенія для рѣшенія той цифровой задачи, которую поставилъ себѣ Атлантикусъ...

(Писано весной 1898 года.)

Приложеніе II.

Изъ книги К. Каутскаго „Аграрный вопросъ“*).

Соціальная революція и экспропріація землевладѣльцевъ.

а) Соціализмъ и мелкое производство.

...Переходъ отъ капиталистическаго сельскаго хозяйства къ соціалистическому можетъ совершиться, какъ мы уже замѣтили, и безъ экспропріаціи землевладѣльцевъ-крестьянъ. Слѣдовательно, крестьянамъ нѣтъ основанія бояться пролетарской революціи.

Не только мелкому крестьянству, но и владѣльцамъ мелкихъ предпріятій вообще, въ томъ числѣ и ремесленникамъ, нѣтъ никакихъ основаній опасаться побѣды пролетаріата. Совсѣмъ напротивъ.

Превращеніе государства изъ органа классового господства въ учрежденіе, служащее культурнымъ цѣлямъ, и переложеніе государственныхъ и общинныхъ налоговъ на прибавочную стоимость или на прибавочный продуктъ принесетъ пользу прежде всего мелкимъ производителямъ.

*) Приводимый отрывокъ представляетъ изъ себя послѣднюю (пятую) главу второй части „Аграрнаго вопроса“, озаглавленной: „Соціальдемократическая аграрная политика“. Въ легальной русской прессѣ существуютъ переводы только первой части „Аграрнаго вопроса“ („Развитіе сельскаго хозяйства въ капиталистическомъ обществѣ“), да и то не безъ пропусковъ.

Прим. перев.

Но отношеніе мелкихъ хозяевъ къ первымъ шагамъ соціалистическаго строя будетъ различное, смотря по тому, являются ли ихъ хозяйства паразитическими или необходимыми. Паразитическими можно назвать такія мелкія хозяйства, которыя технически оказываются страшно отсталыми, а экономически совершенно ненужными, — за которыя ихъ владѣльцы цѣпляются лишь потому, что чисто пролетарское существованіе представляется имъ еще болѣе необезпеченнымъ и жалкимъ, нежели ихъ собственное, иногда же и потому, что они не могутъ найти себѣ мѣста въ рядахъ пролетаріата. Какая масса мелкихъ предпріятій, особенно въ сферѣ мелочной торговли, основывается наемными рабочими, которые сдѣлались безработными вслѣдствіе преслѣдованій со стороны капиталистовъ, или по другимъ причинамъ, — которые заводятъ при помощи кредита карликовыя самостоятельныя хозяйства, чтобы не перейти окончательно въ разрядъ золоторотцевъ!

Статистикъ причисляетъ къ безработнымъ только лицъ, лишенныхъ всякаго занятія. По послѣдней переписи*), ихъ насчитывается лишь нѣсколько сотъ тысячъ. Но если бы государство вздумало дать приличный заработокъ всѣмъ безработнымъ, то мы увидѣли бы изумительный ростъ числа лицъ, требующихъ отъ государства работы и заработка, наряду съ громаднымъ сокращеніемъ числа карликовыхъ хозяйствъ.

Чѣмъ лучше будетъ положеніе рабочаго въ крупномъ хозяйствѣ, чѣмъ короче его рабочій день, чѣмъ выше его заработная плата, чѣмъ обезпеченнѣе его доходъ, тѣмъ скорѣе откажутся владѣльцы мелкихъ паразитическихъ предпріятій отъ мысли поддерживать дольше свое жалкое существованіе при помощи реакціонныхъ экспериментовъ насчетъ всего общества; — тѣмъ скорѣе рѣшатся они бросить свои устарѣлыя и ненужныя

*) Каутскій имѣетъ здѣсь въ виду германскія переписи безработныхъ 14 іюня и 2 декабря 1895 года. Число безработныхъ опредѣлилось въ іюнѣ въ 299.352, а въ декабрѣ — въ 771.005 человѣкъ, что составляетъ 1,9% и 4,8% всего числа наемныхъ рабочихъ. Прим. перев.

хозяйства и сдѣлаться рабочими въ крупныхъ предпріятіяхъ новѣйшаго типа. Число находящихся въ распоряженіи націи производительныхъ силъ должно, благодаря этому, сильно увеличиться, а вмѣстѣ съ тѣмъ изсякнетъ и обильный источникъ нищеты и нужды.

Но, кромѣ паразитическихъ, существуютъ еще и необходимыя мелкія предпріятія въ тѣхъ областяхъ промышленности, которыя еще не завоеваны машиною, въ которыхъ нѣтъ массоваго производства. Вопросъ о томъ, какія именно предпріятія принадлежатъ къ этой категоріи, конечно, будетъ еще вызывать споры; къ тому же и техническія условія со дня на день измѣняются. Въ художественное ремесло, считавшееся до сихъ поръ несокрушимымъ оплотомъ мелкаго хозяйства, машина проникла точно такъ же, какъ и въ хлѣбопекарный или сапожный промыселъ. Слѣдуетъ, однакожъ, думать, что нѣкоторыя отрасли ремесла продержатся до наступленія соціалистической эры; мало того, подъемъ благосостоянія массъ можетъ повести даже къ новому оживленію нѣкоторыхъ отраслей ремесленной промышленности, сокращая спросъ на дешевые массовые продукты и увеличивая спросъ на болѣе дорогія, но болѣе приноровленныя къ индивидуальнымъ вкусамъ ремесленныя произведенія. Въ то же самое время, благодаря пролетарской податной политикѣ (поскольку тогда вообще останутся подати) уменьшатся налоги, лежащіе на ремесленникѣ. Повысится его общее образованіе, увеличится для него возможность получить болѣе высокое техническое и художественное образованіе. Въ этомъ смыслѣ можно, пожалуй, сказать, что соціалистическое общество не только не зиждется на полной гибели ремесла, но можетъ даже вызвать новый расцвѣтъ нѣкоторыхъ отраслей ремесленнаго производства. Но это процвѣтающее ремесло будетъ носить совершенно другой соціальный характеръ, чѣмъ теперешнее; оно будетъ представлять собою лишь исключеніе изъ общаго правила, лишь отклоненіе отъ господствующаго типа производства.

Огромная, играющая рѣшающую роль въ экономи-

ческой жизни, масса средствъ производства будетъ общественной собственностью, производство будетъ общественнымъ. При такихъ условіяхъ мелкій ремесленникъ, даже и продолжая оставаться самостоятельнымъ въ своей мастерской, попадаетъ въ полную зависимость отъ общества, которое одно доставляетъ ему сырье и орудія труда, которое будетъ въ большинствѣ случаевъ и единственнымъ покупщикомъ его продуктовъ. Онъ вынужденъ принаравливаться къ механизму общественнаго производства и, несмотря на свою изолированность въ мастерской, дѣлаться общественнымъ работникомъ.

То же самое будетъ и съ крестьянствомъ. Безчисленное множество обладателей паразитическихъ карликовыхъ хозяйствъ съ радостью откажутся отъ своей призрачной самостоятельности и призрачной собственности, когда соціалистическое крупное хозяйство будетъ давать имъ осязательныя, реальныя выгоды.

Непаразитическія крестьянскія мелкія хозяйства, — тѣ, которыя исполняютъ еще важныя функціи въ экономической жизни страны, — точно также сдѣлаются звеньями общественнаго производства, какъ и ремесленныя предпріятія, хотя по внѣшности они и будутъ оставаться хозяйствами самостоятельными и изолированными. Общество получаетъ надъ ними еще большую власть, чѣмъ надъ ремесленными предпріятіями, — благодаря огосударствленію гипотекъ и огосударствленію тѣхъ отраслей сельскохозяйственной промышленности, отъ которыхъ зависятъ мелкія крестьянскія хозяйства.

Крестьянамъ нѣтъ, однакожъ, основанія опасаться, что эта зависимость будетъ для нихъ невыгодна. Зависѣть отъ государства при демократическомъ режимѣ во всякомъ случаѣ пріятнѣе, чѣмъ подвергаться эксплуатаціи со стороны какихъ-нибудь разжившихся сахарныхъ тузовъ. Но государство не только не будетъ ничего брать у крестьянъ, — оно будетъ многое давать имъ. Съ переходомъ отъ капиталистическаго строя къ соціалистическому крестьяне и сельскохозяйствен-

ные рабочіе должны сдѣлаться особенно цѣнными, какъ работники.

Чрезмѣрное расширеніе промышленности, работающей на міровой рынокъ, и одновременное переполненіе рынка чужеземнымъ хлѣбомъ, — два явленія, находящіяся въ тѣснѣйшемъ взаимодѣйствіи другъ съ другомъ, — гонятъ въ города сельское населеніе, и притомъ главнымъ образомъ наиболѣе работоспособные его элементы. Какъ только на первый планъ въ національномъ хозяйствѣ снова выдвинется внутренній рынокъ, этотъ переворотъ долженъ будетъ сказаться прежде всего въ увеличеніи значенія сельскаго хозяйства. Увеличеніе потребительной способности массъ потребуетъ расширенія производства пищевыхъ продуктовъ; сокращеніе вывоза поведетъ къ уменьшенію привоза извнѣ. При такихъ обстоятельствахъ станетъ необходимымъ всестороннее раціональное сельское хозяйство, которое бы давало наивысшій возможный доходъ. На сельское хозяйство придется направить самыя лучшія средства производства, ему придется посвятить самыя лучшія рабочія силы. Послѣдняго, впрочемъ, не такъ то легко достигнуть. Всякій сельскохозяйственный рабочій окажется пригоднымъ для той или иной промышленной работы; изъ промышленныхъ же рабочихъ, напротивъ, лишь очень немногіе могутъ быть теперь употреблены на работы по сельскому хозяйству. Можно, правда, ожидать, что при цѣлесообразномъ воспитаніи молодежь будетъ способна исполнять, наряду съ промышленной и чисто интеллектуальной, и сельскохозяйственную работу; но на первыхъ порахъ этого будетъ всетаки недостаточно для удовлетворенія потребности сельскаго хозяйства въ рабочей силѣ.

При такихъ условіяхъ, сельскохозяйственные рабочіе и мелкіе крестьяне, занимающіе въ современномъ обществѣ положеніе едва ли не самыхъ нелюбимыхъ пасынковъ, должны сильно подняться въ соціальномъ отношеніи и получить огромное значеніе. Нелѣпа, поэтому, даже самая мысль о томъ, будто соціалистическій режимъ сгонитъ крестьянъ съ ихъ земель! Это

было бы безумiемъ, далеко превосходящимъ даже мѣру того, что возводятъ на насъ самые безсовѣстные и самые ограниченные изъ нашихъ противниковъ.

Соціалистическій режимъ, въ интересахъ одного уже прокормленія народа, долженъ будетъ позаботиться о томъ, чтобы положеніе лицъ, занимающихся сельскимъ хозяйствомъ, было какъ можно выгоднѣе. Вытѣсненіе товарнаго производства производствомъ непосредственныхъ потребительныхъ цѣнностей даетъ, далѣе, возможность превратить ипотечные проценты и всѣ прочіе платежи, лежащіе на крестьянахъ (поскольку останутся вообще такіе платежи), изъ денежныхъ платежей въ поставки натурою, что для крестьянъ будетъ огромнымъ облегченіемъ. Но пролетарскій режимъ всецѣло заинтересованъ также и въ томъ, чтобы сдѣлать трудъ крестьянина какъ можно производительнѣе, т. е. въ томъ, чтобы снабжать крестьянъ самыми лучшими техническими орудіями. Соціальдемократія, вмѣсто того, чтобы экспропріировать крестьянина, предоставитъ въ его распоряженіе самыя усовершенствованныя средства производства, совершенно недоступныя ему при современныхъ капиталистическихъ условіяхъ.

Правда, наиболѣе совершенныя средства производства крестьянинъ можетъ примѣнять только въ крупномъ хозяйствѣ, и соціалистическій режимъ непремѣнно долженъ будетъ стремиться къ быстрому расширенію крупнаго производства. Но чтобы побудить крестьянъ соединять свои земли для веденія на нихъ крупнаго хозяйства товариществами или общинами, для этого нѣтъ никакой надобности прибѣгать къ экспропріаціи крестьянства. Разъ крупное хозяйство, ведущееся на товарищескихъ началахъ, оказывается выгоднымъ для членовъ товарищества, то одинъ уже примѣръ предпріятій, находящихся въ рукахъ государства, побудитъ крестьянъ поступить такимъ же образомъ. Главныя препятствія, мѣшающія теперь развитію сельскаго хозяйства на товарищескихъ началахъ, — отсутствіе образца, рискъ, недостатокъ въ капиталѣ, — тогда исчезнутъ, а тѣ (нынѣ чрезвычайно сильныя) препятствія, кото-

рыя коренятся въ неограниченной частной собственности на землю, будутъ сведены до минимума вслѣдствіе огосударствленія гипотекъ, вслѣдствіе возрастающей зависимости крестьянъ отъ огосударствленныхъ отраслей сельскохозяйственной промышленности, вслѣдствіе пріобрѣтенія государствомъ все болѣе и болѣе широкихъ правъ надзора и вмѣшательства въ самое веденіе сельскаго хозяйства и въ дѣло гигіены какъ людей, такъ и животныхъ.

Въ виду всего этого, — разъ соціалистическій режимъ не можетъ не быть заинтересованнымъ въ безостановочномъ продолженіи сельскохозяйственнаго производства, разъ крестьянство получитъ тогда огромное соціальное значеніе, — представляется прямо таки невозможнымъ, чтобы, съ цѣлью пріобщить крестьянъ къ выгодамъ болѣе совершенныхъ способовъ хозяйства, соціалистическій режимъ прибѣгнулъ къ пріемамъ насильственной экспропріаціи.

Если же найдутся тогда еще такія отрасли сельскаго хозяйства или такія мѣстности, гдѣ мелкое хозяйство выгоднѣе крупнаго, то нѣтъ ни малѣйшаго основанія въ угоду шаблону вводить тамъ крупное хозяйство. Эти отрасли или мѣстности не будутъ имѣть важнаго значенія для національнаго производства, такъ какъ въ тѣхъ отрасляхъ сельскаго хозяйства, которыя играютъ рѣшающую роль, и теперь уже оказывается болѣе выгоднымъ крупное хозяйство. Перемѣщеніе же экономическаго центра тяжести съ мірового рынка на внутренній должно будетъ выдвинуть на первый планъ какъ разъ эти послѣднія отрасли сельскаго хозяйства, и прежде всего производство зерна.

Въ области сельскаго хозяйства единичныя мелкія предпріятія точно такъ же могутъ уживаться съ соціалистическимъ строемъ, какъ и въ области ремесла; сказанное о послѣднихъ вполнѣ приложимо и къ первымъ. Будетъ ли земля, которую обрабатываютъ эти мелкія хозяйства, частная или же государственная, это довольно безразлично. Дѣло не въ названіи, а въ существѣ дѣла, не въ юридическихъ категоріяхъ, а въ экономическихъ послѣдствіяхъ.

Все это, разумѣется, лишь гипотеза, а не предсказаніе будущаго. Мы говоримъ не о томъ, что будетъ, а о томъ, что можетъ быть. Но о томъ, что именно будетъ въ дѣйствительности, наши противники знаютъ такъ же мало, какъ и мы; они, точно такъ же, какъ и мы, могутъ опираться только на тѣ факторы, которые извѣстны въ достаточной мѣрѣ уже и теперь: а если продолжить въ будущее линію, указывающую направленіе, въ которомъ дѣйствуютъ эти факторы, то мы придемъ какъ разъ къ тому ходу развитія, который очерченъ нами здѣсь.

Стремленія и желанія, высказываемыя въ оффиціальныхъ заявленіяхъ соціальдемократіи и въ сочиненіяхъ наиболѣе выдающихся ея представителей, отнюдь не находятся въ противорѣчіи съ тѣми выводами, къ которымъ пришли мы. Во всѣхъ этихъ источникахъ нигдѣ не найдемъ мы требованія экспропріаціи крестьянства.

Передъ самой мартовской революціей 1848 года центральный комитетъ Союза Коммунистовъ, — комитетъ, въ которомъ засѣдали Марксъ и Энгельсъ, — формулировалъ „требованія коммунистической партіи въ Германіи“. Три пункта этихъ требованій, касающіеся сельскаго хозяйства, гласятъ:

„7. Княжескія и другія феодальныя имѣнія, всѣ рудники, копи и т. д. превращаются въ государственную собственность. На этихъ земляхъ ведется хозяйство въ крупныхъ размѣрахъ и сообразно съ новѣйшими данными науки на пользу всего общества.

„8. Гипотеки на крестьянскія земли объявляются собственностью государства: проценты по этимъ гипотекамъ платятся крестьянами государству.

„9. Въ мѣстностяхъ, гдѣ развита арендная система, земельная рента или арендная плата вносится въ видѣ налога государству“.

О посягательствѣ на права собственности крестьянъ — ни слова. Огосударствленію подвергаются только гипотеки на крестьянскія земли, а не самыя крестьянскія земли.

Когда зарубцевались раны, нанесенныя пораженіями 1848 года, и рабочее движеніе начало оживать снова, выдвинулся на очередь и аграрный вопросъ. Онъ обсуждался на различныхъ конгрессахъ Интернаціонала. Наиболѣе извѣстны и наиболѣе важны пренія, происходившія на базельскомъ конгрессѣ (1869 г.), который принялъ слѣдующія резолюціи:

„1. Конгрессъ заявляетъ, что общество имѣетъ право уничтожить частную собственность на землю и превратить землю въ общую собственность.

„2. Конгрессъ заявляетъ, что въ интересахъ общества необходимо совершить это превращеніе".

По вопросу о томъ, какъ совершить это превращеніе, конгрессъ не высказался. Онъ объявилъ: „Признавая принципъ общей собственности на землю, конгрессъ рекомендуетъ всѣмъ секціямъ разработать вопросъ о практическихъ средствахъ къ проведенію этого принципа".

По поводу этихъ резолюцій Либкнехтъ читалъ въ мартѣ 1870 года въ Саксоніи рефераты, изъ которыхъ одинъ, самый обширный, переработанъ былъ потомъ въ брошюру, вышедшую подъ заглавіемъ „Къ земельному вопросу" (Zur Grund-und Bodenfrage) въ 1873 году (въ 1876 г. она вышла вторымъ изданіемъ). Тамъ говорится между прочимъ: „Не такъ просто (какъ въ Англіи) обстоитъ дѣло во Франціи и особенно въ Германіи. Сельскохозяйственныхъ рабочихъ, правда, отчасти уже удалось убѣдить въ необходимости разумнаго преобразованія поземельныхъ отношеній, отчасти не трудно будетъ убѣдить въ этомъ. Но мелкіе крестьяне, несмотря на то, что они фактически являются пролетаріями или неудержимо превращаются въ пролетаріевъ, по большей части еще очень крѣпко держатся за свою „собственность", хотя въ большинствѣ случаевъ она оказывается лишь номинальною, призрачною собственностью. Декретъ объ экспропріаціи встрѣтилъ бы, несомнѣнно, сильнѣйшее сопротивленіе со стороны большинства крестьянъ; быть можетъ вызвалъ бы даже открытое возстаніе крестьянства". Государству

необходимо, слѣдовательно, избѣгать всего, что могло бы на самомъ дѣлѣ или же только повидимому повредить интересамъ крестьянъ. Рука объ руку съ разъясненіемъ крестьянству преимуществъ соціалистическаго строя должны идти практическія мѣропріятія, направленныя къ непосредственному облегченію тяжелаго бремени, лежащаго на крестьянскомъ населеніи. Прежде всего можно было бы подвергнуть огосударствленію ипотеки, понизить размѣръ процента по нимъ и при этомъ, какъ и при выдачѣ дальнѣйшихъ ссудъ, ставить крестьянамъ обязательнымъ условіемъ, чтобы они вводили раціональное земледѣліе. Тогда, при помощи государства, можно было бы превращать постепенно единоличныя хозяйства въ крупное хозяйство, ведущееся на товарищескихъ началахъ (стр. 172-175).

Экспропріированіе земледѣльческаго населенія революціоннымъ правительствомъ Либкнехтъ называетъ прямымъ безумiемъ.

Быстрый ростъ промышленности и пролетарскаго движенія въ промышленныхъ центрахъ отодвинули земельный вопросъ, послѣ событій 1870 года, на задній планъ. Подъ вліяніемъ сельскохозяйственнаго кризиса, онъ сдѣлался опять вопросомъ дня, не только въ буржуазныхъ, но и въ пролетарскихъ партіяхъ. Въ преніяхъ, возникшихъ по этому поводу принималъ участіе и Энгельсъ. И онъ повторилъ въ 1894 году то же, что говорилъ въ 1848 году. Энгельсъ спрашивалъ: „Каково же наше положеніе по отношенію къ мелкому крестьянству? И какъ придется намъ поступить съ нимъ въ тотъ день, когда въ наши руки перейдетъ государственная власть?“ И онъ отвѣчалъ:

„Во-первыхъ, безусловно правильно то положеніе французской (аграрной) программы, что мы предвидимъ неизбѣжную гибель мелкаго крестьянства, но мы отнюдь не призваны ускорять эту гибель вмѣшательствомъ съ нашей стороны.

„А во-вторыхъ, столь же понятно, что, получивши въ свои руки государственную власть, мы и думать не можемъ о томъ, чтобы насильственно экс-

пропріпровать мелкихъ крестьянъ (все равно, съ вознагражденіемъ или безъ вознагражденія), какъ мы вынуждены поступить съ крупными землевладѣльцами. Наша задача по отношенію къ мелкому крестьянству заключается прежде всего въ томъ, чтобы превратить его частное хозяйство и его частную собственность въ товарищеское хозяйство и товарищескую собственность не насильственнымъ путемъ, а при помощи примѣра и посредствомъ поддержки товариществъ, образующихся для этой цѣли. А въ этомъ отношеніи у насъ найдется, конечно, достаточно средствъ, чтобы наглядно показать мелкому крестьянину тѣ выгоды, которыя должны быть для него ясны уже и теперь".

Даже относительно крупныхъ крестьянъ Энгельсъ высказываетъ такое мнѣніе: „Къ насильственной экспропріаціи мы, по всей вѣроятности, не прибѣгнемъ и тутъ; можно надѣяться, что экономическое развитіе сдѣлаетъ воспріимчивыми къ доводамъ разсудка и эти тупыя головы". (Die Bauernfrage in Frankreich und Deutschland, Neue Zeit, XIII, 1, стр. 301 — 305).

Цитированныя здѣсь заявленія находятся въ полнѣйшемъ согласіи съ изложенными нами выше соображеніями. Если послѣднія указываютъ на то, что экспропріированіе крестьянства отнюдь не въ интересахъ соціализма, то первыя самымъ недвусмысленнымъ образомъ свидѣтельствуютъ о томъ, что такого рода экспропріированіе отнюдь не входитъ и въ намѣренія соціалистовъ.

Крестьянамъ нечего бояться соціальдемократіи, они вправѣ, напротивъ, всего ждать отъ нея. Конечно, при теперешнемъ строѣ соціальдемократія отнюдь не можетъ исполнить всѣхъ ихъ желаній, но не потому, чтобы у ней не хватило для этого охоты, а потому, что многія изъ этихъ желаній должны остаться невинными пожеланіями, которыхъ не въ состояніи осуществить и никакая другая партія. Въ обѣщаніяхъ соціальдемократія не можетъ конкуррировать съ партіями аграріевъ, но что можно сдѣлать для сельскаго населенія при теперешнемъ строѣ, все это именно она

и дѣлаетъ. И только она одна и можетъ сдѣлать это полностью, потому что въ отрицаніи капитала она способна идти неизмѣримо дальше, чѣмъ какая-нибудь изъ буржуазныхъ партій.

Но еще неизмѣримо большаго, чѣмъ отъ соціальной реформы въ рамкахъ существующаго строя, можетъ ждать крестьянство отъ перехода къ соціалистическому строю. Экспропріація — вотъ въ чемъ состоитъ тотъ капиталистическій пріемъ, съ помощью котораго совершается переходъ отъ низшихъ къ высшимъ формамъ хозяйства. Въ современномъ обществѣ предъ крестьяниномъ вѣчно стоитъ дилемма — или отмахиваться руками и ногами отъ всякаго прогресса, а это означаетъ постоянный упадокъ во всѣхъ отношеніяхъ, или же подвергнуться экспропріированію со стороны капитала. Только соціализмъ впервые открываетъ ему возможность принимать участіе въ общественномъ прогрессѣ, не подвергаясь экспропріированію. Соціализмъ не только не несетъ съ собой экспропріаціи крестьянства — онъ несетъ ему, напротивъ, самую надежную защиту отъ экспропріаціи, которая вѣчно виситъ надъ его головою въ современномъ обществѣ.

в) Будущность собственнаго жилища.

Для огромнаго большинства отраслей сельскохозяйственной дѣятельности окажется, какъ мы говорили, болѣе выгоднымъ крупное хозяйство; экономическое развитіе, послѣ того какъ восторжествовавшій пролетаріатъ устранитъ всѣ стѣсняющія его преграды, приведетъ къ вытѣсненію мелкаго хозяйства крупнымъ товарищескимъ или общиннымъ хозяйствомъ, т. е. къ соединенію пахатныхъ земель въ рукахъ товариществъ и общинъ. Но отсюда отнюдь не слѣдуетъ, чтобы та же самая участь постигла и собственное жилье, собственный домашній очагъ. Свойственная и теперь еще сельскому хозяйству связь домашняго очага съ земледѣльческимъ предпріятіемъ — въ такомъ случаѣ уничтожится, домъ отдѣлится отъ хозяйственнаго двора; но ничто не заставляетъ насъ превращать въ общую собственность домъ, въ которомъ живетъ крестьянинъ. Современный соціализмъ зиждется на общей собственности по отношенію къ средствамъ производства, а не по отношенію къ предметамъ потребленія и наслажденія. Частной собственности на предметы потребленія и наслажденія онъ не исключаетъ. Среди же средствъ пользоваться и наслаждаться человѣческой жизнью, однимъ изъ самыхъ важныхъ, а быть можетъ и самымъ важнымъ, является собственное жилище. Общую собственность на землю отнюдь нельзя признать несовмѣстимою съ существованіемъ собственныхъ жилищъ.

Мы ступили-бы на слишкомъ нетвердую почву, если бы вздумали обсуждать здѣсь вопросъ о жилищахъ будущаго. Станутъ-ли люди будущаго жить въ дворцахъ-фаланстерахъ à la Фурье или въ отдѣльныхъ домикахъ-коттэджахъ à la Беллами, привьется-ли въ однихъ мѣстахъ одна форма жилищъ, въ другихъ другая, станутъ-ли онѣ развиваться рядомъ и вмѣстѣ другъ съ другомъ, — во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣ-

нію, что если только люди будутъ придавать этому значеніе, то каждая семья въ состояніи будетъ имѣть свой собственный домъ. Принципіальныя основы соціалистическаго общества нисколько этому не мѣшаютъ.

Правда, техническое развитіе приводитъ и теперь уже къ сокращенію работъ по домашнему хозяйству и къ расширенію сферы профессіональнаго труда женщины. Если первое совершается всетаки еще очень медленно, то причина этого коренится въ дешевизнѣ женской рабочей силы. Трудъ женщины въ домашнемъ хозяйствѣ не оплачивается деньгами, онъ какъ-будто ничего не стоитъ, и женщина является самымъ дешевымъ и самымъ выносливымъ вьючнымъ животнымъ; поэтому пролетарій и можетъ цѣпко держаться за столь отсталое въ техническомъ отношеніи обособленное домашнее хозяйство. Для зажиточныхъ-же классовъ общества веденіе собственнаго домашняго хозяйства означаетъ удовольствіе имѣть собственныхъ рабынь — служанокъ, постоянно готовыхъ къ услугамъ хозяина и занятыхъ исключительно заботами объ его драгоцѣнной особѣ.

Чѣмъ больше пріобрѣтаетъ пролетаріатъ силы, тѣмъ труднѣе становится найти прислугу, тѣмъ выше ея требовательность, тѣмъ неудобнѣе зажиточному человѣку вести домашнее хозяйство. Тѣ добродѣтельныя хозяйки, которыя теперь всего пламеннѣе защищаютъ святость семейнаго очага, — пока всѣ работы по домашнему хозяйству исполняются у нихъ прислугой, — эти добродѣтельныя хозяйки будутъ самымъ энергичнымъ образомъ требовать мѣропріятій, направленныхъ къ сокращенію работъ по частному домашнему хозяйству или къ выдѣленію ихъ въ особые промыслы, какъ только имъ придется исполнять самимъ всѣ работы по дому, самимъ стряпать, мыть, стирать, ходить за дѣтьми и, — верхъ ужаса, — чистить сапоги.

Побѣда и даже простое лишь усиленіе пролетаріата должно вызвать другое теченіе въ этомъ направленіи среди самихъ женщинъ, занятыхъ домашнимъ хозяйствомъ. Только нищета и нужда заставляетъ ихъ те-

перь исполнять неудовлетворительнымъ образомъ даже самыя непроизводительныя работы по дому, вмѣсто того чтобы пользоваться въ этомъ отношеніи услугами хорошо обставленныхъ заведеній внѣ дома. Возвышеніе благосостоянія рабочей семьи приведетъ не къ обремененію домашними работами новыхъ домашнихъ рабынь, а лишь къ облегченію бремени, лежащаго на хозяйкѣ дома. Сокращеніе работъ по домашнему хозяйству, совершающееся теперь гораздо медленнѣе, нежели то позволяетъ техническій прогрессъ, пойдетъ тогда очень быстро. Вмѣстѣ съ тѣмъ исчезнетъ и хозяйственная основа семьи. Но не исчезнетъ самая семья, такъ какъ есть уже новая, высшая основа для нея — индивидуальность.

Человѣкъ по природѣ своей — соціальное существо, „стадное животное“, и проходитъ много времени, прежде чѣмъ онъ начинаетъ чувствовать себя и смотрѣть на себя какъ на нѣчто отдѣльное отъ общества. Пока человѣкъ могъ устоять въ борьбѣ за существованіе только прижимаясь какъ можно тѣснѣе къ обществу, пока общественное развитіе совершалось до такой степени медленно, что надъ духовной жизнью индивидуума всецѣло господствовала традиція, т. е. сумма унаслѣдованныхъ воззрѣній цѣлаго общества, до тѣхъ поръ не было мѣста для развитія индивидуума. Только когда ростъ производительности труда и общественная дифференціація создали классы, члены которыхъ не поглощались уже всецѣло борьбою за существованіе (физическій трудъ и война), имѣли свободное время, чтобы развивать особую духовную жизнь, и благодаря своимъ богатствамъ и своимъ рабамъ получали возможность жить независимо отъ общества, даже въ антагонизмѣ съ обществомъ, — только тогда образовалась, по крайней мѣрѣ въ нѣдрахъ аристократіи, почва для свободнаго развитія личности. Особенно рѣзко обнаруживалось это развитіе въ періоды крупныхъ катастрофъ, внезапно переносившихъ общество на новый фундаментъ и такимъ образомъ обрывавшихъ дѣйствіе традиціи. Такъ было, напр., въ древней Греціи — послѣ персид-

скихъ войнъ, въ Италіи — послѣ крестовыхъ походовъ, на западѣ Европы — въ вѣкъ открытій и реформаціи. Возникла личность; рядомъ съ безличнымъ народнымъ творчествомъ выросло личное искусство; рядомъ съ безличной религіей возникла личная философія.

Но лишь капиталистическому способу производства удалось вытравить стадную натуру изъ болѣе широкихъ круговъ населенія, превратить личность, „сверхчеловѣка“, изъ явленія аристократическаго въ явленіе болѣе демократическое. Капиталистическому способу производства удалось совершить это потому, что онъ разрушилъ всѣ завѣщанныя исторіей организаціи, которыя раньше служили связующимъ элементомъ, соединявшимъ народныя массы въ одно цѣлое въ борьбѣ за существованіе; потому, что онъ объявилъ экономическую революцію en permanence, окончательно отнимая у традиціи роль руководителя въ жизни и принуждая каждаго человѣка строить на основаніи собственныхъ наблюденій собственное жизнепониманіе; наконецъ, потому, что капитализмъ, въ значительной степени благодаря массамъ прибавочныхъ продуктовъ, которые имъ производятся, увеличиваетъ до невиданныхъ прежде размѣровъ число „умственныхъ работниковъ“ въ обществѣ, создавая вмѣстѣ съ тѣмъ для нихъ гораздо менѣе обезпеченное и менѣе удовлетворительное положеніе, чѣмъ когда-бы то ни было прежде.

Въ соціалистическомъ-же обществѣ индивидуализмъ, т. е. стремленіе къ свободному развитію личности, долженъ пріобрѣсти еще несравненно больше силы и распространиться гораздо шире, нежели въ обществѣ капиталистическомъ, по мѣрѣ того какъ будутъ распространяться образованіе, благосостояніе и досугъ.

Правда, въ одной очень важной сферѣ, въ сферѣ экономической жизни, возможность свободнаго проявленія индивидуальности будетъ во многихъ случаяхъ ограничена соціализмомъ; но зато, съ другой стороны, благодаря сокращенію рабочаго времени, сильно расширится для личности очень незначительная теперь возможность дѣятельности внѣ сферы хозяйства.

Благодаря этому должны пріобрѣсти новое значеніе прежде всего семья и собственное жилище. Нигдѣ не можетъ личность развернуться такъ полно, безъ помѣхи со стороны враждебной или, по крайней мѣрѣ, стѣсняющей ее воли другихъ, какъ въ собственномъ жилищѣ, которое она можетъ устраивать и украшать свободно, ограничиваемая лишь матерьяльными, а отнюдь не личными соображеніями, — въ которомъ она можетъ посвящать свободно себя своимъ близкимъ, своимъ друзьямъ, своимъ книгамъ, своимъ думамъ и мечтамъ, своимъ научнымъ и художественнымъ твореніямъ.

Вмѣстѣ съ индивидуализмомъ выростаетъ и индивидуальная половая любовь, которая находитъ себѣ удовлетвореніе только въ соединеніи и совмѣстной жизни съ однимъ, опредѣленнымъ индивидуумомъ другого пола. Для прочности основывающагося на этой индивидуальной половой любви брака также необходимо собственное жилище.

Чѣмъ больше исчезаетъ изъ брака хозяйственный элементъ и выдвигается на первый планъ элементъ индивидуалистическій, тѣмъ болѣе измѣняется и отношеніе родителей, въ особенности отца, къ дѣтямъ. Бракъ, какъ хозяйственный институтъ, имѣетъ своей задачей, съ одной стороны, создать для домашняго хозяйства необходимую экономическую основу, въ видѣ приданаго или рабочей силы жены и промысловаго труда мужа, а съ другой — произвести на свѣтъ наслѣдниковъ для отцовскаго имущества, а иногда и преемниковъ для отцовской профессіи. Въ индивидуалистическомъ бракѣ не только экономическій мотивъ вытѣсняется личнымъ влеченіемъ супруговъ другъ къ другу, но и отношенія между родителями и дѣтьми пріобрѣтаютъ чисто индивидуалистическій характеръ. Дѣти становятся дороги родителямъ не какъ наслѣдники, а какъ индивидуумы; родители видятъ въ дѣтяхъ не матерьялъ для муштровки и выработки продолжателей ихъ касты, а личностей, имѣющихъ право на свободное развитіе ихъ индивидуальныхъ способностей и влеченій.

Зародыши этого индивидуалистическаго брака и ин-

дивидуалистической семьи уже и теперь очень сильны; но они постоянно калѣчатся и подавляются вслѣдствіе того, что наряду съ этимъ продолжаетъ еще существовать обособленное домашнее хозяйство какъ основа семьи, что нужда и нищета въ однихъ случаяхъ, богатство въ другихъ слишкомъ еще часто даютъ перевѣсъ экономическимъ соображеніямъ надъ личными. Въ соціалистическомъ обществѣ, которое не знаетъ этихъ крайностей и все болѣе и болѣе отодвигаетъ назадъ обособленное домашнее хозяйство, именно благодаря этому и разовьется вполнѣ свободно личный характеръ брака и семьи. Этотъ личный характеръ и теперь уже въ сознаніи всѣхъ служитъ моральнымъ критеріемъ для оцѣнки семьи и брака. Нравственнымъ бракомъ и теперь уже считается только такой бракъ, при заключеніи котораго рѣшающую роль играли исключительно личные мотивы, а не экономическія отношенія супруговъ; нравственными семейными узами признаются только личныя, а не матерьяльныя узы, связывающія другъ съ другомъ членовъ семьи. Сынъ, видящій въ своемъ отцѣ лишь человѣка, отъ котораго ему предстоитъ въ будущемъ получить наслѣдство, отецъ, принуждающій сына противъ желанія избрать извѣстную профессію или вступить въ извѣстный бракъ, съ цѣлью пріумножить или сохранить семейное имущество, — оба поступаютъ, съ точки зрѣнія современныхъ понятій, безусловно безнравственно. Слѣдовательно, исчезновеніе частнаго домашняго хозяйства не означаетъ уничтоженія брака и семьи. Съ уничтоженіемъ собственнаго очага еще отнюдь не уничтожается собственное жилище. Современная культура знаетъ другого рода семейныя узы, помимо кухни и прачешной. Исчезновеніе частнаго домашняго хозяйства означаетъ лишь превращеніе семьи изъ экономической единицы въ чисто этическую, — оно означаетъ осуществленіе того нравственнаго требованія, которое созрѣло уже въ настоящее время подъ вліяніемъ развитія индивидуализма, вызваннаго ростомъ современныхъ производительныхъ силъ.

Соціализмъ не задушитъ потребности каждой все-

сторонне развитой личности имѣть собственное жилище, а сдѣлаетъ эту потребность всеобщею; онъ впервые дастъ и средства всѣмъ и каждому удовлетворить эту потребность.

Итакъ, крестьянину нечего опасаться за участь своего дома. Соціалистическій режимъ не можетъ не отразиться и на немъ, но тѣ перемѣны, въ гигіеническомъ и эстетическомъ отношеніи, которыя принесетъ онъ съ собою, отнюдь не послужатъ ко вреду для крестьянскаго жилья.

Упадокъ крестьянства ни на чемъ, можетъ быть, не обнаруживается такъ ярко, какъ на крестьянскихъ жилищахъ. Сельскохозяйственные рабочіе ютятся, какъ мы уже видѣли, въ убогихъ и грязныхъ стойлахъ; нисколько не лучше живутъ иногда и крестьяне. Но вѣдь и крестьянинъ тоже любитъ опрятность и красоту; это можно наблюдать вездѣ, гдѣ только онъ пользуется благосостояніемъ. Крестьянское жилище прежней эпохи, — напр., домъ швейцарца или изба русскаго крестьянина, — приводятъ въ восхищеніе архитектора; но въ настоящее время искусство крестьянской архитектуры копируется въ городскихъ виллахъ; оригиналы приходятъ въ упадокъ, и на крестьянскихъ усадьбахъ имъ не находится преемниковъ. Но дайте только крестьянину достатокъ и досугъ, — и крестьянинъ снова сдѣлается художникомъ. Завоевавшій политическую власть пролетаріатъ дастъ крестьянину то и другое; онъ не только освободитъ наемныхъ рабовъ въ промышленности, — онъ преобразуетъ и самоё деревню, гдѣ великолѣпныя красоты природы представляютъ теперь такой печальный контрастъ съ забитостью, нищетой и грязью сельскихъ жителей. Онъ превратитъ деревню въ цвѣтущій садъ, въ которомъ будетъ жить свободное, веселое и гордое поколѣніе.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр. 10, стр. 4 сверху — выкинуть слово „онъ“.

Стр. 32, стр. 14 снизу вмѣсто „политическія условія того“ надо читать: „такія политическія условія“.

Стр. 41, стр. 17 снизу вмѣсто „дюли“ надо читать: „люди“.

Стр. 151, стр. 15 снизу — запятая должна быть передъ словомъ „особенно“, а не послѣ него.